

ISSN 0131-6117

Русь -

R U S S I A N

Сказья

S P E E C H

Речь

МОСКВА, 2019

**МАРТ-
АПРЕЛЬ**

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

В. Г. Костомаров д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2019

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2019

**MARCH -
APRIL**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Elena Y. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia

Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vitaliy G. Kostomarov Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl University of Graz, Austria

Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland

Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK

Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia

Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**

Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... *И. Б. Левонтина*. Старые новые слова

Из истории русского языка

- 17..... *В. И. Максимов*. Железные папорзи в «Слове о полку Игореве». Что это или кто это?
- 30..... *Д. М. Савинов*. Почему Дубечна превратилась в Дубечино? (О важности лингвистического аспекта анализа топонимии)

Язык художественной литературы

- 37..... *С. Ю. Баранов*. Словесная формула «мнение народное» в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов»
- 49..... *А. А. Пауткин*. Вятский Лафонтен, или Затерянная страница истории русской басни

Национальный корпус русского языка

- 58..... *С. О. Савчук*. Корпус и изучение истории слов

Русский язык в Интернете

- 69..... *В. В. Дементьев*. Рубрика «Послания» в газете бесплатных объявлений 1990-х гг.: к вопросу о предшественниках и истоках интернет-коммуникации

В помощь изучающим русский язык

- 94..... *Б. Л. Иомдин*. Многозначность в задачах по русскому языку

Книжные новинки

- 112..... *Н. В. Халикова*. К выходу книги А. М. Пешковского «Лингвистика. Поэтика. Стилистика»

Наука в лицах

- 119..... *Н. Д. Светозарова*. Из истории отечественного языкознания: жизнь и труды С. К. Боянуса

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Irina B. Levontina*. Old New Words

From the History of the Russian Language

- 17..... *Vladimir I. Maximov*. Iron Paporzi in The Word of Igor's Campaign.
What Is It or Who Is It?
- 30..... *Dmitry M. Savinov*. Why Dubechna Transformed to Dubechino?
(On the Importance of Linguistic Aspect in Analysis of Toponymy)

The Language of Fiction

- 37..... *Sergey Yu. Baranov*. The Verbal Formula "Mind of the People"
in the Drama "Boris Godunov" by A. S. Pushkin
- 49..... *Alexei A. Pautkin*. Vyatka La Fontaine, or the Lost Page of Russian
Fables History

Russian National Corpus

- 58..... *Svetlana O. Savchuk*. Using Corpus to Study History of Words

Russian Language on the Internet

- 69..... *Vadim V. Dementyev*. "Messages" Column in the Free Ads Newspaper
of the 1990s: On the Question of the Precursors and Origins
of Internet Communication

Learning Russian

- 94..... *Boris L. Iomdin*. Ambiguity in Linguistic Problems Based on Russian

Book News

- 112..... *Natal'ya V. Khalikova*. To the Issuance of the Book by A. M. Peshkovsky
"Linguistics. Poetics. Stylistics"

Science and Persons

- 119..... *Natalia D. Svetozarova*. On the History of Russian Linguistics:
The Life and the Work of Simon Boyanus

Старые новые слова

Ирина Борисовна Левонтина, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), irina.levontina@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170004461-6

АННОТАЦИЯ: Появление в языке каждого нового слова — это отдельная история, иной раз долгая, запутанная или загадочная. В статье речь идет о двух словах, которые люди воспринимают очень по-разному и часто считают совершенно новыми: *задействовать* и *пообщаться*. Популярное сейчас слово *задействовать* в значении «использовать, привлечь» употребляется примерно с 80-х годов прошлого века, и то поначалу не очень активно; до этого же оно встречалось лишь в значении «начать действовать». В общий язык это слово выплеснулось в результате войны: оно используется в военных документах, а главное — в огромном массиве военной прозы и воспоминаний о войне, в военном кино и в текстах, связанных со съемками фильмов о войне. Из речи советских номенклатурных работников с военным прошлым оно проникло в советский административный язык, позже перешло в язык бизнеса и менеджмента и многими воспринимается уже как совершенно нейтральное, однако многих и раздражает. Слово *пообщаться* на самом деле совершенно не новое, оно встречается с 20-х годов прошлого века. Но если раньше *пообщаться* — это было больше, чем просто *поговорить*, то в последнее время *пообщаться* может указывать и на сугубо формальный разговор, без «душевного контакта»: *Можно пообщаться с менеджером/заведующим/ответственным?*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история слов, языковые изменения, семантическая эволюция, стилистическая окраска

для цитирования: Левонтина И. Б. Старые новые слова // Русская речь. 2019. № 2. С. 7–16. DOI: 10.31857/S013161170004461-6.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование финансируется из средств гранта РФФИ 19-012-00291А, «Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка», рук. Б. Л. Иомдин.

Issues of Modern Russian Language

Old New Words

Irina B. Levontina, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), irina.levontina@mail.ru

ABSTRACT: Emergence of each new word in a language is a story in itself, often a long, complicated and mysterious story. This article examines two words that Russian speakers perceive very differently and often consider them brand new: *zadeystvovat'* ('to use, to involve') and *poobshchat'sya* ('to talk, to communicate'). Word *zadeystvovat'*, currently so popular, is used from the early 1980s, at first not very actively, to denote the meanings "to use", "to involve". Before that time, it had been used only to denote the meaning "to begin acting". *Zadeystvovat'* found its way into the general language after the WWII: it was used in military documents and, what is more important, in numerous fiction books and memoirs about the war as well as in war films and accompanying materials. From the speech of soviet officials with military past it made its way into the soviet administrative language, later migrated into the business and managerial language. Now it is often perceived as a completely neutral word, even though it still irritates many people. Word *poobshchat'sya* (to consort, communicate) is not in fact new at all — one encounters it as early as 1920s. But while initially *poobshchat'sya* implied more than just "to talk", as of late it may denote a completely formal conversation, without any "heartfelt contact": *Mozhno poobshchat'sya s menedzherom/zaveduyushchim/otvetstvennym?* (Can I talk to the manager/a person in charge?)

KEYWORDS: history of words, language changes, semantic evolution, stylistic coloring

FOR CITATION: Levontina I. B. Old new words. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 7–16. DOI: 10.31857/S013161170004461-6.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from the RFBR 19-012-00291A, “Preparation of the fourth issue of the Active Dictionary of the Russian Language” (headed by B. L. Iomdin).

Появление в языке каждого нового слова — это отдельная история, иной раз долгая, запутанная или загадочная. Иногда людям кажутся новыми слова, которые на самом деле существуют в языке не одну сотню лет, а иногда о совсем новых словах люди уверенно заявляют, что слышат их всю свою жизнь, что все всегда только так и говорили. Нередко люди воспринимают одно и то же слово совершенно по-разному, и при этом они непримиримы. Поговорим о двух словах — то ли старых, то ли новых: *задействовать* и *пообщаться*¹.

Задействовать

Недавно у нас в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН был такой случай. При обсуждении словарных статей один из коллег сказал, что ему не нравится слово *задействовать*, которое другой коллега употребил в своем словарном толковании. Началось жаркое обсуждение. Некоторые, особенно молодые, говорили, что, мол, обычное слово, ничего такого, даже очень полезное, и непонятно, чем его можно было бы заменить (*использовать*, *привлечь* подходят, но не всегда хорошо). Другие, особенно те, что постарше, говорили, что слово действительно так себе — что-то в нем есть неприятное: то ли оно канцелярское, то ли просто какое-то новое и в языке не прижившееся, то ли еще что.

Что же мы увидим, если заглянем в Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru)? Действительно, в последние лет тридцать это слово используется нередко и в довольно разнообразных контекстах:

*Были интересные вопросы: о перестройке (что нужно **задействовать** страх, кроме пряника) (Н. Амосов. Дневник. 1987).*

*Дайте хоть в этом году возможность **задействовать** наши резервы, включить хозрасчетные стимулы (Труд. 01.01.1989).*

*Это особенно важно для столь высокотехнологичных и затратных проектов, как переход на непрерывную разливку, в которых **задей-***

¹ Заметки о словах, о которых идет речь в статье, публиковались на портале «Хороший текст» <https://horoshiy-text.ru>.

ствованы западные производители оборудования (Металлы Евразии. 18.06.2004).

В 1990 году в России было 785 организованных преступных группировок (ОПГ), в 1994 году — 5691, ныне МВД оценивает их количество в 10 тысяч. В них **задействовано** около 300 тысяч «пацанов», бойцов, активных участников (Советская Россия. 15.02.2003).

В наших перформансах-акциях в качестве зрителей и участников были **задействованы** также многие московские художники, литераторы, музыканты (Родник. 1989).

В будущем мы планируем **задействовать** наши разработки для изучения связи между стрессом и поведением в обществе (Русский репортер. 2013).

Тут, извиняюсь, **задействованы** силы куда серьезней людей (В. Пелевин. Бэтман Аполло. 2013).

Сотни две камер сразу **задействованы**, павильонов съемочных под сотню, не чета нашим киностудиям (Техника — молодежи. 1977).

В шоу **задействованы** реальный адвокат и врач Анны Николь, а также ее 16-летний сын Дэниэль (Известия. 30.08.2002).

В проекте **задействованы** около 70 актеров, и 40 из них — основные персонажи (Культура. 01.04.2002).

Об актерах раньше говорили занят в постановке, но все чаще мы слышим **задействован** в постановке.

Обращаясь к корпусу, мы с изумлением видим, что слово **задействовать** использовали еще Зинаида Гиппиус и Андрей Белый. Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что это вовсе не наше суконное **задействовать**, а совершенно другое — **задействовать** здесь значит «начать действовать»:

Ленин немедленно, в тот же вечер, **задействовал**: объявил, что отрекается от социал-демократии (даже большевизма), а называет себя отныне «социал-коммунистом» (З. Гиппиус. Дневники. 1914–1928).

Я верю Керенскому, лишь бы ему не мешали. Со связанными руками не **задействуешь**. Ни твердости, ни власти не проявишь (именно власть нужна) (З. Гиппиус. Дневники. 1914–1928).

...Открыл перочинный свой ножик, — давайте попробуем, как патентованный ножик **задействует** над патентованным мясом (А. Белый. Москва. Часть 2. Москва под ударом. 1926).

Собственно, начинательное значение и потом не исчезло из языка:

Если в газетах замелькали пространные сообщения о конкурсах балетных и музыкальных, если целые полосы сверстаны из материалов об

*отдыхе трудящихся, спорте, туризме, альпинизме и призывах сдавать нормы ГТО — значит, **задействовал** «громоотвод»* (В. Астафьев. Зрячий посох. 1978–1982).

Задействовал — значит «начал действовать». Однако глагол *задействовать* в начинательном значении — скорее потенциальное слово. Вспоминается фрагмент из «Москвы — Петушков» Венедикта Ерофеева, как раз построенный на игре с начинательной приставкой «за-»:

И наутро смотрю: открылось окошко, он в него высунулся и потихоньку закурил. Потом — потихоньку заработал, заучился, запил... И стал человек как человек.

Что же касается *задействовать* в значении «использовать, привлечь», то корпус показывает довольно ясную картину. До войны оно если и мелькало в текстах, то изредка и в очень специальных контекстах:

*Эмоции-аффекты, по Ланге, определяются состоянием иннервации и шириной сосудов, которые **задействованы** при этих эмоциях* (С. Рубинштейн. Основы общей психологии. Части 4–5. 1940).

В общий язык это слово выплеснулось в результате войны: оно используется в военных документах, а главное — в огромном массиве военной прозы и воспоминаний о войне, в военном кино и в текстах, связанных со съемками фильмов о войне. Из речи советских номенклатурных работников с военным прошлым оно проникло в советский административный язык, а позже перешло и в язык бизнеса и менеджмента:

*Во всех дивизиях тщательно проверить число **задействованных** пулеметов и максимально увеличить их число* (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 11. 1941–1945).

***Задействованные** средства не могли быть своевременно сняты и подвинуты вперед для организации связи за продвигающимися войсками* (Там же. Выпуск 8. 1941–1945).

*Не были **задействованы** имевшиеся противоторпедные сети и аэростаты, радарный контроль осуществлялся только с 4 до 7 часов утра* (Е. Петров. Фронтовой дневник. 1941–1942).

*30 сентября. По возвращении в Москву сняли несколько сцен из «Спутников». Возле Рижского вокзала стоял санитарный поезд времен войны, даже еще пахло лекарствами. Все носилки, ведра, костыли и проч. были **задействованы** настоящие. Нам разрешили снимать на фоне поезда* (В. Катанян. Лоскутное одеяло. 1943–1949).

— *Час назад немцы подавили выдвинутые вперед батареи на том берегу... <...> Против них **задействована** истребительная противотанковая бригада. Введен танковый полк...* (Ю. Бондарев. Горячий снег. 1969).

*Я знал, что к розыску и проверке привлечены тысячи людей, **задействованы** многие сотни оперативных групп* (В. Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...)). 1973).

*У нас выявились новые возможности высвобождения рабочей силы, и дай нам Бог хотя бы ее **задействовать**, а не то что приглашать* (Н. Хрущев. Воспоминания. 1971).

Интересная подробность. Обратимся к военным воспоминаниям Николая Никулина. Это, на мой взгляд, самые потрясающие и трагические военные воспоминания, потрясает и судьба их автора. После школы он сразу ушел в Ленинградское ополчение, а потом попал на фронт и прошел всю войну, закончив ее в Берлине, причем воевал все время на передовой; вернувшись, поступил в Ленинградский университет, а потом всю жизнь работал в Эрмитаже, писал научные работы о западноевропейской живописи — а в 1975 году написал военные воспоминания. Опубликованы они, однако, были, лишь в 2007 году, за два года до его смерти, — причем в издательстве Эрмитажа. Это неудивительно: настолько непарадна та война, которая описана у Никулина, и настолько неудобна его военная правда. Так вот, у Никулина тоже встретилось слово *задействовать*:

*Чтобы взять город, надо «**задействовать**» 200 тысяч солдат!* (Н. Никулин. Воспоминания о войне. 1975)

Обратим внимание, что слово здесь взято в кавычки. То есть, когда в 1975 году Николай Никулин писал свои воспоминания, он ощущал это слово как чужое, как цитату из военного жаргона.

Вот еще один любопытный пример, в котором это слово закавычено:

*В сложных ситуациях, а их было много, да и вообще почти всегда на завершающем этапе работы все «**задействованные**» в ней собирались у Андропова в кабинете, снимали пиджаки, он брал ручку — и начиналось коллективное творчество* (Г. Арбатов. Человек Системы. 2002).

Здесь автор в XXI в. все еще ощущает это слово как «чужое», хотя скорее всего воспринимает его как слово не военного, а бюрократического жаргона.

И до сих пор за словом *задействовать* тянется этот шлейф. Вроде как будто и ничего, но вот все же, воля ваша, но в следующем примере оно выглядит странно:

*Но потом режиссер со сценаристом Александром Бородянским решили **задействовать** другие слова — Иоанна Богослова, обработав их в призывно-жанровом духе: как-никак политический триллер* (Парадокс. 01.05.2004).

Пообщаться

В многосерийном фильме «Григорий Р.» фрейлина Вырубова говорит Распутину: «Я привезла журналиста, чтобы вы с ним **пообщались**». Слово *пообщаться* в таком контексте режет слух, представляется явным анахронизмом.

Парадокс, однако, в том, что слово это вовсе не новое. Так, оно несколько раз встречается в тибетских дневниках Петра Козлова — а это первая половина 1920-х гг.:

*И если бы только было возможно слетать на аэроплане в умственные центры родной страны месяца на три, пожить там, сдать научный материал, **пообщаться** с друзьями науки, со специалистами, поделиться сведениями с широкой публикой (П. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 5. 1926).*

*Мне лично было очень приятно свидеться и побеседовать, **пообщаться** с петроградцем, с человеком, который в курсе всего научного (там же, № 5. 1926).*

*Мне очень интересно **пообщаться** с Виноградовым, Царевским, Кузнецовым и его единомышленниками (там же, 1923–1926 гг. № 3. 1924–1925).*

*Очень хочется **пообщаться**, узнать, что там делается, каких достигли результатов не только путем раскопок, но и путем живых исследований, наблюдений и сборов по части монгольской природы (там же, 1923–1926 гг. № 2. 1924).*

Правда, дневники эти были подготовлены к печати вдовой Козлова уже после его смерти и опубликованы в 40-е годы, но нет оснований считать, что она вписала туда именно это слово.

Вот еще один довольно ранний пример:

*Местное население тяготеет к католическому зарубежью, перебегает за кордон без особого труда, чтобы **пообщаться** со своими единоверцами, а то просто занимаясь мелкой контрабандой (митрополит Евлогий (Георгиевский), Т. Манухина (литературная запись). Путь моей жизни. 1935–1940).*

А уж глагол *общаться* использовался в русском языке еще намного раньше (см. о нем [Зализняк 2005]):

*Герой, о коем идет речь... **общается** только с честными людьми; честь и честность составляют его достояние (А. Суворов. Письма. 1787–1800).*

*Когда в 1755 году в Петербурге свирепствовали эпидемические сыпные болезни — оспа, корь и лопуха, то чрез посредство Святейшего Синода было опубликовано, чтобы больные не **общались** со здоровыми (Н. Косто-*

маров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск седьмой: XVIII столетие. 1862–1875).

*Зиссерман... ставил нам в пример немцев, которые, набравши в плен такое множество французов, почти не говорили с ними и не хотели с ними вовсе **общаться*** (К. Леонтьев. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на пушкинском празднике. 1880).

Но вернемся к *пообщаться*. С середины XX в. слово начинает употребляться довольно широко:

*Когда у меня бывала потребность с ними **пообщаться**, они не являлись. Некогда им было* (В. Панова. Который час? Сон в зимнюю ночь. 1941–1963).

*Встречаясь с новым человеком, мы прежде всего замечаем, мужчина это или женщина, затем отмечаем возраст и, наконец, уже некоторое время **пообщавшись**, узнаем или догадываемся о профессии* (Химия и жизнь. 1967).

Как мы видим из этих примеров, *пообщаться* — это обычно не просто поговорить. Везде просматривается идея сближения, **общности**. Это какой-то тесный контакт, или глубокие или длительные отношения с человеком, или что-то подобное:

*Дорогие мои, здравствуйте! Как приятно начинать письмо в хорошем настроении: не надо думать о том, что вот, мол, снова огорчишь адресатов, не надо подбирать слова для описания всяких неудобоописуемых невзгод и вообще многого не надо. Причина для парения духом у меня одна: мы снова собрались всей компанией. Очень здорово было увидеть вблизи Алика [Гинзбурга] и **пообщаться** с ним* (Ю. Даниэль. Письма из заключения. 1966–1970).

Особенно характерны следующие два примера:

*Сеанс, как мы говорили, кончался в полночь. У входа никого из жаждавших билетика не было. А жаль! Вот тут-то и **пообщаться** бы! Тут-то и поговорить по душам или, точнее, — отвести душу. Ибо душа, что называется, кипела.* (Советский экран. 1963).

*Тот, кто думает, что баня существует исключительно для мытья, глубоко заблуждается. В баню ходят главным образом для того, чтобы **пообщаться** друг с другом. Где еще можно спокойно поговорить? В гостях вечно перебивают другие приглашенные, да и рот все время занят едой и выпивкой. В общественном транспорте толкаются, на стадионах шумно* (Э. Рязанов, Э. Брагинский. Ирония судьбы, или С легким паром. 1969).

В последнее время слово стало еще популярнее, так что некоторые люди воспринимают его как новое, как будто молодежное. Не случайно в следующем примере оно закавычено:

*В Печатном дворе на территории РГГУ на улице Никольской, дом 15 (начало в 12.00), студенты московских вузов познакомятся с историей создания первой печатной книги на Руси и традициями книгоиздания, «**пообщаются**» со своими сверстниками... (Вечерняя Москва. 16.05.2002).*

Кавычками автор показывает, что сам он, может быть, этого слова бы не сказал, а вот современная молодежь, мол, так говорит.

Итак, мы увидели, что слово не новое. Но кое-что новое с ним в последнее время случилось. Дело в том, что *пообщаться* стало употребляться применительно к чисто функциональному контакту, не предполагающему «ничего личного»:

***Пообщался** и с одной из многочисленных фирм, предлагающих помощь в быстром получении заветного гражданства (Аргументы и факты. 22.01.2003).*

*Мне удалось **пообщаться** с жильцами разных этажей, и все они в один голос говорили о Севрюгиной только хорошее (Вечерняя Москва. 16.05.2002).*

Произошла парадоксальная вещь: раньше *пообщаться* — это было больше, чем просто *поговорить*, а теперь *пообщаться* может указывать на куций, вырожденный, сугубо формальный разговор, без душевного контакта. Можно *пообщаться* с менеджером/заведующим/ответственным? становится формулой современного делового этикета:

*Можно ли **пообщаться с администратором**? С тем, кто сможет помочь со сменой пароля на почте, не помня ответа на контрольный вопрос (www.hx9.ru/question/22073382).*

Ясно, что здесь о душевном контакте речь не идет, ожидаются лишь указания по смене пароля электронной почты. Аналогичная ситуация и в следующих примерах:

*После выбора ресторана, если есть возможность, нужно посетить заведение, **пообщаться с администратором**, уточнить все важные детали... (libhaber.ru).*

***Пообщаться с руководством** центра соцзащиты населения можно на онлайн-приемах в библиотеках Волжского. (ahtuba34.ru/news/society/news...video...rukovodstvom...).*

*Добрый день. У меня есть идея по привлечению крупных денежных средств на вклады на 2–3 года минимум. Необходимо **пообщаться с руководством** (Professional.ru·Soobschestva...rossii...rukovodstvom/).*

Именно поэтому так анахронично звучит фраза Вырубовой: «Я привезла журналиста, чтобы вы с ним **пообщались**». Здесь слово использовано в этом новом значении. Никакое задушевное общение Распутина с репортером, разумеется, не предполагается. Имеется в виду, что журналист должен записать и транслировать ценные соображения Распутина о жизни и смерти, о войне и мире, о судьбах России.

Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Литература

Анна А. Зализняк. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев, И. Б. Левонтина. Ключевые идеи русской языковой картины мира (сборник). М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 167–174.

References

Anna A. Zaliznyak [Notes on Words: Communication, Attitude, Request, Feelings, Emotions]. In Anna A. Zaliznyak, A. D. Shmelev, I. B. Levontina. Key Ideas of the Russian Language Picture of the World (collection). *Anna A. Zaliznyak, A. D. Shmelev, I. B. Levontina. Klyuchevye idei russkoi yazykovoi kartiny mira (sbornik)*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2005. Pp. 167–174. (In Russ.)

Из истории русского языка

Железные папорзи в «Слове о полку Игореве». Что это или кто это?

Владимир Иванович Максимов, Общество исследователей Древней Руси при ИМЛИ РАН
(Россия, Москва), vladimir_maksimov44@mail.ru

10.31857/S013161170004462-7

АННОТАЦИЯ: Несмотря на более чем двухсотлетнее изучение знаменитого памятника древнерусской литературы «Слова о полку Игореве», последний по-прежнему сохраняет множество так называемых «темных» мест и слов, не имеющих достоверного перевода и объяснения. В настоящей статье рассматривается история переводов и толкований одного из таких слов — слова *папорзи* в «темном» месте из «злата слова» великого князя Святослава «Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ шеломи латинскими». Исходя из предположения о возможном польском источнике слова, употребленного в обращении к князьям западных русских земель, граничащих с Польшей, рассмотрена версия возникновения слова «папорзи» в результате искажения польского *porarcie* ‘помощь’ и предложена конъектура *попарзи* с толкованием, соответствующим древнерусскому военному термину *помочи*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «Слово о полку Игореве», «темные» слова, папорзи

для цитирования: Максимов В. И. Железные папорзи в «Слове о полку Игореве». Что это или кто это? // Русская речь. 2019. № 2. С. 17–29. DOI: 10.31857/S013161170004462-7.

From the History of the Russian Language

Iron Paporzi in The Word of Igor's Campaign. What Is It or Who Is It?

Vladimir I. Maximov, Society of Researchers of Ancient Russia at the Institute of World Literature
(Russian Academy of Sciences), (Russia, Moscow), vladimir_maksimov44@mail.ru

ABSTRACT: Despite more than two century's investigations of the famous early medieval Russian literal memorial "Slovo o Polku Igoreve" ("The Word of Igor's Campaign"), it has a lot of so called "dark" places and words without accepted interpretations and explanations. Translations and interpretations for one of these words is being considered in this article — the word "paporzy" from the "dark" place of so called "zlatо slovo" ("golden speech") of Sviatoslav the Great Knyaz of Kiev ("Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подѣ шеломи латинскими"). Referring to the polish version of the word origin, that was used in a speech to knyazia (princes) of the western Russian lands, neighbouring with Poland, a version of the polish poparcie (assistance) distortion is analyzed and conjecture for "poparzy" with explanation is presented corresponding to the ancient Russian word "pomochy" (help).

KEYWORDS: The Word of Igor's Campaign, "dark" words, "paporzy"

FOR CITATION: Maximov V. I. Iron Paporzi in The Word of Igor's Campaign. What Is It or Who Is It? Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 17–29. DOI: 10.31857/S013161170004462-7.

П*апорзи* (ударение принято ставить на первый слог) с эпитетом *железные* упомянуты в обращении Святослава Киевского к западным русским князьям Роману Волынскому и не поддающемуся однозначной идентификации Мстиславу:

А ты буй Романе и Мстиславе!
храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло.
Высоко плаваеши на дѣло въ буети,
яко соколъ на вѣтрехъ ширяся,
хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.
Суть бо у ваю желѣзныи *папорзи*
подъ шеломи латинскими.
Тѣми тресну земля,
и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела,
и Половци сулицы своя повръгоша,
а главы своя по(д)клониша подѣ тыи мечи харалужныи.

Непонятные *папорзи* упоминаются не только в первом издании «Слова», но и в Екатерининской копии, и в выписках Н. М. Карамзина.

В других древнерусских текстах это слово не обнаружено. Первые издатели без каких-либо пояснений перевели *папорзи* как *латы*: «У васъ *латы* желѣзныи подѣ шлемами Латинскими». Примерно так же понимал это слово И. И. Срезневский, который в своем словаре со ссылкой на фразу «Суть бо у ваю желѣзныи папорзи...» привел толкование «*папорзѣ* — наплечник, верхняя часть брони», указав: «Ср. Рус. обл. папорзокъ — плечевая кость (Грязов.)».

Позже предлагались толкования фразы, предполагающие внесение конъектур [Творогов (отв. ред.) 1995: 28]. Так, Ф. И. Буслаев (1861 г.) предложил исправить *папорзи* на *паперси*, считая их латами нагрудными. Впоследствии В. Н. Перетц (1926 г.) уточнил — *поперсыци* с тем же значением. Позже Л. А. Дмитриев, исходя из *поперсыци*, предложил понимать слово как «панцыри» в переносном значении «защитники княжества» [СПИ 1952: 276]. В 1936 г. А. С. Орлов высказал предположение, что *папорзи* могут являться результатом зеркального написания слога «роп», и предложил *паропци* — «молодые воины», а вместе с эпитетом — «железные молодцы». И наконец, в 1958 г. Ю. М. Лотман, приведя палеографическое обоснование — рамочная буква «в», перепутанная с «п», и опущение безударного «о», — предложил прочтение *павор(о)зи* — «ремешки, прикрепляющие шлем к подбородку» [Лотман 1958: 38], после чего процесс внесения конъектур замер.

Последняя конъектура, видимо, считается наиболее удовлетворительной, поскольку *папорзи* как «ремешки» даже попали в русское издание этимологического словаря М. Фасмера [Фасмер 1987: 202] (правда, как дополнение от переводчика с немецкого О. Н. Трубачева), а в словаре-справочнике В. Л. Виноградовой [Виноградова (сост.) 1973] и в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве»» [Творогов (отв. ред.) 1995] не без ее влияния слово представлено неочевидной формой единственного числа *папороз(ъ)*.

Однако общее понимание слова не сформировалось, и в наиболее значимых изданиях «Слова» *папорзи* толкуются по-разному (ниже — в хронологическом порядке):

- «желѣзныи *папорзи* — железные молодцы» [СПИ 1952: 73] (А. С. Орлов);
- «желѣзныи *паворзи* — железные паворзи» — конъектура с неопределенным переводом и осторожной критикой в комментарии существующих версий [СПИ 1967: 52, 63, 510] (Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, О. В. Творогов);
- «желѣзніи *паперси* — железные нагрудники» [СПИ 1985а: 31, 42, 471] (Н. А. Мещерский, А. А. Бурыкин);
- «желѣзніи *паробци* — железные молодцы» [СПИ 1985б: 42, 70] (Д. С. Лихачев);
- *паворози* без перевода с комментарием «ремешки с железными пластинками» [СПИ 1985в: 54] (О. В. Творогов);
- «желѣзныи *паворози* — железные подвязи» [СПИ 1990: 61, 83] (Д. С. Лихачев);
- «железныи *папорзи* — панцири железные» [СПИ 1997: 150, 157] (Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев).

С некоторым сомнением, указывая в примечании: «Версия “завязки, крепящие шлем”. Из прочих версий: *пап(е)р(с)и* “конские нагрудники”, “панцири”, сохраняет в тексте «Слова» конъектуру *паворзи* А. А. Зализняк [Зализняк 2008: 470].

Все эти толкования по разным причинам (как нагрудники либо наплечники *паперси-поперьски*, так и ремешки-*павор(о)зи* слабо помогают пониманию и этой фразы, и следующего за ней «Теми тресну земля...», а *паропци*, не будучи достаточно убедительными, поскольку молодые воины вряд ли могли быть основной ударной силой княжеского войска, подразумевают существенную конъектуру) остаются весьма сомнительными.

Что касается версии *паворзи*, то наряду с недостаточной смысловой достоверностью этой версии отмечена ее морфологическая небезупречность. Так, В. Э. Орел, отзывавшийся о ней как о наиболее обоснованной («филологически фундированной и, по всей видимости, верной»), счел

необходимым заметить: «Ожидалось бы полногласное *паворози* (как соответствие польскому *powtóz* «веревка» и т. п.), что осложняет конъектуру» [Орел 1988: 129].

В лотмановские «ремешки-подвязи» для крепления шлема, похоже, не очень верил Д. С. Лихачев, поскольку этот вариант представлен им только в одном издании «Слова» [СПИ 1990] из перечисленных выше. В других изданиях под его редакцией фигурируют либо нагрудники-панцири, либо *мóлодцы-паробци*. Причем довольно курьезным представляется присутствие в «Историко-литературном очерке» Д. С. Лихачева одновременно обоих вариантов: в пояснительном переводе написано: «Суть бо у ваю желѣзныи паперси подъ шеломи латиньскими» — «Есть ведь у вас железные латы под шлемами латинскими» [Лихачев 1976: 66], а в приведенном в Приложении тексте «Слова» — «Суть бо у ваю желѣзныи паробци подъ шеломи латиньскими» [Лихачев 1976: 137].

Другие исследователи Памятника свои сомнения в правильности упомянутых толкований выражали открыто. Так, А. А. Косоруков, приводя возражения О. В. Творогова касательно «незначительной детали — вида завязок под шлемами» и невозможности с помощью неодушевленного предмета объяснить последующую фразу текста — «Теми тресну земля...» [СПИ 1967: 510], отмечал: «Вряд ли можно считать удовлетворительными конъектуры “паперси” или “поперьски” со значением “латы” и “паворози” со значением “чешуйчатый ремешок, прикрепляющий шлем к подбородку”» [Косоруков 1986: 285]. И там же: «Не получила признания и поправка А. С. Орлова “паропци” в значении “молодые воины”, хотя по смыслу она более других подходит к контексту». Сам А. А. Косоруков в переводе, без объяснения, но в соответствии с контекстом, написал: «железные **полки** под шлемами латинскими». Позже он высказал мысль о том, что *папорзи* могут быть искажением слова *прапорци* (знамена) с тем же значением «полки» [Косоруков 1996: 211].

Можно указать еще одно логическое несоответствие железных подвязей тексту Памятника. В высказывании «Суть бо у ваю желѣзныи *папорзи* подъ шеломи латинскими» местоимение двойственного числа «ваю» указывает на исключительную их принадлежность Роману и Мстиславу. Так понимал это место и Ю. М. Лотман, относя эту деталь к образной характеристике князей-воинов. Между тем в Памятнике князьям положены золотые (золоченые) шлемы — бьется с половцами, «своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая», Всеволод (а значит, золотой шлем был и у руководителя похода, Игоря), прямо в следующем обращении Святослава к Ингварю, Всеволоду, и всем трем Мстиславичам (среди которых Д. С. Лихачев числит повторно упомянутого Романа) говорится: «Кое ваши златыи шеломи...?» — и далее: «Ты, буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злачеными

шеломы по крови плаваша?» А к золотому шлему, конечно, должны были быть приданы золотые или хотя бы позолоченные, а никак не железные, подвязи. Да и вообще, много ли толку в бою от двух пар ремешков, удер-живающих княжеские шлемы?

Вместе с тем долгие непродуктивные поиски приводят исследова-телей к мысли о том, что хорош любой вариант. Так, А. С. Демин пишет о «папорзях-паперсях-паворозях» как о «примере словесной толерантно-сти»: «Семантическая особенность «Слова о полку Игореве», наблюдаемая в данном случае, по-видимому, была вот какой: во фразы и выражения автор регулярно вкладывал настолько расширительный, переносный, иносказательный смысл, что в пределах такого смысла становилось воз-можным менять конкретные слова внутри фразы по созвучию, по род-ственности значений или как-либо еще, чем и занимались позднейшие переписчики, а затем и исследователи «Слова». И далее: «Таково семан-тическое коварство “Слова” — плата за широкую иносказательность» [Де-мин 2009: 301–305].

Но все же поиски происхождения «темных» слов Памятника и их бо-лее адекватных переводов имеет смысл продолжать. В частности, в связи со словом *папорзи* прежде всего необходимо отметить приведенную в тексте их атрибутику «подъ шеломы латинскими». Латинами естествен-но считать в первую очередь поляков, как ближайших соседей латинской веры на запад от Руси (литовцы в то время были еще язычниками). Еще определеннее на связь западных русских князей с Польшей автор ука-зывает в следующем эпизоде «злата слова» — обращении Святослава к Инъгварю, Всеволоду, и всем трем Мстиславичам, владеющим Ляцкими сулицами и щитами. И здесь определенный интерес о языковых особен-ностях «Слова» представляет мнение современников его первого издания. В 1920 г. Л. К. Ильинский опубликовал «Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII века» [СПИ 1967: 95–107]. В предисловии к «Переводу» неизвестный автор пишет: «Сия поэма писана в исходе XII века на славенорусском языке; но столько встречается в ней малороссийских на-званий, что не знающему польского языка трудно и понимать». Из даль-нейшего текста предисловия видно, что пишущий был довольно близок с первыми издателями — «но оригинал затерялся у Николая Михайловича (по-видимому, речь идет о Н. М. Карамзине. — В. М.), а у меня также был список перевода несколько уже выправленный». Под «оригиналом» здесь, видимо, понимался первоначальный вариант перевода «Слова», сделан-ный первыми издателями.

Отметим: польский язык. Это мнение человека, имевшего список с Мусин-Пушкинской рукописи Памятника, а возможно, видевшего и саму рукопись. То, что автор этих строк смешивает малороссийское наречие

и польский язык, неудивительно, поскольку до середины XVIII в. часть современной Украины, именуемая Малороссией, входила в состав Речи Посполитой.

Не отрицали возможность присутствия в Памятнике полонизмов А. С. Орлов, а затем и Д. С. Лихачев, который, однако, указывал, что «полонизмы могут быть разные: полонизмы, пришедшие в русский язык в XVIII в., и полонизмы, пришедшие в язык в XII в. из старопольского» [Лихачев 1976: 160]. Правда, позже А. А. Зализняк отметил, что «бесспорных полонизмов, т. е. несомненно пришедших из польского и несомненно отсутствовавших в древнерусском, в СПИ не обнаружено» [Зализняк 2008: 91].

Обратим, однако, внимание на то, что Роман и Мстислав, к которым вызывает в рассматриваемом эпизоде Святослав Киевский, — князья западных русских земель, соседних с Польшей (Галич не так далеко от Кракова, который в то время был польской столицей). Контакты Древней Руси с Польшей ввиду географической и языковой близости были весьма активными: заключались династические браки (в 1042 г. сестра Ярослава Мудрого Добронега была выдана замуж за Казимира I, в 1103 г. дочь Святослава Изяславича Сбыслава — за Болеслава III), соседи участвовали в разрешении внутренних конфликтов в обоих государствах. Так, в 1018 г. Ярополк, с помощью Болеслава I победив в сражении на Буге Ярослава, вернул себе Киев, в 1047 г. Ярослав ходил в Польшу помогать своему зятю Казимиру I в подавлении мятежа, а в 1069 г. Болеслав II приходил с беглым Изяславом Ярославичем прогонять незаконно оказавшегося на киевском столе Всеслава Полоцкого. Неоднократно ходил в Польшу Владимир Мономах — то воевать, то заключать мир. Роман, который, по мнению Д. С. Лихачева, был полуполяком [Лихачев 1985: 136], внуком Болеслава III по материнской линии (Агнеса, дочь Казимира I), тоже ходил воевать в Польшу, где позже и погиб. Поэтому на Руси должны были быть известны многие польские слова, в первую очередь термины из польского военного лексикона, которые у западных князей вполне могли войти в обиход. И один из таких терминов мог быть использован в «злате слове» Святослава не только для придания стилистического колорита, но как элемент подчеркнуто уважительного, учитывающего региональные особенности языка, обращения к довольно независимым западным князьям.

Поэтому имеет смысл искать источник слова в польском языке. Тем более, что и ранее высказывались предположения о польских корнях слова: так, И. Добровский в письме А. С. Шишкову высказал предположение, что слово *папорзи* родственно польскому *porrag* — подпруга.

И хотя точного совпадения в польском языке, ни современном, ни старом, обнаружить не удастся, понять значение этого слова представ-

ляется все же возможным. Весьма существенным при этом является его употребление с определением «железные». В тексте «Слова» это определение встречается еще три раза, из которых один раз — в прямом смысле (как материал):

Уже соколама крыльца припѣшали поганыхъ саблями,
а самаю опу(с)тоша въ **путины желѣзны**

и дважды — в переносном:

а поганого Кобяка изъ луку моря отъ **желѣзныхъ** великихъ
плѣковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже

и

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!
высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ.
Подперъ горы Угорскыи своими **желѣзными плѣки**.

Принятая составителями «Энциклопедии СПИ» [Творогов (отв. ред.) 1995] версия **папорози** с определением **железные**, относящемся к материалу, как уже было отмечено выше, плохо вписывается в контекст обращения Святослава к волынским князьям. В то же время употребление в двух последних случаях и продолжение рассматриваемого отрывка «теми тресну (содрогнулась. — В. М.) земля», явно отражающее тяжелую поступь полков, заставляет предположить, как это и сделал А. А. Косоруков, что **железные папорози** представляют собой какое-то название войска вообще, аналогичное «железным полкам» половецким и галичским.

И такое польское слово, похожее по звучанию и по графике (при записи кириллицей) и, что самое главное, подходящее по смыслу, существует. Это **poparcie** — **поддержка, помощь**, в том числе военная [Doroszewski (red.) 1958]. По-польски звучит **popárчe** с ударением на второй (как обычно в польском — предпоследний) слог. К сожалению, ввиду скудности памятников старопольской письменности обнаружить слово **poparcie** удалось лишь в тексте XVI в., в так называемой Конституции 1587 г., принятой на съезде шляхты в Вислице, подтвердившей принцип «вольной элекции» при выборах польского короля, которым стал Сигизмунд (Зигмунт) III, и начинавшейся словами «Poparcie wolney elekcyei krola Sygmunta trzeciego...», где оно имеет значение «поддержка». Однако зарегистрированы топонимы, по-видимому, довольно древнего происхождения. Так, в хрониках войны 1812 г. упомянуто название населенного пункта **Попарцы** неподалеку от Ковно как места одной из первых стычек русского арьергарда с передовыми частями французской конницы Мюрата. В более близкой по времени к «Слову» жалованной грамоте короля

польского и великого князя литовского Владислава (Ягайла) князю литовскому Скиргайлу 1387 г. поселение названо **Попорти** с неясным значением [ГрПол: 83, 829]. На польских картах до 1939 г. населенный пункт именуется **Poparcie**. В настоящее время — **Paparčiai** (в Литве). Русские топонимы дают основания полагать, что по крайней мере в восточной зоне польское слово звучало или воспринималось «русским ухом» как **попáрци**. При этом окончание приводилось к стандарту языка, заимствующего слово (как в современном литовском). Искажение русифицированного варианта слова и могло породить неясное **папорзи**.

Отметим, что если безударное «о» в первом слоге русской версии названия населенного пункта в XIX в. соответствует письменной форме в польском, то два других случая демонстрируют «пляшущие» «о-а», как в первом, так и во втором слоге. Также **пано-** вполне может быть объяснено перестановкой слогов «по» и «па» при воспроизведении незнакомого слова переписчиком или ошибкой первых издателей, чему, безусловно, способствовала легкость такого искажения, поскольку в рукописи не всегда четко различались «о» и «а» [Щепкина 1952: 291]. Правда, остается под вопросом написание «з» вместо вероятного «ц», при том что, исходя из «стандартов» древнерусского письма, построить удовлетворительное палеографическое объяснение этого прочтения как ошибочного не представляется возможным, на что указывал Ю. М. Лотман [Лотман 1958: 38].

Не исключено, однако, польское происхождение «з». В эпоху становления польского языка звук «ц» («ч»), позднее приобретший обозначение «с», видимо, тяготел к «з», поскольку в латинских текстах X–XII вв. обозначался преимущественно буквой «z». Таково написание польских этнонимов Zabrozi (zaboracy), Lendizi (лендзичи), Golensizi (Golęszycy) в Хронике Географа Баварского, Lusizi (лужичи) наравне с Luzici у Титмара Мерзебургского, топонимов Lunciz (Łęcyca) и Deuentliz (Devętlīc) в Гнезненской булле 1136 г. То же видим в первой записи на польском «day ut ia pobrusa a ti pozivay», означающей «daj ać (= że) ja pobruszę a ty roszywaj» — «дай же я поверчу жернов, а ты отдохни», которая написана латиницей в Генриковой книге под 1270 г. о чехе Богухвале и его жене, моловшей в жерновах зерно. Поэтому на ранней стадии формирования польского языка слово могло восприниматься русскими не как **попарци**, а как **попарзи**.

Следует отметить, что в предлагаемой версии «о» между «р» и «з», отсутствие которого трудно объяснить, исходя из **паворозъ**, не было вовсе, а древнерусское толкование слова не представляет сложности, поскольку соответствующий военный термин весьма часто встречается в летописях. Это слово **помочь** (мн. **помочи**) в смысле «войско», удовлетворяющее контексту более других вариантов прочтения.

В основном именно в этом значении слово употреблялось во времена похода Игоря: «И сняшася у Переяславля Игорь съ двѣма сынома из Новагорода Сѣверскаго, из Трубѣча Всеволодь, брата его, Ольговичъ Святославъ изъ Рылска и **черниговская помочь**» (Лаврентьевская летопись, 1185), «Давыд же приде по Днепру, придоша же **ины помочи**, и стаха у Треполя...» (Ипатьевский список Ипатьевской летописи начала XV в.), «Давыдъ же приде по Днѣпрѣ, придоша же **ины помочи** и стаха у Треполя...», «Святославъ же съ Рюриком и съ **инѣми помочѣми** влегоша въ Днѣпръ противу половцем...» (Хлебниковский список Ипатьевской летописи XVI в.), «Святославъ же съ Рюриком и съ инѣми **помочми** влегоша въ Днѣпръ противу половцем...» (Ермолаевский список Ипатьевской летописи конца XVII — начала XVIII в.). Позже слово утратило это значение, и уже во времена В. М. Татищева **помощь** воспринималась однозначно в нынешнем смысле как явление или процесс: «Игорь... у Ярослава Всеволодича черниговского выпросил **в помочь** войска с Ольстином Олещичем, внуком Прохоровым».

Причем **помочь** — это не наспех собранные отряды, а регулярное войско, как правило во главе с воеводой, экспедиционный корпус, посланный князем, который сам в походе участия не принимал. Неоднократно термин употребляется в связи с галицкими князьями: «...ходиша бо князи русстии вси на половци: Святославъ Всеволодичъ, Рюрик Ростиславич, Володимерь Глѣбовичъ, Святославичъ Глѣбъ, Гюргевичъ Глѣбъ Туровскыи, Романовичъ Мстиславъ, Давыдовичъ Изяславъ, Всеволодь Мстиславичъ, и **галичская помочь**, и **володимерьская**, и **лучская**» (Лаврентьевская летопись, 1185), «Пойде Мстислав из Володимирия полком своим, с **галичскою помочью...**» (Ипатьевская летопись, 1162), «и **галичская помочь**» (1168), «И Ярослава **помочь Галицкого князя**» (1180), «И посласта по околнѣи князи, и совкупившася с нима Святославича Мъстиславъ и Глѣбъ и... **из Галича** от Ярослава **помочь...**» (1185).

Поскольку в рассматриваемом эпизоде говорится о князе волынском (а позже — и галицком) Романе, прославившемся военными действиями в Польше — «Романъ же... ѣха в Ляхы помочи дѣля ко Казимеричемъ» (Ипатьевская летопись, 1195), то вполне уместно полагать, что о его войске, той самой «володимерьской **помочи**» (летописец имеет в виду Владимир-Волынский. — В. М.), и войске близкого ему Мстислава автор говорит практически так же, как про половецкие полки Кобыяка и полки Ярослава Осмомысла: «Суть бо у ваю **желѣзныи попарзи** подъ шеломи латинскими — Есть ведь у вас **железные полки** под шлемами латинскими». Именно так, исходя из контекста и здравого смысла, написал в своем переводе А. А. Косоруков.

Польское слово вряд ли было самоназванием войск польских и во-лынских князей. Скорее, как и русское *помочи*, оно существовало лишь в контексте тех или иных союзнических отношений и так же должно было иметь предметное значение, впоследствии утраченное в процессе перехода к абстрактному *poparcie*. Однако *попарзи* понимались автором «Слова» и его современниками не как воинские формирования, а как совокупность воинов, что отразилось в использовании множественного числа: глагола «суть», а не двойственного «еста» на фоне «ваю», и дополнения «под шеломы латинскими». Поэтому из двух вопросов, вынесенных в заголовок статьи, «что это?» или «кто это?», предпочтение следует отдать последнему. При этом в силу собирательного значения слова весьма сомнительным представляется существование формы единственного числа.

Предлагаемое объяснение слова обеспечивает вполне гладкий логический переход к последующей фразе:

Тѣми тресну земля,
и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела,
и Половци сулицы своя повръгоша,
а главы своя поклониша подѣ тыи мечи харалужныи.

Что касается уточнения текста «Слова», то лучшим вариантом представляется минимальная конъектура *попарзи* с указанием в комментарии: искаженное польское *poparcie* — *помощь*.

Источники

- ГрПол — Полоцкие грамоты XII — начала XIII в. Т. 1. М., 2015. 864 с.
СПИ 1952 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1952. 308 с.
СПИ 1967 — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1967. 540 с.
СПИ 1985а — Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1985. 498 с.
СПИ 1985б — Слово о полку Игореве. Классики и современники. Поэтическая библиотека. М.: Художественная литература, 1985. 222 с.
СПИ 1985в — Слово о полку Игореве. Сост. А. П. Комлев. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1985. 212 с.
СПИ 1990 — Слово о полку Игореве. БП МС. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990. 400 с.
СПИ 1997 — Слово о полку Игореве // Литература Древней Руси. Хрестоматия. СПб.: Академический проект, 1997. С. 145–162.

Литература

- Виноградова В. Л. (сост.). Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6 выпусках. Вып. 4. М.: Наука, 1973. 234 с.
- Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы. (XI–XIII вв.). М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 408 с.
- Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 480 с.
- Косоруков А. А. «Слово о полку Игореве» // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. М.: ИМЛИ, 1996. С. 188–211.
- Косоруков А. А. Гений без имени. М.: Современник, 1986. 288 с.
- Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Художественная литература, 1985. 352 с.
- Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве». Историко-литературный очерк. М.: Просвещение, 1976. 175 с.
- Лотман Ю. М. О слове «папорзи» в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.–Л., 1958. Т. XIV. С. 37–40.
- Орел В. Э. «Слово о полку Игореве» и его этимологическое изучение // «Слово о полку Игореве». Комплексные исследования. М.: ИМЛИ, 1988. С. 125–140.
- Творогов О. В. (отв. ред.). Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5-ти томах. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. 330 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.
- Щепкина М. В. Рукопись «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1952. С. 290–293.
- Doroszewski W. (red.). Słownik jesyka polskiego. T. 6. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964. 1476 s.

References

- Demin A. S. *Poetika drevnerusskoi literatury (XI–XIII vv.)* [Poetics of ancient Russian literature (11th – 13th centuries)]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 408 p.
- Doroszewski W. (ed.). *Słownik jesyka polskiego* [Dictionary of the Polish Language]. Vol. 6. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe Publ., 1964. 1476 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vol. 2nd ed., Moscow, Progress Publ., 1987. Vol. 3. 832 p.

- Kosorukov A. A. [The Word of Igor's Campaign]. *Drevnerusskaya literatura. Vospriyatie Zapada v XI–XIV vv.* [Old Russian literature. The perception of the West in the 11th – 14th centuries.]. Moscow, IMLI Publ., 1996. Pp. 188–211. (In Russ.)
- Kosorukov A. A. *Genii bez imeni* [Genius without a name]. Moscow, Sovremennik, 1986. 288 p.
- Likhachev D. S. "*Slovo o polku Igoreve*" i kul'tura ego vremeni [The Word of Igor's Campaign and the culture of his time]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1985. 352 p.
- Likhachev D. S. "*Slovo o polku Igoreve*". *Istoriko-literaturnyi ocherk* [The Word of Igor's Campaign. Historical-literary essay]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1976. 175 p.
- Lotman Yu. M. [On the Word "Paporzi" in "The Word of Igor's Campaign"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Moscow; Leningrad, 1958. Vol. XIV. Pp. 37–40. (In Russ.)
- Orel V. E. ["The Word of Igor's Campaign" and Its Etymological Study]. *Slovo o Polku Igoreve. Kompleksnye issledovaniya* ["The Word of Igor's Campaign". Integrated Studies]. Moscow, IMLI Publ., 1988. Pp. 125–140. (In Russ.)
- Shchepkina M. V. [The Manuscript of "The Word of Igor's Campaign"]. *Slovo o polku Igoreve* [The Word of Igor's Campaign]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1952. Pp. 290–293. (In Russ.)
- Tvorogov O. V. (ed.). *Entsiklopediya "Slova o polku Igoreve"* [Encyclopedia of "The Word of Igor's Campaign"]. In 5 vol. Saint-Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. Vol. 4. 330 p.
- Vinogradova V. L. (auth.). *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve"* [Reference book of "The Word of Igor's Campaign"]. In 6 vol. Vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1973. 234 p.
- Zaliznyak A. A. "*Slovo o polku Igoreve*": *vzglyad lingvista* ["The Word of Igor's Campaign": a view of the linguist]. 3rd ed., Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 480 p.

Из истории русского языка

Почему Дубечна превратилась в Дубечино? (О важности лингвистического аспекта анализа топонимии)

Дмитрий Михайлович Савинов, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), crillon@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170004464-9

АННОТАЦИЯ: В статье акцентируется внимание на том, что имена собственные — это факт языковой системы, поэтому их анализ с исторических, культурологических, географических, философских и иных позиций не может заменить лингвистического анализа, предполагающего обращение к различным языковым уровням, а также учитывающего диалектную специфику. Незнание особенностей местной языковой системы, невнимательное отношение к фонетическим и грамматическим процессам в говорах зачастую приводят к этимологическим неточностям и ошибкам, которыми изобилует топонимическая литература. Названия с неясной внутренней структурой и затемненной мотивацией зачастую объясняются на основании смысловых ассоциаций, возникающих из-за звукового сходства между словами. Это положение проиллюстрировано на примере названия села *Дубечино*, расположенного в Ступинском районе Московской области на речке Дубеченке. Изменение *Дубечна* → *Дубечино* обусловлено появлением в позиции после шипящего и перед следующим согласным неэтимологического вставного гласного звука и последующим переразложением морфемной структуры, в результате которой исконный формант *-н-* со вставным неэтимоло-

Д. М. Савинов. Почему Дубечна превратилась в Дубечино? (О важности лингвистического аспекта анализа топонимии)
D. M. Savinov. Why Dubechna Transformed to Dubechino? (On the Importance of Linguistic Aspect in Analysis of Toponymy)

логическим гласным звуком стал восприниматься как формант *-ин-*. Это противоречит мнению краеведа А. Б. Тонина, который считал, что «Дубечна превратилась в Дубечино из-за совпадения корней в названии ДУБечня и фамилии владельца СтароДУБского».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ономастика, топонимия, гидронимия, этимология, диалектология

для цитирования: Савинов Д. М. Почему Дубечна превратилась в Дубечино? (О важности лингвистического аспекта анализа топонимии) // Русская речь. 2019. № 2. С. 30–36. DOI: 10.31857/S013161170004464-9.

From the History of the Russian Language

Why Dubechna Transformed to Dubechino? (On the Importance of Linguistic Aspect in Analysis of Toponymy)

Dmitry M. Savinov, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Science)
(Russia, Moscow), crillon@yandex.ru

ABSTRACT: The article focuses on the proper names that are considered to be as a fact of the language system, therefore, their analysis from historical, cultural, geographical, philosophical and other points cannot replace linguistic analysis, referring to different language levels, as well as taking into account dialect specificity. Ignorance of the local language features, inattention to the phonetics and grammar in the dialects often lead to etymological inaccuracies and errors, that are abundant in the toponymic literature. Names with unclear internal structure and confused motivation are often explained on the basis of semantic associations arising from the sound similarity in the words. This fact is illustrated by the name of Dubechino village, located

in the Stupinsky district of the Moscow Region on the Dubechenka River. Transformation Dubechna → Dubechino was caused by the appearance of a non-etymological vowel sound after the hissing and before the next consonant and by the re-decomposition of the morpheme structure, as a result of which the primordial formant *-n* with the inserted non-etymological vowel sound was perceived as a formant *-in*. This is contrary to the opinion of the local historian A. B. Tonin, who believed that “Dubechna transformed into Dubechino due to coincidence of the roots in the name DUBechnya and the surname of the owner — StaroDUBsky”.

KEYWORDS: onomastics, toponymy, hydronymy, etymology, dialectology

FOR CITATION: Savinov D. M. Why Dubechna Transformed to Dubechino? (On the Importance of Linguistic Aspect in Analysis of Toponymy). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 30–36. DOI: 10.31857/S013161170004464-9.

В современной науке наиболее перспективными считаются исследования, носящие междисциплинарный характер, то есть проводимые на стыке разных областей знания. Такой междисциплинарной областью является топонимика — наука о географических названиях, сформировавшаяся на стыке лингвистики, географии и истории. Действительно топонимия всегда соотнесена с местными природными условиями, напрямую связана с историей заселения и хозяйственного освоения края. Неслучайно в последние годы научный интерес к топонимическим исследованиям повышается не только среди лингвистов, но также среди историков, археологов, этнографов, географов, краеведов. Эти работы показывают, что одним из наиболее эффективных путей изучения топонимов являются комплексные региональные исследования, материал для которых собирается не только из картографических источников, печатных изданий и архивных материалов, но также записывается непосредственно в полевых условиях. И дело здесь не только в том, что на топографических картах и в справочниках обычно не отмечается ударение или вообще отсутствуют многие местные названия, а прежде всего в ошибках, допущенных картографами и составителями различных топонимических списков при записи названий.

К сожалению, обычно авторы подобных работ совершенно не обращают внимания на то, что имена собственные — это факт языковой системы,

поэтому их анализ с исторических, культурологических, географических, философских и иных позиций не заменяет лингвистического анализа, предполагающего обращение к различным языковым уровням, а также учитывающего диалектную специфику. Нехватка региональных работ, включающих варианты собственных имен, невнимательное отношение к фонетическим и грамматическим процессам в говорах зачастую приводят к этимологическим неточностям и ошибкам, которыми изобилует топонимическая литература. Названия с неясной внутренней структурой и затемненной мотивацией зачастую объясняются на основании смысловых ассоциаций, возникающих из-за звукового сходства между словами, а сама процедура «этимологизации» производится без учета особенностей местной языковой системы. Нередко подобные «манипуляции с именами подаются в научной упаковке, подобно “новой хронологии” академика А. Т. Фоменко», именно поэтому вопрос «о паранауке в ономастике сейчас особенно актуален» [Матвеев 2006: 7–8].

Чтобы проиллюстрировать важность лингвистического аспекта при анализе топонимического материала, рассмотрим название села *Дубéчино*, находящегося в Ступинском районе Московской обл. на берегу реки *Дубéченки*. Впервые оно упоминается в первой четверти XVI в. как село *Дубечна*; до революции это село входило в состав Хатунской волости Серпуховского уезда. А. Б. Тонин, автор популярного топонимического словаря «Ступино. Историческое прошлое “землицы” ступинской в названиях», считает, что «Дубечна превратилась в Дубечино из-за совпадения корней в названии ДУБечня и фамилии владельца СтароДУБского» [Тонин 1991: 37]. По всей видимости, на эту гипотезу автора натолкнул «суффикс» *-ин-* в современном названии села. Действительно, исконно топонимы с формантами *-ов-* и *-ин-* образовывались от антропонимов, то есть личных имен, прозвищ и фамилий владельцев населенных пунктов, а также первопоселенцев: *Медведок* (прозвище Василия Федоровича Пожарского) → *Медведково*, *Павша* (региональная уменьшительная форма имени Павел) → *Павшино* и т. д. Иначе говоря, по происхождению эти топонимические форманты родственны соответствующим суффиксам притяжательных прилагательных (*отец* → *отцов*, *Маша* → *Машин*). Теперь необходимо разобраться: есть ли в названии *Дубечино* формант *-ин-*, когда-то обозначавший принадлежность некоему лицу? Во-первых, очевидной представляется связь этого топонима с названием реки *Дубеченка* (и менее очевидной — с фамилией *Стародубский*). Во-вторых, не вызовет сомнения первичность гидронима, то есть названия водного объекта. Гидроним всегда связывает тот или иной водный объект с физико-географическими реалиями, присущими ему самому или прилегающей к нему территории. Поэтому существенную часть русской гидронимии со-

ставляют лексемы, происходящие от местных географических терминов, а населенные пункты, в свою очередь, получали названия по рекам, на которых они располагались. По словам Р. А. Агеевой, гидронимы в большинстве случаев «древнее названий населенных пунктов, возникших на берегах рек и озер в более позднее время: имена городов и сел появились в письменно засвидетельствованную эпоху», тогда как гидронимы «существуют с глубокой древности» [Агеева 1985: 7].

Изменение *Дубечна* → *Дубеченка* в названии реки связано с расподоблением одноименных объектов: чтобы избежать омонимии имен собственных, затрудняющей ориентацию на местности, к наименованию реки дополнительно прибавлялся новый формант. Подобные изменения гидронимов широко распространены в русской топонимике: *р. Орёл* → *Орлик* (но *г. Орёл*), *р. Медынь* → *Медынка* (но *г. Медынь*), *р. Тверь* → *Тверца* (но *г. Тверь*), *р. Коломна* → *Коломенка* (но *г. Коломна*), другие примеры см. в [Маршева 2007: 120]. Именно поэтому многие гидронимы дошли до наших дней только в форме, осложненной вторичными формантами -к-, -ик-, -ец- и др.

В-третьих, само исконное название реки *Дубечна* образовано при помощи форманта -н-, характерного для гидронимов, от диалектной лексемы *дубец* 'дубовый лес'. Гидронимы с формантом -н- широко распространены на территории Центральной России, в частности — в бассейне Оки; этот формант может быть как с твердым, так и с мягким согласным; зачастую варианты с твердой и мягкой основой отмечаются у одного и того же водного объекта: *Железна* / *Железня*, *Олешна* / *Олешня*¹, *Песочна* / *Песочня*, *Ракитна* / *Ракитня* и мн. др. [Смолицкая 1976: 15, 17, 24, 25, 31, 33, 35, 36, 40, 42, 43, 44, 45, 46, 55 и др.].

В-четвертых, наличие «лишнего» слога в названии *Дубечино* связано с появлением в позиции после шипящего и перед следующим согласным неэтимологического вставного гласного звука, что обусловлено высокой степенью вокализации согласных в южнорусских тульских говорах, которые распространены на юге Московской обл. Усиление звучности шипящих в этой позиции приводит к развитию побочной слоговости: например, носители тульских говоров скажут *Калуж[э]ская область*, *Ряж[э]ский вокзал* (в Туле), *Глазэч[и]ня* (улица в Серпухове), *ш[э]пана* и др.

Наконец, завершение перехода *Дубечна* → *Дубечино* связано с влиянием продуктивного словообразовательного типа. На исследуемой территории в названиях населенных пунктов широко используются форманты -ов- и -ин-: по словам известного топонимиста В. А. Никонова, суффикс -ов- (-ин-) «безраздельно господствует» севернее линии Брянск — Тула —

¹ От диалектного *олэх* или *олэх* 'ольха'.

Арзамас [Никонов 2011: 73]. Более того, на юге Московской обл. этот формант может образовывать топонимы не только от антропонимов, но и от основ с другим значением. Так, многие названия местных населенных пунктов, отражающие специфические особенности местности, фиксировались до конца XIX — начала XX в. с нестяженными адъективными флексиями, то есть были по форме субстантивированными прилагательными: с. *Высокое* [3: 213], д. *Глубокая* [6: л. 58], д. *Мокрая* [6: л. 58]; с. *Нехорошее* [4: 142] с. *Подмоклое* [2: 21] и мн. др. Они имели соответствующую парадигму: в *Высоком*, через *Глубокую*, за *Мокрой*. В речи коренных жителей, а также в современных источниках эти топонимы отмечаются, как правило, с формантом *-ов-*: *Высо́ково* [5: л. 27], *Мо́крово* [5: л. 39], *Глубо́ково* [1: 25; 5: л. 39], *Нехоро́шево* [5: л. 27], *Подмо́клово* [1: 89; 5: л. 39] и др. Изменилась и парадигма: в *Высокове*, через *Глубоково*, за *Мокровом*. Очевидно, что формант *-ов-* в местной системе перестает быть «притяжательным» суффиксом, образующим топонимы исключительно от антропонимов, у него развилось новое значение: он подчеркивает принадлежность слова к классу имен собственных, в данном случае — к топонимам.

В результате влияния продуктивного словообразовательного типа в топониме *Дубечена* произошло переразложение: исконный формант *-н-* со вставным неэтимологическим гласным звуком стал восприниматься как формант *-ин-*, результатом чего стала и смена парадигмы: *Дубечена* — за *Дубеченой* → *Дубечино* — за *Дубечином*. Таким образом, в топониме *Дубечино* нет притяжательного суффикса *-ин-*, а само это название никак не связано с фамилией *Стародубский*. Изменение *Дубечна* → *Дубечино* обусловлено спецификой местной языковой системы, активными процессами, проходящими на различных уровнях языка.

Источники

1. Сельские населенные пункты Московской области (По данным Всесоюзной переписи населения 1989 года). М., 1991. Т. 2.
2. Списки населенных мест Российской империи. Т. 44. Тульская губерния. СПб., 1862.
3. Списки населенных мест Российской империи. Т. 24. Московская губерния. СПб., 1862.
4. Список населенных мест по Московской области по материалам переписи 1939 года (УНХУ РСФСР). Рукопись.
5. Карта м-ба 1 : 100 000. — б/м. Генеральный штаб. 1984.
6. Специальная карта Европейской России с прилегающей к ней частью Западной Европы и Малой Азии — м-б 10 верст в дюйме. — б/м. Изд. Воен. отдела Генерального штаба. 1919.

Литература

- Агеева Р. А. Происхождение имен рек и озер. М.: Наука, 1985. 144 с.
Маршева Л. И. Топонимические типы в русских народных говорах. М.: Из-во ПСТГУ, 2007. 236 с.
Матвеев А. К. Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.
Никонов В. А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
Смолицкая Г. П. Гидронимия бассейна Оки. М.: Наука, 1976. 405 с.
Тонин А. Б. Ступино. Историческое прошлое «землицы» ступинской в названиях. М.: Худож. лит., 1991. 143 с.

References

- Ageeva R. A. *Proiskhozhdenie imen rek i ozer* [The Pedigree of the Names of Rivers and Lakes]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 144 p.
Marшева L. I. *Toponimicheskie tipy v russkikh narodnykh govorakh* [Toponymic Types in Russian Folk Dialects]. Moscow, PSTGU Publ., 2007. 236 p.
Matveev A. K. *Onomatologiya* [Onomatology]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 292 p.
Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to Toponymy]. Ed. 2nd. Moscow, LKI Publ., 2011. 184 p.
Smolitskaya G. P. *Gidronimiya basseina Oki* [Hydronymia of the Oka Basin]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 405 p.
Tonin A. B. Stupino. *Istoricheskoe proshloe "zemlitsy" stupinskoi v nazvaniyakh* [The history of "zemlitsa" Stupinskaya in the namings]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1991. 143 p.

Словесная формула «мнение народное» в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов»

Сергей Юрьевич Баранов, Вологодский государственный университет (Россия, Вологда),
sb.corde@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170004465-0

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается смысловое и образное наполнение словесной формулы «мнение народное» в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов», а также роль этой формулы в конфликтной структуре произведения. При этом особое внимание уделяется соотношению ядерного и периферийного семантических компонентов слова «мнение», что является актуальным для истолкования проблематики драмы как в социально-историческом, так и в нравственно-психологическом аспектах, как в плане пушкинской трактовки образа народа, так и в связи с авторской концепцией личности. Если ядерный компонент семантики слова «мнение» акцентирует в образе народа свойства высшего нравственного авторитета, выразителя воли масс, вершителя судеб государства и отдельных личностей, то периферийный компонент способствует реализации значения «казаться» и соотносится со способностью народной молвы порождать фантомы, оказывающие воздействие на события исторической значимости.

Таким фантомом становится роль якобы избежавшего гибели царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного, принятая на себя беглым монахом Григорием Отрепьевым, санкционированная «мнением народным», упразднившая личность самого носителя этой роли и провоцирующая кровавые эксцессы русской смуты начала XVII века. Жертвой «мнения народного» в драме Пушкина является и Борис Годунов, но, в отличие

от Отрепьева, он на протяжении всего действия стремится сохранить единство собственной личности и роли царя, в которой выступает на историческом поприще. Этим объясняется присвоенный ему Пушкиным статус «первой персоны», главного действующего лица произведения. Наблюдения над реализацией словесной формулы «мнение народное» в драме Пушкина позволяют сделать вывод о связи «Бориса Годунова» с процессом становления личностного сознания в русской литературе первой трети XIX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: конфликт, личность, «мнение народное», драма, молва, периферийный семантический компонент, просвещение, ролевое поведение, романтизм, смута, фантом, ядерный семантический компонент
для цитирования: Баранов С. Ю. Словесная формула «мнение народное» в драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Русская речь. 2019. № 2. С. 37–48. DOI: 10.31857/S013161170004465-0.

The Language of Fiction

The Verbal Formula “Mind of the People” in the Drama “Boris Godunov” by A. S. Pushkin

Sergey Yu. Baranov, Vologda State University (Russia, Vologda), sb.corde@mail.ru

ABSTRACT: Semantic and imaginative implications of the verbal formula ‘mind of the people’ in A.S. Pushkin’s drama “Boris Godunov” are examined in the article, as well as the role of this formula in the drama’s conflict structure. The article focuses on the correlation between the core and peripheral semantic components of the word ‘mind’ that is relevant for the socio-historical and moral-psychological aspects analysis of the drama’s problems both in terms of Pushkin’s interpretation of the public image and the author’s concept of personality. While the core semantic component of the word ‘mind’

emphasizes the features of the highest moral responsibility, exponent of the public will, determinant for a future of a government and citizens, its peripheral semantic component reveals the meaning 'to give the impression' and correlates with the popular rumors' spreading feature that affect significant historical events. The phantom of that kind was the son of Ivan the Terrible, Tsarevich Dmitry, who allegedly escaped to avoid death and whose role, that was taken by the monk Gregory Otrepiev approved by the 'mind of the people', that obliterated Otrepiev's personality and provoked bloody Russian distemper in the early 17th century. And Boris Godunov in Pushkin's drama is considered as a victim of the 'mind of the people', but in contrast with Otrepiev, he is trying to preserve the unity of his personality and the role of a tsar, he played in the history. Thus, the status of the 'first person', the protagonist, nominated by Pushkin, is motivated. "Mind of the people" speech patterns analysis in Pushkin's drama shows the connection between Boris Godunov and the process of public consciousness formation in the Russian literature of the first third of the 19th century.

KEYWORDS: conflict, personality, 'mind of the people', drama, rumors, peripheral semantic component, enlightenment, role behavior, romanticism, the Time of Troubles, phantom, core semantic component

FOR CITATION: Baranov S. Yu. The verbal formula "Mind of the people" in the drama "Boris Godunov" by A. S. Pushkin. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 37–48. DOI: 10.31857/S013161170004465-0.

Слова Гаврилы Пушкина о силе «мнения народного», звучащие в сцене «Ставка», нередко трактуются как ключевые слова, «представляющие» глубинный смысл драмы «Борис Годунов». Правда, интерпретируются они по-разному, что обусловлено парадоксальной противоречивостью образа самого народа в произведении. С одной стороны, это «первобытная сила, пассивная в своей основе, колеблемая, точно тростник под ветром», с другой — «вершительница человеческих судеб, достаточно мощная, чтобы заставить склониться чашку весов в ту, а не в иную сторону» [Шмурло 1929: 26]. Соответственно, и «мнение народное» может быть трактовано и как порождение непредсказуемо изменчивой, зависимой от интриг честолюбцев «народной молвы», и как выражение воли всегда «непогрешительно истинного и правого в своих инстинктах» народа [Белинский 1982: 441].

Можно было бы определить и само «мнение народное», и его носителя как явления амбивалентные, двойственные, закономерно совмещающие в себе противоположные сущности. Но противоречие между этими сущностями тем самым не снимается. Они не образуют синтеза и не соотносятся друг с другом по принципу соподчинения, «субординации». Очевидно, что Пушкин, вводя в действие пьесы «мнение народное» как значимую силу исторического процесса, колебался в его оценке, в результате чего текст созданного им произведения дает повод для разных трактовок.

Еще в начале прошлого столетия историк Н. П. Павлов-Сильванский усмотрел несоответствие между высказыванием Гаврилы Пушкина о силе «мнения народного» и реальным проявлением этой силы в тексте пьесы. С его точки зрения, народ в «Борисе Годунове» представлен в роли униженной «до потери политического сознания, до равнодушия к переменам на престоле», безмолвствующей, несмотря на периодические вспышки стихийной активности, «бессмысленной черни». Между тем, отметил он, Пушкин, намереваясь написать историческую драму на материале Смутного времени, погрешил против исторической истины, поскольку «эпоха Смуты есть время не равнодушной терпимости, а действий народа и силы народного “мнения”» [Павлов-Сильванский 1908: 310–311].

Некоторое время спустя Б. М. Энгельгардт выдвинул версию о двух народах в драме «Борис Годунов». Первый, «народ сцены», представленный в конкретных персонажах, показан как «бессмысленное и дикое стадо, идущее туда, куда его толкают». Второй являет собой «идеальную могучую силу, которая творит историю и направлена на осуществление высших целей». Именно он есть «носитель “мнения” и верховный судия», не подлежащий, однако, воплощению в наглядные сценические образы из-за своей «идеальности», «собирательности», «отвлеченности». Понятие о нем выводится из речей Шуйского, Гаврилы Пушкина, Пимена, а результаты его деятельности могут быть выявлены и осознаны лишь в исторической перспективе [Энгельгардт 1995: 162–163].

Этими примерами, разумеется, многообразие трактовок содержательности и функциональной значимости «мнения народного» в драме Пушкина «Борис Годунов» не исчерпывается. Но и они дают повод к тому, чтобы обратиться к «первоначалу», к семантике самого слова «мнение» и соотнести ее с происходящим в произведении. В «Словаре языка Пушкина» его значение определено так: «Взгляд, точка зрения на что-н<и>будь», суждение о чем-н<и>будь» [Виноградов (отв. ред.) 2000: 628]. Это его ядерный семантический компонент, соотносящийся со второй, по Энгельгардту, ипостасью народа — носителя высшей правды, бескомпромиссного нравственного судии и вершителя национальной

истории. Но во внутреннем мире художественного произведения в слове могут актуализироваться и периферийные семантические компоненты. Отглагольное существительное «мнение» исторически восходит к глаголу «мнѣти» (думать, предполагать, считать) [Шанский, Иванов, Шанская 1971: 267] и через его посредство грамматически и семантически связано с такими словами, как «мнить», «мниться». Взятое вне контекста слово «мнение» включает в себя сему «определившееся суждение, убеждение». Согласно словарю синонимов, с ним, наряду со «взглядом», «точкой зрения» и «суждением», соотносятся такие слова, как «соображение», «позиция», «взгляд», «воззрение» [Александрова 2005: 209]. Но в контексте пьесы «Борис Годунов» в нем начинают проявляться значения «мнимое», «мнящееся», «кажущееся», «обманчивое». На это обстоятельство обратила внимание Л. М. Лотман, подробно рассмотревшая связи слова «мнение» с родственными и однокоренными словами в произведении Пушкина и обнаружившая в наличии таких связей основание для мысли о том, что «народ совершает роковую ошибку, признав за ожившего царевича мираж, фантом» [Лотман 1996: 161–166, 343].

Влияние «тени» погибшего царевича на ход действия пьесы отметил еще один из первых рецензентов ее И. В. Киреевский [Киреевский 1984: 85]. Но это не единственный «фантом», созданный воображением участников смуты и соприсутствующий живым, из плоти и крови, персонажам пьесы. В ней также ощутимо участие «теней» и Ивана Грозного, и Федора Иоанновича, и даже Ивана III, о которых упоминают и к которым апеллируют в своих речах действующие лица. Они настолько рельефно обозначены, что дают повод постановщикам пьесы в театре воплотить их в зримых сценических образах.

Действенность феноменов, порожденных «мнениями», глубоко интересовала Пушкина. Как социально-психологическая проблема она имела философскую подоплеку и соотносилась с недавними и текущими событиями в Европе и России. Вольтеровская максима «мнения правят миром» (*l'opinion gouverne le monde*) выражала один из постулатов идеологии Просвещения и имела широкое хождение. На ней базировались не только историко-философские концепции, но и тактические принципы политических движений — в частности, декабристского, связывавшего с пропагандистской активностью (действием словом) надежду на формирование могущественного «общего мнения» [Нечкина 1977: 395–419]. Однако кризис просветительской идеологии, вызванный Великой французской революцией, наполеоновскими войнами и чередой неудач освободительных движений в Европе, порождал сомнения и в эффективности целенаправленного формирования отвечающих требованиям «разума» прогрессивных общественных взглядов, и в благотворности стихийно

складывающихся народных мнений. Так, в программах декабристских организаций наряду с установкой на пропаганду передовых взглядов появился в начале 1820-х годов пункт о «действиях посредством войск», а пушкинский «Свободы сеятель пустынный» отважился произнести шокирующие глубочайшим скепсисом слова: «Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы? / Их надо резать или стричь» [Пушкин 1947: 302].

Год спустя Пушкин приступил к работе над драмой «Борис Годунов», в которой попытался, избегая односторонности, взглянуть на исполненную трагизма историю «взглядом Шекспира». Этот взгляд дает о себе знать в «вольном и широком изображении» и отдельных характеров, и народа. Однако шекспировское наследие для Пушкина в данном случае было не только образцом для подражания, но и объектом творческой полемики. Через месяц после завершения работы над «Борисом Годуновым» он пишет поэму «Граф Нулин», пародирующую, по его собственному признанию, историю и Шекспира и в то же время «странно сближенную» с событиями 14 декабря на Сенатской площади [Пушкин 1949: 188].

История и Шекспир пародировались и в «Борисе Годунове». Пародированию в нем подвергалось и «мнение народное», приобретая при этом то комическую, то трагическую окраску. Пример комический — сцена «Девичье поле. Новодевичий монастырь», где общее умиление по поводу избрания Бориса на царство симулируется увлажнением глаз слюной вместо слез. Пример трагический — оба варианта финала: и неразумный крик толпы «Да здравствует царь Димитрий Иванович!», и ремарка «Народ безмолвствует».

Элемент пародирования истории присутствует даже в образе такого, казалось бы, безусловно авторитетного транслятора «народного мнения», как летописец Пимен, передающего потомству все, чему его «свидетелем Господь поставил». Во-первых, сам того не желая, Пимен наводит Григория Отрепьева на мысль о самозванстве. Во-вторых, достоверность некоторых «свидетельств» Пимена вызывает сомнения, и порой немалые. Касается это прежде всего версии о причастности Бориса Годунова к гибели малолетнего царевича Димитрия. Рассказ летописца о том, что именно он видел 15 мая 1691 года, находясь в Угличе, весомых доказательств вины Бориса не содержит. Этот рассказ посвящен описанию городских волнений, спровоцированных вестью о смерти последнего отпрыска Грозного, а признание, вырванное у предполагаемых убийц «под топором», доверия не заслуживает. Летописец Пимен подхватывает версию, распространяемую «народной молвой», поэтому его «свидетельство» является своего рода иллюстрацией к еще одному, исполненному иронии крылатому

выражению Вольтера: «И вот как пишется история!» (Et voila justement comme on écrit l'histoire!). Оно может быть перефразировано с установкой на русскую культуру: «И вот как пишется летопись!»

Русские летописи действительно не были беспристрастным, объективированным изложением событий. В содержащихся в них оценках и суждениях получали отражение интересы политических групп, а летописцы добру и злу внимали отнюдь не равнодушно. Что же касается перипетий угличской драмы, то, по мнению американской исследовательницы Кэрил Эмерсон, объективное подтверждение вины Бориса в пьесе отсутствует [Эмерсон 1999: 131], поскольку вина эта является предметом интриг, пересудов и домыслов. Это, разумеется, преувеличение, но доля истины, и немалая, в нем есть.

Другим выразителем «народного мнения», неизменно обращающим на себя внимание тех, кто пишет о пушкинской драме, является юродивый Николка. Как бескомпромиссное нравственное обличение трактуются его слова, обращенные к Борису: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как ты зарезал маленького царевича». И, в ответ на просьбу обличаемого молиться за него, — «Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит» [Пушкин 1948: 78]. Сам по себе эпизод с юродивым на площади перед Архангельским собором художественно выразителен и драматически насыщен. Но речи Николки порождают и эффект этического диссонанса. Если Борис действительно подобен царю Ироду, то не безопасно ли провоцировать его на «избиение младенцев»? Да и царь Иван Васильевич Грозный, почитавший юродивых и отличавшийся склонностью к жестокому «кромешному» юмору, мог бы истолковать провокацию блаженного как «указание свыше». О том же, что выражение «мнения народного» способно обернуться убийством, свидетельствуют две заключительные сцены произведения. В первой из них народ несется толпой к царским палатам с криком: «Вязать! Топить! <...> Да гибнет род Бориса Годунова» [Пушкин 1948: 96]. Во второй, словно отклик на народное волеизъявление, вершится жестокая расправа над сыном и женой прослывшего неугодным правителя.

Пушкинский «Борис Годунов» писался в эпоху романтизма, для которой характерно было обостренное внимание к проблеме народности и ее художественному воплощению. И хотя в идейно-эстетические рамки этого направления эта драма не укладывается, мысль о народе и образ народа играют в ней важную роль. Пушкина огорчало то, что в первое издание произведения не вошла колоритная народная сцена у Новодевичьего монастыря. Его восхищали и казались лучше созданных им самим народные сцены в драме молодого Н. П. Погодина «Марфа Посадница» [Барсуков 1890: 30]. А автор этой драмы, очевидно полагая, что следует

примеру создателя «Годунова», утверждал: «Главное действующее лицо <в ней. — С. Б.> народ» [Барсуков 1890: 189]. Однако сам Пушкин в тексте рукописи драмы, завершенной 7 ноября 1825 года в Михайловском, недвусмысленно отметил: «...в ней же первая персона царь Борис Годунов» [Пушкин 1948: 302].

И. С. Тургенев назвал романтизм «апофеозой личности» [Тургенев 1979: 20]. Пушкин, пройдя школу этого направления в первой половине 20-х годов, унаследовал глубокий интерес к проблеме человеческой личности от романтизма и продолжал ее разрабатывать на новых путях художественного творчества. «Мнение народное» и личность поставлены в драме «Борис Годунов» в конфликтные отношения. Конфликт между ними развивается по двум линиям: по линии Самозванца и по линии Бориса. Самозванец — персонаж, неоднократно меняющий облики на протяжении действия. Он именуется то Григорием, то отпрыском рода Отрепьевых, галицких боярских детей, то «сосудом дьявольским», то «злым еретиком», то «неведомым бродягой», то «смелым плутом», то «бесстыдным самозванцем», то Димитрием, «то царевичем, спасенным судьбой», то «великим принцем» и «светлейшим королевичем», то великим князем московским, то «надежей-государем», то «законным царем» и выступает в ролях то «бедного инок», то беглого монаха, то товарища разбитных бродячих старцев, то беззаботного баловня судьбы, то полномочного наследника московского престола, то покровителя искусств, то галантного кавалера европейского типа, то пылкого любовника.

Его образ соткан не только из поступков, но и из множества мнений о нем. Он дробится, зыблется, приобретает разные оттенки и не образует устойчивого единства. Многоликость Самозванца, вдохновенное разыгрывание им поведенческих ролей вызывают авторскую симпатию, но и оборачиваются трагическими последствиями. Речь идет не о бесславном конце Лжедмитрия I за пределами временных рамок пьесы, а об отчаянной попытке сценического героя освободиться от бремени мнений и ролей и обрести тождество с самим собой, со своей изначальной сутью. Попытка эта предпринимается Самозванцем в сцене «Ночь. Сад. Фонтан», где он решает признаться Марине Мнишек в том, что на самом деле царевичем не является, и выяснить, как гордая польская дева отнесется к «бедному черноризцу», в котором, однако, «доблести таятся, может быть, / Достойные московского престола...» [Пушкин 1948: 62]. Результат этого опыта оказывается катастрофическим. Марина дает понять Самозванцу, что его достоинства значимы лишь постольку, поскольку он принимается за царевича, чудесно спасшегося от подосланных Годуновым убийц. Созданный «мнением народным» фантом подавляет человека и подчиняет его себе. Сам же человек как таковой, как самоценная личность перестает

существовать. Он становится носителем принятой на себя роли, которая значительнее его самого.

Борьбу за «самостояние» личности ведет в пушкинской драме и Борис Годунов. Но она имеет иной смысл по сравнению с той, на которую отважился Самозванец. На всем протяжении действия Годунова волнует вопрос: царь он или не царь? Не по той причине, что он избранный, а не унаследовавший власть по принадлежности к царскому роду правитель. Его беспокоит соответствие присущих ему достоинств и качеств царскому сану, и сан этот для него не игровая личина, а образ и смысл жизни. Бориса, как и Самозванца, персонажи произведения то искренне, то лукаво, то злобно, то сочувственно наделяют разными характеристиками: «коварный злодей», «цареубийца», «вчерашний раб», «зять палача и сам в душе палач», «царь Ирод», просто «царь», «отец наш», «великий государь», «высокий дух державный». Характеристик этих гораздо меньше, чем у Самозванца, что уже само по себе показательно. Роль царя, которую Годунов на себя берет, единственная, и она прочно слита с его внутренней сутью, с его личностью. Он остается Борисом Годуновым и когда произносит речь перед патриархом и боярами после согласия принять царский венец (сцена «Кремлевские палаты»), и в обращенном к самому себе проникновенном монологе «Достиг я высшей власти...» (первая сцена «Царские палаты»), и в столкновении с юродивым (сцена «Площадь перед собором в Москве»), и в общении с сыном Феодором и с Шуйским (вторая сцена «Царские палаты»), и снова с Федором (сцена «Москва. Царские палаты»). Во всех этих ситуациях раскрываются разные стороны его внутреннего мира, но в каждой из них это внутренний мир царя Бориса Годунова. Вопрос о причастности к гибели царевича Димитрия для него — вопрос о соотношении человеческого и царского в собственной личности. Может быть, именно поэтому А. А. Майков считал его образ более человечным, чем царь Борис из драматической трилогии А. К. Толстого [Письма А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому 1982: 69–70]. Пушкинский герой неоднозначен и противоречив, но всегда равен самому себе. Из жизни он уходит, как подобает царю, а пресечение его рода воспринимается не как справедливое возмездие, а как преступление. Годунов гибнет в борьбе с «фантомом», порожденным «мнением народным», но от самого себя не отрывается.

По-видимому, сам того в полной мере не осознавая, ведомый интуицией художника, Пушкин отобразил в драме «Борис Годунов» важнейший для истории русской культуры начала XVII века процесс — процесс становления личностного начала [Лихачев 1987: 171–201]. Но происходящее в написанной им драме имело для него не только исторический, но и жгуче современный интерес. Резко повысившая ценностный ста-

туса личности, эпоха романтизма остро поставила вопрос о зависимости человека от «мнений» — и частных, и общих. Драма Чацкого в комедии «Горе от ума», с которой Пушкин впервые познакомился в пору работы над «Борисом Годуновым», определялась именно этой зависимостью. Биография самого Пушкина — и в социально-бытовом, и в творческом аспектах — в значительной мере строилась на борьбе против многообразных форм подавления его как личности. Желая быть «любезным народу» своей поэзией, Пушкин в то же время осознавал и опасность, которую могло нести с собой «мнение народное», способное порождать «мнимости» и разрушительно действовать как на общество в целом, так и на отдельную личность.

Литература

- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. 13-е изд., стереотип. М.: Русский язык — Медиа, 2005. 568 с.
- Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1890. Кн. III. 387 с.
- Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья десятая. «Борис Годунов»: соч. в 9 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 6. С. 427–453.
- Виноградов В. В. (отв. ред.). Словарь языка Пушкина в 4 т. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 2. 1088 с.
- Киреевский И. В. Обзорение русской литературы за 1831 год: избр. статьи. М.: Современник, 1984. С. 80–92.
- Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили: избр. работы в 3 т. М.: Художественная литература, 1987. Т. 1. С. 24–260.
- Лотман Л. М. Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 129–359.
- Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. Изд. 3-е. М.: Художественная литература, 1977. 734 с.
- Павлов-Сильванский Н. П. Народ и царь в трагедии Пушкина // Пушкин (Библиотека великих писателей / под ред. С. А. Венгерова). СПб.: типография Акц. общ. Брокгауз-Ефрон, 1908. Т. 2. С. 308–314.
- Письма А. Н. Майкова к Ф. М. Достоевскому (1868–1870) // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник. 1982. Л.: Наука, 1984. С. 60–98.
- Пушкин А. С. «Свободы сеятель пустынный...»: полн. собр. соч. в 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2 (1). С. 302.
- Пушкин А. С. Борис Годунов: полн. собр. соч. в 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 7. С. 5–96, 263–302.

- Пушкин А. С. <Заметка о «Графе Нулине»>: полн. собр. соч. в 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 188.
- Тургенев И. С. Фауст, траг. Соч. Гете. Пер. первой и перелож. второй части. М. Вронченко: собр. соч. в 12 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 12. С. 16–51.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. 542 с.
- Шмурло Е. Ф. Этюды о Пушкине // Пушкинский сборник. Прага: тип. «Политика», 1929. С. 5–52.
- Эмерсон К. «Борис Годунов» А. С. Пушкина // Современное американское литературоведение: сб. статей / ред. У. М. Тодд III. СПб.: Академический проект, 1999. С. 111–152.
- Энгельгардт Б. М. Историзм Пушкина (К вопросу о характере пушкинского объективизма): избр. труды. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. С. 116–324.

References

- Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskii spravochnik. 13-e izdanie, stereotipnoe*. [Dictionary of synonyms of the Russian language. A practical guide]. Moscow, Russkii jazyk – Media Publ., 2005. 568 p.
- Barsukov N. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and works of M. P. Pogodin]. Sankt-Peterburg, tipografiya M. M. Stasyulevicha Publ., 1890. Kn. III. 387 p.
- Belinskii V. G. [Works of Alexander Pushkin. 10th article. «Boris Godunov»]. Works in 9 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982. Vol. 6. Pp. 427–453. (In Russ.)
- Emerson K. [«Boris Godunov» by A. S. Pushkin]. *Sovremennoe amerikanskoe literaturovedenie: sb. statei* [Contemporary American Literary Studies, ed. U. M. Todd III]. Sankt-Peterburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. Pp. 111–152. (In Russ.)
- Engel'gardt B. M. [The historicism of Pushkin (on the question of the character of Pushkin objectivism)]. *Izbr. trudy*. [Selected works]. SPb., izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1995. Pp. 116–324. (In Russ.)
- Kireevskii I. V. [Review of Russian literature for 1831]. *Izbrannye stat'i*. [Selected articles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. Pp. 80–92. (In Russ.)
- Likhachev D. S. [Development of Russian literature of X–XVII centuries. Epochs and styles]: *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected works in 3 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. Vol. 1. Pp. 24–260. (In Russ.)
- Lotman L. M. [Historical-literary comments]. *Pushkin A. S. Boris Godunov*. Sankt-Peterburg, Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt», 1996. Pp. 129–359. (In Russ.)
- Nechkina M. V. *Griboedov i dekabristy, izd. 3-e*. [Griboedov and the Decembrists, 3rd ed.]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1977. 734 p.
- Pavlov-Sil'vanskii N. P. [The people and the king in the tragedy of Pushkin]. *Pushkin (Biblioteka velikikh pisatelei / pod red. S. A. Vengerova)*. [Pushkin (Library of great writers. ed.

- S. A. Vengerov)]. Sankt-Peterburg, tipografiya Akts. obshch. Brokgauz-Efron Publ., 1908. Vol. 2. Pp. 308–314. (In Russ.)
- Pis'ma A. N. Maikova k F. M. Dostoevskomu (1868–1870)* [A. N. Maikov's Letters to F. M. Dostoevsky (1868–1870)]. *Pamyatniki kul'tury: Novye otkrytiya: Ezhegodnik*. [Cultural heritage. New discoveries. Annals]. 1982. Leningrad, Nauka Publ., 1984. Pp. 60–98.
- Pushkin A. S. *Boris Godunov. Poln. sobr. soch.: v 17 t.* [Boris Godunov. Complete works in 17 vols.]. Vol. 7. Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1948. Pp. 5–96, 263–302.
- Pushkin A. S. *Zametka o «Grafe Nuline»*. *Poln. sobr. soch.: v 17 t.* [<Note «On “Count Nulin”»>]. Complete works in 17 vols.]. Vol. 11. Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1949. 188 p.
- Pushkin A. S. «*Svobody seyatel' pustynnyi...*». *Poln. sobr. soch.: v 17 t.* [«The desert sower of freedom». Complete works in 17 vols.]. Vol. 2 (1). Moscow–Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1947. 302 p.
- Shanskii N. M., Ivanov V. V., Shanskaya T. V. *Kratkii etimologicheskii slovar' russkogo yazyka, izd. 2-e, ispr. i dop.* [Short etymological dictionary of the Russian language, 2nd ed.]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1971. 542 p.
- Shmurlo E. F. [Sketches of Pushkin]. *Pushkinskii sbornik*. [Pushkin collection]. Praga, tip. Politika Publ., 1929. Pp. 5–52. (In Russ.)
- Turgenev I. S. *Faust, trag. Soch. Gete. Per. pervoi i perelozh. vtoroi chasti M. Vronchenko. Sobr. soch.: v 12 t.* [Faust, trag. Op. Goethe. Translation of the first and arrangement of the second part. M. Vronchenko]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. Vol. 12. 1979. Pp. 16–51.
- Vinogradov V. V. (ed.) *Slovar' yazyka Pushkina v 4 t. 2-e izd.* [The dictionary of language of Pushkin in 4 vols.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. Vol. 2. 1088 p.

Вятский Лафонтен, или Затерянная страница истории русской басни

Алексей Аркадьевич Пауткин, Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва), apautkin@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170004466-1

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается басенное творчество малоизвестного провинциального стихотворца второй половины XVIII в. Г. С. Шутова. Сочинения вятского протоиерея, окончившего местную духовную семинарию и преподававшего там несколько лет «Пиитику», сохранились в рукописном сборнике начала XIX в. Некоторые из них были опубликованы только в 1897 г. краеведом А. С. Верещагиным. Развивая традицию поэтических переводов басен Эзопа, сложившуюся в России, Шутов одновременно решал учебно-методические задачи. Его тексты были созданы на полвека раньше одноименных басен И. А. Крылова. Они хронологически сопоставимы с произведениями выдающихся представителей русского классицизма В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова.

Однако по своей поэтической манере и языку они оказались новаторскими для своего времени. Басням Шутова свойственен лаконизм и разговорная непринужденность слога. Среди доступных ныне текстов, принадлежащих вятскому поэту, особое место занимает басня «Кот в пиве». В ней повествуется о спасенном мышами коте, который легко отказался от своих обещаний, данных в критический момент. Подобный сюжет не обнаруживается у других авторов. Поэтому данное произведение следует признать оригинальным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: басня, притча, Г. С. Шутов, Вятка, Хлыновская семинария, классицизм, Эзоп, В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, И. А. Крылов

для цитирования: Пауткин А. А. Вятский Лафонтен, или Затерянная страница истории русской басни // Русская речь. 2019. № 2. С. 49–57. DOI: 10.31857/S013161170004466-1.

The Language of Fiction

Vyatka La Fontaine, or the Lost Page of Russian Fables History

Alexei A. Pautkin, Moscow State University (Russia, Moscow), apautkin@yandex.ru

ABSTRACT: The article discusses the fables of a little-known provincial poet of the second half of the XVIII century G. S. Shutov. Works of Vyatka Archpriest, who graduated from the local theological Seminary and taught there “Poetics” for several years, were saved in the manuscript of the early nineteenth century. Some of them were published only in 1897 by the local historian A. S. Vereshchagin. Developing the tradition of the poetic translations of the Aesop fables, popular in Russia, Shutov was simultaneously solving educational and methodical tasks. His texts were created half a century before the fables of the same title by I. A. Krylov. They could be chronologically comparable with the works of outstanding representatives of Russian classicism V. K. Trediakovsky and A. P. Sumarokov. However, in the poetic manner and language, they became innovative for that time. The fables by Shutov are characterized by laconism and conversational ease. Among the currently available texts belonging to the Vyatka poet, the fable “Cat in beer” has a special place. The story is about a cat, rescued by mice, who had easily forgotten his promises made at that critical moment. This plot has not been found in the works of other authors. Therefore, this fable should be considered as original.

KEYWORDS: fable, parable, G. S. Shutov, Vyatka, Hlynov Seminary, classicism, Aesop, V. K. Trediakovskii, A. P. Sumarokov, I. A. Krylov

FOR CITATION: Pautkin A. A. Vyatka La Fontaine, or the Lost Page of Russian Fables History. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 49–57. DOI: 10.31857/S013161170004466-1.

Басню, столь популярную в XVIII в., обычно соотносят с именами поэтов первого ряда, прославившихся произведениями различных жанров и «подготавливавших» с историко-литературной точки зрения творческие достижения И. А. Крылова. И конечно, становление в России новой басни связывают с именем А. П. Сумарокова. Однако этот «низкий жанр», демократичный по своей сути, с его краткостью, аллегоричностью и шутливостью, не только был доступен широкому кругу читателей, но и представлял собой в XVIII в. существенный элемент гуманитарной педагогики. Поэтому более или менее успешные опыты в басенном жанре (в основном в переводах Эзопа, известного на Руси с XVII столетия) не были редкостью. Подчас подобные сочинения выходили за рамки учебно-дилетантских упражнений.

Ярким тому подтверждением является литературная деятельность Гавриила Софрониевича Шутова (1743–1807). Он был выпускником Вятской духовной семинарии, которую окончил в 1765 г. (до 1780 г. город Вятка назывался Хлынов, и, соответственно, семинария именовалась Хлыновской), а затем несколько лет преподавал там «Пиитику». Из стен этой же семинарии вышел несколько позже известный поэт и переводчик Е. И. Костров. С конца 80-х гг. XVIII в. Шутов служил в храмах города Слободского близ Вятки, был протоиереем Преображенского собора. Басни он начал писать еще в юном возрасте, будучи семинаристом.

Первая публикация ряда текстов, принадлежащих Шутову, была осуществлена энтузиастом — краеведом А. С. Верещагиным в конце XIX в. в издании «Вятские стихотворцы XVIII века» [Верещагин 1897: 33–41]. Это одно из проявлений насыщенной культурной жизни в российских губерниях и провинциальных городах. Во второй половине XX века внимание к фигуре Шутова вновь привлекла Н. П. Изергина. В ее книге «Писатели в Вятке» [Изергина 1979: 13–16] поэту уделено всего три страницы. Исследовательница обратилась к рукописным сборникам из собрания библиотеки имени А. И. Герцена г. Кирова. Там обнаружили не только басни, но и оды, а также переводы из Овидия и Горация. Изергина назвала несколько басен, главным образом переведенных с латыни, некоторые из которых имеют общий источник с крыловскими.

В 2015 г. А. С. Силина в сборнике «XVIII век» опубликовала статью «Стихотворные опыты вятских семинаристов середины XVIII века» [Силина 2015: 45–65], где был подробно описан сборник № 100 Кировской библиотеки (конволют, переплетенный в 1804 г.) и второй рукописный сборник, хранящийся в библиотеке Академии наук, переписанный той же рукой. Применительно к интересующему нас жанру Силина употребляет понятие «школьная басня» или «семинарская басня».

Шутов на четверть века старше Крылова. Он человек другого поколения, ровесник Г. Р. Державина. Протоиерей умер в 1807 г., то есть в год, с которым соотносят крыловскую «Ворону и Лисицу». Этот классический сюжет многократно привлекал внимание русских поэтов XVIII в. В череде переводов басни свое скромное место занимает и шутовский текст «Ворон и Лисица». Вот его первые строки:

Укравши Ворон сыр, на древо с ним взлетел.
Немного отдохнув, покушать захотел.
Лисица по пути пришла под то же древо,
Желая сыром тем свое насытить чрево. [Верещагин 1897: 39]

Появившись на полвека раньше крыловского шедевра, шутовская басня должна занять по хронологии место где-то между притчами В. К. Тредиаковского (1752) и А. П. Сумарокова (1762–1763). Или по крайней мере близко к произведениям последнего. Для сравнения приведем вступительные строки переводных притч, принадлежащих перу этих корифеев русского классицизма. Вот как представлена завязка «басенки VIII» — «Ворон и Лисица» — у Тредиаковского:

Негде Ворону унестъ сыра часть случилось;
На дерево с тем взлететь, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поестъ;
Для того, домочься бы, вздумала такую лестъ... [Тредиаковский 1752: 193]

А так выглядит вступление к притче Сумарокова:

Ворона сыром овладела,
Ворона добычью воронья ремесла,
Кусочек сыру унесла,
И на дубу сидела,
Во рту его держав,
Ни крошечки еще его не поклевав.
Лисица скалит зубы
И разевает губы,
Со умилением взираючи на сыр,
И говорит... [Сумароков 1781: 100]

Как видим, шутовскому стилю свойственен определенный лаконизм. В его басне заметен отход от многословно-книжной манеры изложения. Использование нейтральной лексики создает эффект разговорной непринужденности слога, достаточно редкой и удивительной для середины XVIII столетия. Общую картину не меняет даже использование славянизмов — «древо», «чрево». Возможно, так сказывалось влияние практиче-

ских задач, подразумевавших создание текстов точных по смыслу и при этом доступных и легких для запоминания, что было необходимо при обучении священников владению словом.

Уже первые строки рассматриваемой стихотворной притчи дают повод для небольшого культурологического комментария. Коснемся гастрономической составляющей этого столь популярного басенного сюжета. С раннего детства на иллюстрациях к басне Крылова мы видим в клюве незадачливой птицы сегмент сырной головки, то есть продукт в современном виде. В исходном варианте Эзопа речь идет не о сыре — Ворону достается мясо. Средиземноморское кушанье появляется у Федра (I в. н. э.). У Лафонтена же это не просто сыр, а сыр с запахом. Французский лис привлечен сырным ароматом. Но что знали о нем русские люди XVIII столетия? У наших авторов говорится просто о сыре. Басня ШUTOVA не является в этом смысле исключением. У него отсутствует крыловский гастрономический акцент («Вдруг сырный дух Лису остановил... Лисицу сыр пленил»). Широко известно, что Крылов был гурманом, и, конечно же, он знал толк в заграничных сырах. Заметим: и в начале XIX в. сыры в России — редкое и изысканное лакомство, например «сыр лимбургский живой» (А. С. Пушкин). Что же говорить о провинции середины XVIII в.! Промышленное производство французских и голландских сыров в России начнет только в 70-е гг. XIX в. Н. В. Верещагин, брат известного художника-баталиста. Но в 1807 г. Г. Р. Державин, воспевая прелести сельского бытия в стихотворном послании «Евгению. Жизнь Званская», рисует сыр белого цвета:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно — желт пирог, сыр белый, раки красны... [Державин 1865: 638]

Это творог, деревенское кушанье. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля первое значение слова «сыр» — творог. И хотя в древнерусском «Домострое» сыр и творог как хозяйственные припасы различаются, на Руси это кисломолочный продукт из творога или сырный творог, а вовсе не какой-нибудь пармезан. Так что отечественные авторы следуют не за Эзопом, а скорее за Лафонтеном. Русской птице удастся добыть совсем не народное яство.

Самый устрашающий вариант этого гастрономического мотива встречается у Г. Э. Лессинга. Садовник подбрасывает отравленное мясо кошкам соседа. Ворона, не успевшая им полакомиться, добровольно отдает кусок коварной лисице, отчего та издыхает. По сравнению с германской Лисой наши удачливые плутовки ничем не рискуют.

«Ворон» и «Ворона» имеют различные смысловые коннотации, ведь обмануть Ворону несложно. У Крылова птице свойственна задумчивость. Она «вещунья». Два вида врановых не различаются. Да и в происхожде-

нии добычи нет ничего предосудительного: «где-то Бог послал». В русских вариантах Ворона впервые появляется у Сумарокова. У ШUTOва еще, как и в древности, действует Ворон. Он, подобно Ворону Тредиаковского, склонен к воровству. То есть в басне сошлись воришка и мошенница.

Как известно, социальный статус басенных птиц различен. У Лафонтена это дворянин — «месье де Курбе», «благородный Ворон», «сударь», а не крыловская «голубушка» или «сестрица». У ШUTOва Лисица обращается к Ворону, подчеркивая исключительность его появления у них в лесу, и в то же время уже запанибрата:

Не видано таких, как ты, здесь птиц в лесу:

Твое все перье блеск пресветлый испускает. [Верещагин 1897: 39]

Поэтому в устах шутовской Лисицы уже неуместно сравнение обольщаемого с фениксом (Лафонтен) или «Зевсовой птицей» — орлом (В. К. Тредиаковский).

Анализируя крыловскую басню «Крестьянин и Смерть» (1809), Р. С. Кимягарова, составитель «Словаря языка басен И. А. Крылова» [Кимягарова 2006], отмечает распространенность данного сюжета в русской поэтической традиции. Он восходит к Эзопу. Исследовательница сопоставляет с басней Крылова тексты Тредиаковского, Сумарокова, Державина, Хвостова и замечает: «При переводе на русский язык одни переводчики придерживались эзоповской традиции, другие — традиции Лафонтена» [Кимягарова 2017: 71], значительно изменившего античный образец. К числу русских басен на эту тему следует отнести и опыт ШUTOва. Его «Старик и Смерть» — достаточно точное воспроизведение эзоповского образца. Конечно, этот перевод лишен каких бы то ни было конкретных примет времени или местного колорита, присутствующих в басне Крылова. Ведь у последнего речь идет о русском крестьянине, обитавшем «в лачужке дымной», обремененном не только годами и валежником, но и «подушным», «барщиной», «оброком». У ШUTOва просто явлен некий абстрактный старец, опрометчиво понадеявшийся на свои силы. Однако нельзя вновь не обратить внимание на удивительную простоту, пластичность языка и естественность построения диалога персонажей. Вот начало басни:

Старик, насеки дров довольно,
Оставить не хотел в лесу,
Надеялся на силу больно,
«Быть может, — думал, — я снесу».
Когда ж его лишил путь силы,
Ударил о землю дрова,
Стал свет ему и дни немилы,

Промолвил в горести слова:

— Доколе плечи мне так терпи

И быть в работе навсегда?» [Верецагин 1897: 37]

Судя по всему, Шутов писал свои басни еще при жизни М. В. Ломоносова, в самом начале екатерининского правления. Как преподаватель семинарии, он должен был знать некоторые теоретические труды литераторов-классицистов. Так, Ломоносов в своей «Риторике» в разделе «О расположении» писал в том числе о басенной композиции. У него, как это было тогда принято, речь идет о притче, представляющей собой «краткий вымысел, соединенный со нравоучением, которое из одного следует. Примеры довольно видеть можно в Эзопе» [Ломоносов 1952: 222]. По определению Ломоносова, притча имеет две части: «повествование» и «приложение, в котором краткое нравоучение содержится». Расположение этих компонентов может быть различным. Допустимым, полагал Ломоносов, бывает и соединение «прилагания... с самим повествованием». Такой вариант построения и наблюдается в баснях Шутова. В них нет морали как самостоятельной, выделенной части. Автор делает первый шаг от нравоучения к занимательному анекдоту, забавной истории, имеющей иносказательный подтекст.

Как известно, в баснях Крылова виртуозно используется разностопный ямб. Считается, что Сумарков в своих притчах первым обратился к этому перспективному стихотворному размеру. До него басня, и оригинальная, и переводная, ассоциировались обычно с шестистопным ямбом. По нескольким доступным произведениям Шутова видно: вятский стихотворец, несмотря на легкость звучания его басен, еще не использует разностопный ямб, оставаясь в рамках поэтической традиции середины XVIII в., правда, встречается у него и четырехстопный ямб.

Еще одна басня, приписываемая Шутову, называется «Кот в пиве». Среди множества аллегорических сюжетов подобный не обнаруживается. Нет его у Эзопа и Лафонтена. Нет аналогичной басни и у Крылова. Д. И. Фонвизин в начале 60-х гг. XVIII в. перевел собрание басен датчанина Л. Хольберга. Можно было бы предположить, что Шутов позаимствовал что-то из Хольберга. Но такого сюжета нет и в этой книге. Словом, с известной долей осторожности можно предположить: «Кот в пиве» — оригинальное, а не переводное сочинение. Нечто отдаленно напоминающее по смыслу встречается у Эзопа в басне о Лисе и Козле, оказавшихся в одном колодце.

Вот зачин «Кота в пиве»:

Лукавый кот, на чан вскочивший торопливо,
Вдруг с краю сорвался, упал в парное пиво,
Где жалостно ревел, себе на помощь звал,
— «Погибл я, — повторял, — погибл я, в чан упал!»

Услыша мыши рев, чрезмерно испугались,
На рев со всех сторон со страху все сбежались.
Увидели они, что в пиве тонет Кот
И, булькая, ревет, разинув страшно рот. [Верещагин 1897: 38]

Традиционно при оценке произведений басенного жанра, относящихся к различным эпохам, отмечается постепенное ослабление дидактизма и усиление развлекательности. Справедливо подчеркивается иное, чем в XVIII в., соотношение этих двух начал в крыловских баснях, сообщающее им занимательную легкость. И хотя по нескольким басням ШUTOVA трудно сделать однозначный вывод, думается, вятский протоиерей-баснописец стремился не только поучать. Морализаторство в его текстах выражено слабее, нежели у его гораздо более известных современников. В подаче сюжетов, хорошо известных тогдашнему читателю, тем более читателю образованному, приобщившемуся к древним языкам в семинарских стенах, ШUTOV находил новые изобразительные возможности, живые интонации. Скромный провинциальный поэт духовного звания, сам того не подозревая, опередил свое время.

Сколько литературно одаренных любителей стихотворства осталось в полной безвестности! Имя Г. С. ШUTOVA сохранилось, его творчество известно краеведам. Вятский пиит справедливо удостоился маленькой статьи в «Словаре русских писателей XVIII в.». В свое время А. Ф. Мерзляков, профессор, декан отделения словесных наук Московского университета, выстроил эмоциональную линию развития русской басни докрыловского периода. Д. И. Хвостов в письме к дерптскому профессору В. М. Перевозчикову вольно перефразировал эту мысль, придав ей некоторую анекдотичность и продлив «цепочку» преемственности: «... Сумароков нашел басню в поле, Хемницер привел ее в город, Дмитриев ввел ее во дворец, Крылов вывел на площадь, а Измайлов повел ее в кабак». Что сделал с басней ШUTOV? Наверное, он скромно привел басню в учебный класс, способствуя развитию литературного вкуса и навыков красноречия в среде провинциального духовенства второй половины XVIII в.

Литература

- Верещагин А. С. Вятские стихотворцы XVIII века. Вятка: Губернская типография, 1897. 93 с.
- Державин Г. Р. Сочинения. Том второй. СПб.: Издательство императорской Академии наук, 1865. 736 с.
- Изергина Н. П. Писатели в Вятке. Киров: Волго-вятское книжное издательство. Кировское отделение, 1979. 192 с.

- Кимягарова Р. С. Словарь языка басен Крылова / И. А. Крылов. Избранные басни. М.: «Оникс», «Мир и образование», «Русские словари», 2006. 928 с.
- Кимягарова Р. С. Мой Крылов. М.: МАКС Пресс, 2017. 136 с.
- Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. VII. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1952. 997 с.
- Силина А. С. Стихотворные опыты вятских семинаристов середины XVIII века // XVIII век. № 28 / Отв. ред. Н. Д. Кочеткова М.–СПб.: Альянс — Архео, 2015. С. 45–65.
- Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. Часть VII. М.: Университетская типография, изд. Н. Новикова. 1781. 377 с.
- Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы. Том первый. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук. 1752. 234 с.

References

- Derzhavin G. R. *Sochineniia* [Works]. Volume two. Sankt Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1865. 736 p.
- Izergina N. P. *Pisateli v Vyatke* [Writers in Vyatka]. Kirov, Volgo-Vyatka Publ., 1979. 192 p.
- Kimyagarova R. S. *Slovar' yazyka basen I. A. Krylova / I. A. Krylov. Izbrannye basni* [Dictionary of the language of the fables of Krylov / I. A. Krylov. Selected fables]. Moscow, Onyx Publ., Mir i obrazovanie Publ., Russkie slovary Publ., 2006. 928 p.
- Kimyagarova R. S. *Moj Krylov* [My Krylov]. Moscow, MAX Press, 2017. 136 p.
- Lomonosov M. V. *Polnoe sobranie sochinenii. T. VII* [Complete works. Vol. VII]. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1952. 997 p.
- Silina A. S. [Poetic experiments of Vyatka seminarians of the middle of the XVIII century]. XVIII vek, 2015. No. 28. Moscow–Sankt Petersburg, Alliance-Archeo Publ., pp. 45–65. (In Russ.)
- Sumarokov A. P. *Polnoje sobranie vseh sochinenii v stihah i proze. Chast VII* [Complete collection of all the works in verse and prose, part VII]. Moscow, University printing house, ed. by N. Novikov. 1781. 377 p.
- Trediakovsky V. K. *Sochineniya i perevody. Tom pervyi* [Works and translations. Vol. 1]. Sankt Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ. 1752. 234 p.
- Vereshchagin A. S. *Vyatskie poety XVIII veka* [Vyatka poets of the XVIII century]. Vyatka, Provincial printing house, 1897. 93 p.

Корпус и изучение истории слов

Светлана Олеговна Савчук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), savsvetlana@mail.ru

DOI:10.31857/S013161170004468-3

АННОТАЦИЯ: Национальный корпус русского языка имеет большой объем и включает тексты разных исторических эпох. Поэтому на материале корпуса можно проводить микродиахронические исследования, анализируя контексты употребления слов и фиксируя изменение их значений.

Большой массив текстов и лингвистическая разметка, которая обеспечивает быстрый поиск слов и форм, делает корпус незаменимым инструментом лексикографа, поскольку предоставляет в его распоряжение большое количество примеров и позволяет более точно описать оттенки значения слов и правила их употребления. Однако эта задача становится совсем непростой, если примеров слишком много. В этом случае на помощь приходят полезные инструменты корпуса, которые значительно облегчают анализ контекстов и извлечение нужной информации. В заметке на конкретных примерах показано использование двух режимов представления контекстов — обычный режим и режим KWIC (Key Word in Context). Подробно описывается также инструмент «Настройки», который позволяет вручную устанавливать порядок следования примеров, формат выдачи, количество документов на странице, количество примеров на странице выдачи, количество слов в контексте KWIC-выдачи, что значительно облегчает и ускоряет просмотр примеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Национальный корпус русского языка (НКРЯ), функциональные возможности, корпусной инструментарий, средства поиска
для цитирования: Савчук С. О. Корпус и изучение истории слов // Русская речь. 2019. № 2. С. 58–68. DOI:10.31857/S013161170004468-3.

Russian National Corpus

Using Corpus to Study History of Words

Svetlana O. Savchuk, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), savsvetlana@mail.ru

ABSTRACT: The Russian National Corpus has a large volume and includes texts from various historical periods. Therefore, based on the corpus data one can perform microdiachronic studies by analyzing contexts of words and registering changes in their meanings. Thanks to its great volume and to linguistic markup that makes it possible to quickly find words and word forms, the corpus becomes an indispensable lexicographer's tool by providing access to numerous examples that help better describe the shades of the words' meanings and the rules for their use. Still, this task may become too complex when there are too many examples in the corpus. There are useful tools available in the corpus that can greatly help researchers to analyze contexts and extract the necessary information in such cases. The article illustrates (with specific examples) the use of two formats of context representation: the ordinary format and the KWIC format (Key Word in Context). The "Settings" menu is described in detail, including such settings as order of examples, output format, number of documents per page, number of examples per document, number of words in KWIC context. These settings can greatly facilitate the process of browsing through examples.

KEYWORDS: The Russian National Corpus, functional capabilities, corpus tools, search tools

FOR CITATION: Savchuk S. O. Using Corpus to Study History of Words. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 58–68. DOI: 10.31857/S013161170004468-3.

Национальный корпус русского языка имеет большой объем и включает тексты разных исторических эпох. Поэтому на материале корпуса можно проводить микродиакронические исследования, анализируя контексты употребления слов и фиксируя изменение их значений — расширение, сужение, появление новых значений у слова или исчезновение старых.

Большой массив текстов и лингвистическая разметка, обеспечивающая быстрый поиск слов и форм, делает корпус незаменимым инструментом лексикографа, поскольку предоставляет в его распоряжение большое количество примеров и позволяет более точно описать оттенки значения слов и правила их употребления. Однако эта задача становится совсем непростой, если примеров слишком много — сотни или даже тысячи. В этом случае на помощь приходят полезные инструменты, которые значительно облегчают анализ контекстов и извлечение нужной информации. Некоторые из них мы покажем в этой заметке на конкретных примерах.

Как вы думаете, когда в русском языке появилось слово **виртуальный**? И в каком контексте оно чаще всего употребляется? Это, безусловно, заимствованное слово, но относится ли оно к новым заимствованиям? Если мы воспользуемся поиском Яндекса, то получим список подсказок, построенный на наиболее частотных запросах: *виртуальная школа, виртуальный помощник, виртуальная клавиатура, виртуальная реальность, виртуальная машина, виртуальный номер телефона* — все это употребления, отражающие реалии сегодняшнего дня, связанные с использованием интернета.

Какую информацию о слове можно извлечь из НКРЯ?

Построим запрос в основном корпусе НКРЯ. На странице лексико-грамматического поиска в поле «Слово» записываем ВИРТУАЛЬНЫЙ. В результате такого запроса получаем около двух тысяч примеров. Как сориентироваться в таком большом массиве?

Просматривать результаты выдачи удобно в формате KWIC (Key Word in Context, ‘ключевое слово в контекстном окружении’). Это наиболее распространенный формат представления конкордансов, при котором от каждого найденного примера показывается лишь одна строчка и искомое слово помещается в ее середину (рис. 1).

Режим KWIC устанавливается на верхней панели страницы выдачи. Рядом находится ссылка «Настройки», которая позволяет установить порядок следования примеров в режиме просмотра (рис. 2).

При нажатии на ссылку «Настройки» открывается диалоговое окно, которое позволяет самостоятельно установить 1) режим упорядочивания примеров, 2) формат выдачи (обычный или KWIC), 3) количество слов в кон-

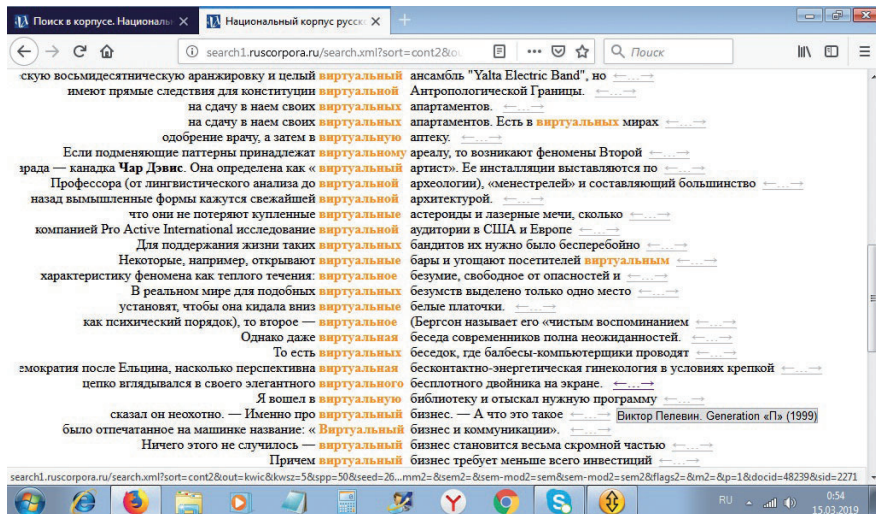

Рис. 1. Выдача примеров в формате KWIC | Fig. 1. Output of examples in KWIC format

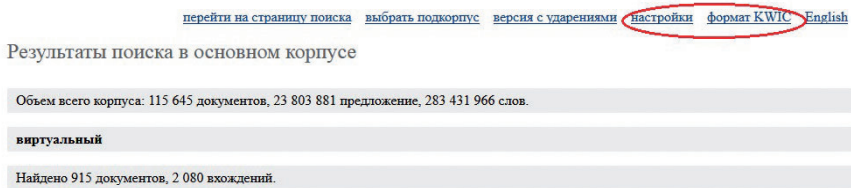

Рис. 2. Выбор режима просмотра и сортировки найденных примеров | Fig. 2. Selection of the output format and sorting settings for the examples

тексте KWIC-выдачи (по умолчанию длина контекста — 5 слов), 4) количество примеров на странице (по умолчанию установлено 50 примеров).

По умолчанию примеры в Основном корпусе выдаются в следующем порядке: сначала все примеры из текстов со снятой омонимией, затем все примеры с неснятой омонимией, отсортированные, начиная с самых новых.

В зависимости от решаемых задач пользователь может изменить порядок выдачи примеров, выбрав соответствующую строку в диалоговом окне настройки. Возможны следующие варианты упорядочения:

- по **правому контексту**, то есть по слову, ближайшему к искомому;
- по **правому контексту**, с учетом формы исходного слова, — в отличие от предыдущей настройки, в алфавитном порядке упорядочиваются словоформы искомого слова;

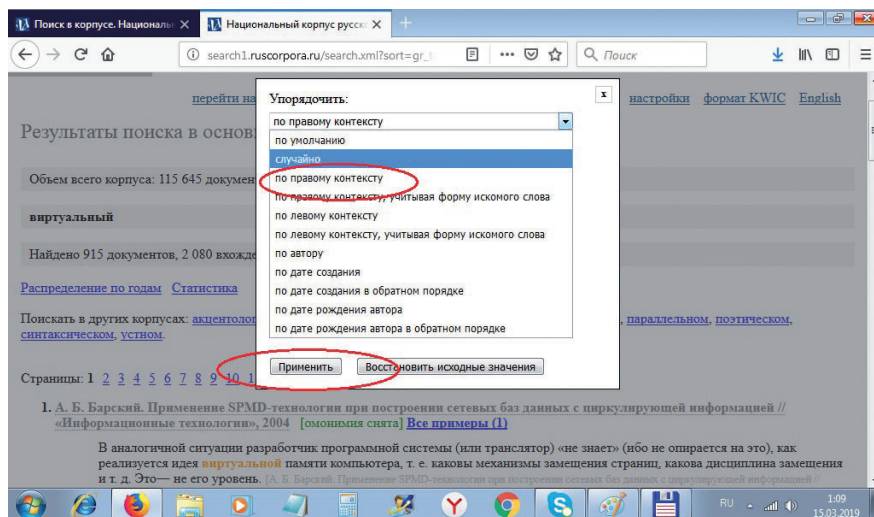

Рис. 3. Выбор настроек для установления порядка следования примеров

Fig. 3. Selection of the order settings for the examples

- по **левому контексту**, то есть по слову, которое предшествует искомому;
- по **левому контексту**, с учетом формы исходного слова, — то же, что в предыдущей настройке, но в алфавитном порядке упорядочиваются словоформы искомого слова;
- по **автору**, то есть контексты упорядочиваются в соответствии с прямым алфавитным порядком фамилий их авторов;
- по **дате создания**, при такой настройке контексты отсортированы, начиная с самых ранних;
- по **дате создания** в обратном порядке, при такой настройке контексты отсортированы, начиная с самых новых;
- по **дате рождения автора** — контексты отсортированы в соответствии с датой рождения автора, начиная с самой ранней;
- по **дате рождения автора** в обратном порядке — то же самое, но начиная с самой поздней;
- **случайно** — этот режим выбирается, когда пользователю надо получить статистику или сделать какие-то иные выводы на основе случайной выборки.

Для того чтобы быстро просмотреть контексты употребления слова *виртуальный*, используем настройку «по правому контексту» (рис. 3) и получим отображение примеров в виде, представленном на рис. 1. Та-

кой порядок делает наглядной сочетаемость прилагательного *виртуальный*, поскольку рядом оказываются примеры, в которых прилагательное сочетается с формами одного и того же существительного: *виртуальный автор, виртуального автора, виртуальные авторы, ... виртуальный бизнес, виртуального бизнеса, виртуальному бизнесу* и т. д. При этом сведения о тексте, из которого взят пример, можно получить во всплывающем окне, если навести курсор мыши на две стрелки в конце строки: «...» (рис. 1). При нажатии на эти стрелки в отдельном окне откроется расширенный контекст употребления слова (чаще всего он равен абзацу).

Рождество должно помочь мировому виртуальному бизнесу. Конец года может принести для мирового Интернета большую сенсацию — лидер мировой интернет-торговли компания Amazon.com заявила, что, возможно, получит прибыль в четвертом квартале уходящего года. Интрига заключается в том, что этот виртуальный магазин никогда не был прибыльным. Если событие случится, то вся мировая интернет-торговля будет реабилитирована (Известия. 25.11.2001).

Просмотр контекстов показывает, что активность слова *виртуальный* связана прежде всего с развитием информационных технологий и интернета. Самые частотные сочетания: *виртуальная реальность* (134), *виртуальный мир* (89), *виртуальное пространство* (69), *виртуальное предприятие* (19), *виртуальная экономика* (20), *виртуальный магазин* (22), *виртуальное общение* (19), *виртуальный образ* (17), *виртуальная жизнь* (13), *виртуальная игра* (8) и под.

Эти новые употребления слова зафиксированы в словаре «Новые слова и значения» (далее — НСЗ), см. [Буцева (ред.) 2009].

ВИРТУАЛЬНЫЙ, ая, ое. 1. Имитируемый с помощью компьютерной техники, интернет-технологий. Виртуальное пространство (чего). То же, что веб-пространство (см.); интернет-пространство (см.). <...> Виртуальная реальность, действительность. Среда, ситуация, имитируемая с помощью компьютерных устройств (звук, зрительными образами, тактильными ощущениями и др.), интернет-пространство (см.). <...> Виртуальная библиотека. Совокупность текстовой, музыкальной, графической информации на электронных носителях, интернет-сайтах (см.), доступных с помощью компьютерной техники. <...>

2. Такой, которого нет, не может быть фактически, физически. *Президент-сомнамбула... ведет страну в виртуальное «светлое демократическое будущее» и как виртуальный Глазком руководит призрачной виртуальной армией*. СР 31.12.98. [Буцева (ред.) 2009: 309–312].

По данным корпуса, рост частотности этого слова наблюдается с конца 1990-х годов, что подтверждается и данными словаря НСЗ. Уточним эти наблюдения, используя функцию «Настройки», только на этот раз упоря-

дочим примеры по дате создания. И тут нас ждет неожиданность: оказывается, вопреки нашим предположениям, слово это было известно еще в XIX веке.

*Задача человечества состоит не в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат **виртуально** (в возможности, in potentia) в идее человечества* (Н. Данилевский. Россия и Европа. 1869).

В XX в. слово использовалось как термин в физике, психологии, философии.

*Другой участник событий при этом — физический вакуум с его **виртуальными** частицами* (Техника — молодежи. 1977); ***Виртуальная** пара может поглотить фотон и перейти в возбужденное состояние, после испускания фотона она переходит в прежнее невозбужденное состояние* (Техника — молодежи. 1990); *Например, процессы зрительного восприятия как бы записаны в особенностях устройства зрительной системы человека, но только в **виртуальной** форме — как их возможность* (А. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. 1974); *Она будет «данным», только если примет **виртуальную** форму моего пространства преобразования (или будет, как выражается Декарт в юношеской латинской записи, «сенсibiliей, годной для олимпийских познаний»)* (М. Мамардашвили. Картезианские размышления. 1981–1993).

Это первоначальное терминологическое значение зафиксировано в словарях — Большой энциклопедии С. Н. Южакова [Южаков (ред.) 1901], словаре Д. Н. Ушакова [Ушаков (ред.) 1935], Большом академическом словаре (БАС), словарях иностранных слов:

ВИРТУАЛЬНЫЙ, -ая, -ое; -лен, -льна, -о. 1. Способный к действию; возможный. ▢ *Матем.* Виртуальное перемещение — перемещение материальной точки или системы, которое ей в данный момент доступно при существующих связях. 2. ▢ *Филос.* Не существующий непосредственно и сам по себе, но способный возникнуть при наличии известных условий [БАС: 387]. Согласно БАСу, слово восходит к новолатинскому слову *virtualis* — сильный, способный, мощный.

В конце XX в. к имеющимся значениям добавилось еще одно специальное значение, относящееся к сфере информатики и представленное в таких сочетаниях, как *виртуальная память, машина, виртуальное пространство, хранилище* и под.

*Кроме соответствия исходных кодов блок подкачки также проверяет идентичность разбиения на страницы **виртуальной** памяти для обоих регионов* (Информационные технологии. 29.09.2003); *Недаром в научном мире, инженерной практике, в среде разработчиков и пользователей средств информатики все чаще употребляются такие понятия, как*

интеллектуальный потенциал, интеллектуальная среда, **виртуальное** информационно-интеллектуальное пространство, мировой мозг, ноосфера, пси-фактор и т. п. (Информационные технологии. 18.08.2003); Этим способом публикуются, редактируются и удаляются **виртуальные** объекты, относящиеся как к контенту, так и к управлению функциональными возможностями и дизайном сайта (Информационные технологии. 21.07.2003).

В отличие от общенаучного термина *виртуальный*, который восходит к латыни, источником компьютерного термина стал английский язык, в котором в эпоху компьютеризации сформировались сочетания *virtual memory*, *virtual reality*, заимствованные в 1990-е годы в русский и другие языки [Комлев 1995; Маринова 2008, 354]. В начале XXI в. слово *виртуальный* стало выходить за пределы профессиональной речи [Геккина 2000; Маринова 2008, 355], что было отмечено в словарях новых слов, в частности, в упомянутом выше НСЗ, а также в словаре Г. Н. Складчиковой [Складчикова (ред.) 2006] («иллюзорный, умозрительный, не существующий в реальности»).

Однако анализ данных НКРЯ обнаруживает, что непрофессиональное значение слова *виртуальный*, синонимичное словам *ирреальный*, *сюрреальный*, *вымышленный*, *искусственный*, *воображаемый*, *умозрительный*, встречается в текстах и до начала XXI в. Он является продуктом эры новой **виртуальной** политической реальности, рожденной средствами массовой информации, в которой важно не столько быть, сколько казаться (Коммерсантъ-Daily. 23.01.1996); Я согласен жить куда менее интересно, чем тогда, лишь бы ЖИЗНЬ БЫЛА, а не ее **виртуальный** коммунистический муляж со всеми этими «стройками», «гэбухами», «починами», «самиздатом», пьянством, бравадой, страхом и стыдом (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов». 1997); Становящееся затрепанным словцо «**виртуальный**» точно характеризует нашу реальную нереальность (А. Вознесенский. На виртуальном ветру. 1998). У В. Аксенова встречаем даже вариант, восходящий к языку-источнику: Теперь в тишине долины Шэнандоа этот десятимесячный «русский фильм», словно «**виртуал риэлити**», включался в сознание Палмер абсурдно перемешанными кусками, то по ночам на подушке, то за рулем «Тойоты», то в супермаркете, то во время бега, то перед телевизором... (В. Аксенов. Негатив положительного героя. 1996).

Таким образом, в случае со словом *виртуальный* в современном значении мы имеем дело не с семантическим развитием философского термина, а с вторичным заимствованием, которое вошло в русский язык с распространением интернета и освоением большого пласта лексики, с ней связанного (как, например, слово *программа*, *вирус* и т. п.).

Рассмотрим другой пример — слово **забугорный**. Как вы можете охарактеризовать значение и употребление этого слова? С чем оно ассоциируется? Кажется, что с жаргонным выражением «за бугром», то есть ‘за границей’, и появилось это значение в период 1980–1990 гг. Проверим свое предположение по словарям и корпусу.

Толковый словарь В. И. Даля (1863–1866) дает прямое значение:

ЗАБУГОРНЫЙ, находящийся позадь бугра.

Новое переносное значение зафиксировано в Толковом словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000].

ЗАБУГОРНЫЙ. Забугорный прил. разг. Заграничный, иностранный; зарубажный.

НСЗ приводит производные существительные: ЗАБУГОРЬЕ, -я, ср. собир. Зарубежные страны; зарубежье (*разг.-шутл. или пренебр.*). ЗАБУГОРНИК, -а, м. Иностранец (обычно из стран Запада, Америки) (*разг., пренебр.*) [Буцева (ред.) 2009: 587–588].

Примеры из НКРЯ (1984–2000-е гг.) иллюстрируют это значение: *Сначала мы вместе прилипли к радиоприемнику, жадно ловя, как в еще недавние времена глушилок и психушек, забугорные последние известия* (Е. Евтушенко. «Волчий паспорт». 1999); *Поэтому я без энтузиазма выслушал информацию по забугорному радио о наших муках* (В. Попов. Будни гарема. 1994); *Не удосужились забугорные психологи ответить на вопрос: «Кому на Руси жить хорошо?»* (И. Охлобыстин. Мозг Ихтиандра // «Столица». 15.04.1997).

Специалист по современному жаргону как будто бы подтверждает нашу гипотезу о происхождении слова: «Уже прочно вошли в общенародный язык и обросли различными языковыми связями арготизмы первой волны “перестройки” (конца 1980-х — начала 1990-х годов) — такие слова, как отмывание денег (то есть их легализация), бугор — ‘заграница’, свинтить, свалить за бугор — ‘уехать за границу’, забугорный — ‘заграничный’ и пр.» (М. Грачёв. Интервенция криминального языка // «Наука и жизнь». 2009).

Однако вопреки авторитетному мнению, наша гипотеза оказывается ошибочной. Если упорядочить найденные примеры по дате создания, то НКРЯ отошлет нас к произведению В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864), в котором встречается выражение *Палестины забугорные*.

Так я тебе, милый человек, про матушку нашу рассказывать стану. ...Широки, брат, эти Палестины забугорные!.. Реки у нас широкие, — Волга супротив наших — тьфу! (В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 4. 1864). Жизнь — все та же, что и прежде, с тою только вечно повторяющейся разницей, что на место некоторых старых «жилыцов», угодивших либо на волю, либо на Владимирку, в Палестины забугорные

горные прибывают день ото дня «жилыцы» новые, с тою же по большей части перспективой воли — «с подозрением», да длинной Владимирки и Уральских бугров. (В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Ч. 4. 1864).

Согласно словарю Н. Смирнова, выражение *Палестины забугорные* означает 'Сибирь зауральская' [Смирнов 1899]. Как видим, прилагательное *забугорный* имеет арготическое происхождение, но в конце XX века его, по-видимому, не изобрели, а «вспомнили». Если на жаргоне 1990-х *за бугром* означает 'за границей', то на жаргоне XIX века *за буграми* значило 'за Уральскими горами, в Сибири'.

Источники

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru>

Studiorum. Образовательный портал Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://studiorum-ruscorpora.ru>

Литература

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. Т. 2. М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
- Буцева Т. Н. (ред.). Новые слова и значения. Словарь справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века в двух томах. Т. 1 (А — К) / Сост. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов, Ю. Ф. Денисенко, Н. Г. Стулова, Н. А. Козулина, С. Л. Гонабоблева; Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2009. 870 с.
- Геккина Е. Н. К истории прилагательного *виртуальный* в русском языке // Филология на рубеже тысячелетий: Материалы Междунар. научн. конф. Вып. 2. Ростов н/Д., 2000. С. 21–23.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 2310 с.
- Комлев Н. Г. Словарь новых иностранных слов. М.: Изд-во МГУ, 1995. 144 с.
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX — начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
- Скляревская Г. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
- Смирнов Н. Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы». СПб., 1899.

- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4-х томах. Т. 1. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935.
- Южаков С. Н. (ред.). Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / Под ред. С. Н. Южакова. Т. 5. СПб.: Просвещение, 1901. 794 с.

References

- BAS — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomakh* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. 2. Moscow–Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951.
- Butseva T. N. (ed.). *Novyye slova i znacheniya. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka v 2 t.* [New words and meanings. Dictionary of reference materials of the press and literature of the 90s of the twentieth century in two volumes]. Vol. 1 (A – K). In-t lingvisticheskikh issledovaniy RAN. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2009. 870 p.
- Gekkina E. N. [To the history of the adjective *virtual'nyi* ('virtual') in Russian / Philology at the turn of the millennium: Materials of the Intern. scientific conf.]. *Filologiya na rubezhe tysyacheletii: Materialy Mezhdunar. nauchn. konf. Vyp. 2*. Rostov na Donu, 2000. Pp. 21–23. (In Russ.)
- Komlev N. G. *Slovar' novykh inostrannykh slov* [A Dictionary of New Foreign Words]. Moscow, 1995. 144 p.
- Marinova E. V. *Inoyazychnye slova v russkoi rechi kontsa XX — nachala XXI v.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya* [Foreign words in Russian at the end of the 20th — beginning of the 21st century: problems of mastering and functioning]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 712 p.
- Sklyarevskaya G. N. (ed.) *Tolkovy slovar' russkogo yazyka kontsa XXI veka. Aktual'naya leksika* [Explanatory Dictionary of Russian language of the late XX century. Actual vocabulary]. St. Petersburg, Folio-Press, Institute of Linguistic Studies, 1998. 704 p.
- Smirnov N. *Slova i vyrazheniya vorovskogo yazyka, vybrannye iz romana Vs. Krestovskogo «Peterburgskie trushchoby»* [Words and expressions of the thieves' language, selected from the novel "Petersburg Slums"]. St. Petersburg, 1899.
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovy slovar' russkogo yazyka. V 4-kh tomakh.* [Explanatory dictionary of the Russian language in 4 vols.]. Vol. 1. Moscow, Gosudarstvennyi institut «Sovetskaya entsiklopediya», 1935.
- Yefremova T. F. *Novyi slovar' russkogo yazyka* [New Dictionary of the Russian Language. Interpretive word-building]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 2310 p.
- Yuzhakov S. N. (red.). *Bol'shaya entsiklopediya. Slovar' obshchedostupnykh svedenii po vsem otraslyam znaniya* [Great Encyclopedia. Dictionary of publicly available information on all branches of knowledge]. Vol. 5. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1901. 794 p.

Рубрика «Послания» в газете бесплатных объявлений 1990-х гг.: к вопросу о предшественниках и истоках интернет-коммуникации

Вадим Викторович Дементьев, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского (Россия, Саратов), dementevvv@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170003979-5

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается значимый для жанроведа-историка жанр, недавно ушедший из употребления, — рубрика «Послания» газеты бесплатных объявлений. Автор обсуждает лингвистические и начальные речеганровые особенности текстов данной рубрики и свои отношения с нею: в 1990-е автор регулярно читал «Послания» и уже осуществлял начальный лингвистический анализ. Таким образом, автор комментирует с позиций современного лингвиста-жанроведа и «Послания» 1990-х, и свои комментарии, сделанные в то время.

Сравниваются «Послания» и Интернет, выявляются пункты сопоставления и различий: 1) у «Посланий» не было технических возможностей Интернета, таких как скорость/оперативность и гипертекстовый характер; 2) «Послания» изначально писались от руки, а не набирались на клавиатуре, в результате не было смайлов и др. НВКК, редакция исправляла ошибки и отсекала мат; 3) участники «Посланий» не имели знаний об Интернете и соответствующей коммуникативной, языковой и метаязыковой компетенции; 4) из-за того что «Послания» просуществовали недолго, не успела сложиться система РЖ, как в Интернете, однако было начальное речеганровое, структурное развитие: анонимность участни-

ков и появление ников; словотворчество («комучтисты»); появление новых прецедентных текстов; организация флешмобов; некоторые узнаваемые авторские стили, напоминавшие современные блог-посты.

Показано, что анализ прошлых речежанровых событий полезен для лучшего понимания современных процессов в РЖ. Сравнивая речежанровые феномены, являвшиеся новыми четверть века назад, и речежанровые феномены, являющиеся новыми сейчас (Интернет), можно обнаружить ряд общих тенденций развития жанров неофициального письменного общения. В результате эти тенденции для современного феномена становятся благодаря этому сравнению понятнее.

ключевые слова: история речевых жанров, рубрика «Послания», интернет-коммуникация

для цитирования: Дементьев В. В. Рубрика «Послания» в газете бесплатных объявлений 1990-х гг.: к вопросу о предшественниках и истоках интернет-коммуникации // Русская речь. 2019. № 2. С. 69–93. DOI: 10.31857/S013161170003979-5.

Russian Language on the Internet

“Messages” Column in the Free Ads Newspaper of the 1990s: On the Question of the Precursors and Origins of Internet Communication

Vadim V. Dementyev, Saratov State University (Russia, Saratov), dementevvv@yandex.ru

ABSTRACT: The article discusses a recently abandoned genre that is significant for the speech genre historian — the “Messages” column in the free ads newspaper. The author discusses the linguistic and initial speech genre features of the texts of this column and his relationship with it: in the 1990s, the author

was regularly reading the "Messages", and tried to analyze them. Thus, the author reviews the "Messages" of the 1990s, and his own comments made at that time from the point of modern linguist and speech genre researcher.

"Messages" and the Internet are compared, keypoints for comparison and distinctions are uncovered: 1) "Messages" did not have the technical capabilities of the Internet, such as speed and hypertext character; 2) "Messages" were originally written by hand, and were not typed using the keyboard, as a result there were no smiles etc., nonverbal communication components, the editors corrected errors and cut off the swearing; 3) the authors of the "Messages" did not have knowledge of the Internet and the corresponding communicative, linguistic and metalinguistic competence; 4) due to the short period of the "Messages" existence, the speech genres system did not have enough time to emerge in comparison with the Internet, however, there was an initial speech genre, structural development: the anonymity of the participants and appearance of the nicknames; word creation ("komuchtisty"); the emergence of new precedent texts; organization of the flash mobs; some recognizable authors and styles, resembling modern blog posts.

It is shown that the analysis of former speech phenomena is useful for a better understanding of modern processes in the speech genres. Comparing the speech genre phenomena, that were recognized new for a quarter of a century ago, and the speech genre phenomena that are new now (the Internet), one can find several general trends in the development of unofficial written communication genres. As a result, these trends for the modern phenomenon become clear due to this comparison.

KEYWORDS: history of speech genres, "Messages" column, Internet communication

FOR CITATION: Dementyev V. V. "Messages" Column in the Free Ads Newspaper of the 1990s: On the Question of the Precursors and Origins of Internet Communication. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 69–93. DOI: 10.31857/S013161170003979-5.

Введение

История речевых жанров (далее — РЖ) является естественным и поэтому актуальным направлением общего изучения РЖ; однако данное направление разработано гораздо хуже, чем другие направления, по причине, которая тоже является совершенно естественной: практически полное отсутствие аутентичного материала по истории устных жанров.

М. М. Бахтин хотя и заложил основу для будущего изучения истории жанров речи — ср. его известное утверждение, что РЖ суть «приводные ремни от истории общества к истории языка» [Бахтин 1996: 165] (причем имел в виду прежде всего именно жанры устной речи), но не оставил разработок и идей практического характера.

Поэтому для жанроведа-историка являются очень интересным и ценным материалом жанры новых сфер общения (например, интернет-общения, SMS-общения и т. п.), возникающие и развивающиеся быстро и активно за очень короткий срок — буквально на глазах исследователя, и — особенно — динамические процессы, трансформации данных жанров.

Следует подчеркнуть, что, хотя полноценное историческое исследование названных типов жанров невозможно — для этого они просто существуют недостаточно долго, — исследователи очень часто ставят вопросы, по сути, именно исторического характера: о речеганровой вторичности интернет-жанров, о том, какие РЖ (устные, письменные) являются предшественниками того или иного интернет-жанра, т. е. по отношению к нему первичными (см.: [Горошко, Полякова 2015; Щурина 2012; Дементьев 2015]).

С другой стороны, представляют большой интерес жанры, недавно ушедшие из употребления — особенно если и возникли они тоже относительно недавно. Ср. два жанра: *сообщение на пейджер* и рубрику «*Послания*» газеты бесплатных объявлений — оба могут предоставить жанроведу-историку чрезвычайно ценный материал.

Настоящая статья посвящена второму из них.

Статья и по материалу, и частично по самому тексту перемещает нас (и это вполне закономерно для работы, посвященной истории РЖ) на четверть века назад — в коммуникативное и речеганровое пространство начала 1990-х гг.

Как это бывает, сейчас я убеждаюсь, что тогда во многом собирал и анализировал «не то и не так» (хотя и «то и так» тоже было; это, а также какие-то мои соображения о том времени и его «речеганровой картине» из дня сегодняшнего, полагаю, могут представлять интерес для коллег-жанроведов — вот почему я решил написать эту статью).

Тенденции, которые тогда зарождались, просто невозможно было правильно оценить, не зная будущего — а это будущее озаменовалось, в общем, рождением и стремительным развитием всего Интернета. Это зарождение и развитие целого нового коммуникативного пространства (включая новые жанры), происходившее на наших глазах, конечно, обогатило нас новыми знаниями.

Пожалуй, главное, что мы можем добавить к «взгляду из 1990-х», — анализ прошлых речеганровых событий может быть полезен для лучшего понимания современных процессов в РЖ; кроме того, сравнивая рече-

жанровые феномены, являвшиеся новыми четверть века назад, и рече-жанровые феномены, являющиеся новыми сейчас (имеем в виду прежде всего Интернет), можно обнаружить несколько общих тенденций, а следовательно, эти тенденции для второго феномена — Интернета — в чем-то станут благодаря этому сравнению понятнее. Наконец, кажется, можно обнаружить несколько еще более общих тенденций, заставляющих предположить, что развитие системы жанров неофициального письменного общения знает ряд универсальных закономерностей, которые не зависят даже от носителя информации (как в случае «Посланий» и Интернета), и выявление таких тенденций могло бы обогатить не только частную и/или историческую, но и общую теорию РЖ, — но столь глобальные выводы мы оставляем будущим исследователям.

1. Рубрика «Послания» газеты бесплатных объявлений «Кому что» и отношения с нею автора

Один из наиболее заметных новых коммуникативных феноменов первых постсоветских СМИ (наряду с другими, многократно становившимися объектом лингвистических исследований — см.: [Костомаров 1994; Земская (ред.) 1996; Крысин (ред.) 2008]) — появление газет бесплатных объявлений.

В начале 1990-х в Саратове выходило несколько газет бесплатных объявлений: «Из рук в руки», «О том о сём» (выходили раз в одну-две недели), но самой популярной долгое время оставалась еженедельная «Кому что» (далее — КЧ).

Сами газеты продавались и были очень популярны, их быстро раскупали. В одном номере КЧ был один купон на объявление, который нужно было вырезать и заполнить, т. е., чтобы иметь возможность подать объявление, требовалось купить номер газеты.

Количество слов в объявлении было строго ограничено (если не ошибаюсь, верхняя граница была 25 слов; если требовалось написать более длинный текст, надо было использовать несколько купонов, соответственно — купить несколько номеров газеты).

Были запрещены мат, оскорбления и др. прямая агрессия.

Среди требований и ограничений, предъявляемых редакцией КЧ к авторам объявлений, также были следующие: нельзя было сообщать имена и адреса, номера телефонов и машин, хотя, впрочем, можно было назначить встречу заинтересовавшему человеку или предложить писать до востребования предъявителю паспорта с указанным номером.

В остальном же авторам текстов объявлений предоставлялась свобода — которая тогда была еще совершенно непривычна и очень привлекала.

Что касается содержания объявлений — по нашим наблюдениям, всё началось с раздела *брачных объявлений* (это не было совсем новое явление: в советское время брачные объявления вместе с рекламой печатались в газетах в Прибалтике; но для остальной России новое, казавшееся поначалу очень необычным, экзотическим и модным), которые впоследствии трансформировались в (более свободный) жанр *объявлений о знакомстве*. Опять же по нашим воспоминаниям, эти тексты весьма часто были длинными, творческими и все менее стандартными — настолько, что первоначальная цель — встреча людей в «реале» (говоря современным языком) — отходила на второй план и даже становилась неактуальной: важнее было самовыражение в письменном виде и письменные же отклики на него.

Так в 1992 г. возникла рубрика, которую редакция КЧ не мудрствуя лукаво назвала «Послания». (Забегая несколько вперед, следует сказать, что это название ожидаемо казалось скучным и практически не обыгрывалось в общении, в отличие от названия газеты «Кому что» — участники называли себя *комучтистами*. Слово «Послания» почти не обыгрывалось, за редким исключением — ср. стишок авторства Человека Дождя (пишу по памяти): *Увы, немало пессимистов / Еще в семействе комучтистов. / К тому же много средь посланцев, / Как Петросян сказал, «засланцев»...*)

Насколько я помню, в одном номере газеты было от 50–100 до нескольких сотен объявлений-«Посланий», кроме того, было несколько с п е ц ы п у с к о в КЧ (в 1993, 1994 гг.), целиком отведенных под «Послания», — там они исчислялись тысячами (!).

Рубрика «Послания» достигла своего расцвета примерно к 1994-му, с середины 1990-х начался спад, а к концу 1990-х она прекратила существование, не выдержав конкуренции с набирающим силу Интернетом.

Несколько характерных **примеров** из моего архива 1990-х гг. с кратким (а иногда еще и дополнительно сокращенным сейчас) комментарием оттуда же:

*А мне жутко не везет! Мечтаю о спокойном, сильном и темноглазом, а рядом все время нервные, слабые и голубоглазые... Мужчины с карими глазами, ответьте капризной, но очаровательной девушке! **Just nobody's girl.*** («Кому что», спецвыпуск № 3, февраль 1994).

Целью вступления в коммуникацию посредством помещения объявления в газете является, несомненно, общение, т. е. послание имеет фатическую цель. Однако тот факт, что общение-цель находится за пределами актуальной ситуации общения (целью является не само общение через газету, а последующее «живое» общение), делает данные смыслы,

с одной стороны, более косвенными, а с другой стороны, как ни парадоксально, — менее косвенными, поскольку имеется в виду всё же более «обычное», то есть непосредственное общение в естественной сфере, а не общение виртуальное (какого тоже много в газете «Кому что»).

Адресат получает комплимент авансом (формальная неоднородность определений *спокойный, сильный и темноглазый* должна заставить темноглазого адресата почувствовать себя *спокойным и сильным*, то есть «настоящим мужчиной», который нравится). Адресант обозначен посредством игровой характеристики (*капризная, но очаровательная девушка*). Значим и английский псевдоним (*Just nobody's girl* 'совсем ничья девушка'), при этом сам факт обращения к адресату по-английски тоже можно считать косвенным комплиментом. Ни адресат, ни адресант не обозначены прямо, что расширяет обращенность высказывания. Добавим, что флиртовое содержание имеют коннотации лексем и идиом *капризная, но очаровательная девушка; Just nobody's girl* и особенно *мне жутко не везет!*

Флиртовым является и следующий пример, хотя он уже содержательно сложнее (и меньше напоминает объявление из рубрики знакомств):

Тане, что живет на улице Перспективной, и у которой красивые, призывно-томные карие глаза и две восхитительные родинки возле губ. Просьба к тебе. Покрась волосы в белый цвет! Тебя хотят видеть белокурой. Случайно и мимолетно сведенные судьбой... («Кому что», спецвыпуск № 1, ноябрь 1993).

Общение вне газеты как будто бы уже состоялось, но призыва к новой встрече нет. Таким призывом к встрече не является выражение *тебя хотят видеть белокурой* в неопределенно-личной форме 3-го лица. Подпись *Случайно и мимолетно сведенные судьбой* также эксплицирует кратковременность общения. Эксплицированные качества внешности и эмоциональные оценки (*красивые, призывно-томные карие глаза и две восхитительные родинки возле губ*) сами по себе не являются показателями ни фатической, ни флиртовой интенции; в то же время замечание *тебя хотят видеть белокурой* вполне может быть истолковано девушкой как отрицательная оценка ее внешности (впрочем, флирт не исключает насмешки и прочих дисгармонических средств).

Наконец, трогательный пример, определить непосредственную коммуникативную цель которого трудно:

Жители домов 5 и 6а пр. Строителей! Неужели вы не слышали музыки 29 июля в 22 часа? Никто не вышел на балкон послушать, а я включила ее специально для вас на полную громкость, поставив колонку к окну.

*Я хотела сделать вам приятное. Это самая большая публичная акция, на которую я способна. **Инкогнито.** («Кому что», год и номер газеты не указаны).*

Нам не удалось найти почти ни одного примера общения через «Послания», которое преследовало бы только информативную цель.

Фатическая цель «Посланий» является абсолютно преобладающей. Любое послание является в той или иной степени фатическим. Это определяется уже самим фактом обращения к «Посланиям», изначальная цель которого состоит в удовлетворении потребности быть замеченным, т. е. в самом наличии контакта.

Комментарий из 2018-го. Таким образом, фатическая цель «Посланий» 1990-х была абсолютно преобладающей — как, заметим, и в современном интернет-общении.

В целом флирта было так много, что это заставило меня тогда, т. е. в 1990-е, принять в качестве главного членения фатических «Посланий» противопоставление прямо (если можно так выразиться применительно к флирту) флиртовых «Посланий», где целью была встреча в «реале», и всех остальных (целью было само «виртуальное» общение через «Послания»). Эти два типа я назвал «Посланиями-1» и «Посланиями-2» — рубрику «Послания» я все еще считал прямо производной от рубрики объявлений о знакомстве или неким побочным, несамостоятельным ответвлением ее.

Итак, в начале 1990-х гг. меня очень интересовал этот жанр.

Я набрал и проанализировал большой материал (увы, он почти не сохранился).

Лишь отдельные примеры и сюжетные линии я тогда превратил в полноценные тексты, причем никогда — в виде отдельной статьи/статей, а только в виде кусков монографий [Дементьев 2000] — тогда они интересовали меня только в связи с непрямой коммуникацией, а именно: как «Послания»-флирт, вторичный жанр по отношению к непосредственному флирту (и, как мы знаем сейчас, предшественник интернет-флирта).

Эта линия действительно была представлена в «Посланиях» богато и ярко; но в целом «Послания» далеко не сводились к одному лишь флирту.

Как я с сожалением вынужден констатировать сейчас, я тогда выбрал только одну сюжетную линию, причем не самую специфичную для «Посланий» — скорее это линия жанра *объявления о знакомстве* (хотя и не совсем — см. ниже). Вижу, что просто испугался всего остального многообразия «Посланий», которое казалось вообще безбрежным, не ограниченным никакими структурными, тематическими и т. д. правилами и нормами хаосом (конечно, это мое впечатление, одновременно паниче-

ское и восторженное, было во многом ошибочным), — поэтому замечания об остальных линиях были весьма отрывочны и фрагментарны. Тем не менее, некоторые формирующиеся тенденции я уже замечал и старался зафиксировать и даже осмыслить.

Структура этой (несколько необычной для меня) статьи будет следующей:

- некоторые куски нашего текста о «Посланиях», написанного тогда же, т. е. в 1990-е, мы даем целиком (текст 1990-х дается другим шрифтом);
- вторую часть — сопровождая отдельные мысли о «Посланиях» из 1990-х своим комментарием из дня сегодняшнего;
- в-третьих — это будут сегодняшние «речезанровые» мысли, а куски о «Посланиях» будут использованы в качестве примеров — как «положительных», так и «отрицательных», т. е. мы будем исправлять свои прошлые ошибки — в которых были не виноваты или виноваты.

Конкретная последовательность кусков (именно потому, что одни из них написаны сейчас, другие — в 1990-е) тоже будет нехарактерна для большинства лингвистических статей такого рода: вместо того чтобы начать с конкретных примеров (распределенных по темам, сферам, целям, типам участников и т. д.), а потом сделать выводы, в т. ч. диахронического характера, мы начнем с вывода, точнее: некоторых предварительных итогов, — а материал и наш комментарий (как сделанный сейчас, так и в 1990-е) приведем потом.

2. Рубрика «Послания» 1990-х гг. и последующее развитие виртуальных жанров речи (Интернет) (сравнение)

Конечно, количество и богатство материала совершенно несопоставимо; но, с другой стороны, богатство тем, целей и в «Посланиях» было довольно велико — ведь, кроме названных выше, не существовало никаких ограничений, в отличие от современного Интернета, не было жанрового членения типа: «*блоги — чаты — соцсети — тематические форумы*»... Но эта-то свобода и подчеркнутое отсутствие ограничений («ждали чуда!») и привлекала.

Сравнивая «Послания» и Интернет, мы пришли к выводу, что обнаруживаются **четыре** наиболее значимых пункта сопоставления — прежде всего **различий**:

1) у «Посланий» не было технических возможностей Интернета, главными из которых, по-видимому, являются скорость/оперативность

и гипертекстовые возможности (не обменивались ссылками, gifками и подоб.);

2) зато, наоборот, «Послания» имели нечто свое — прежде всего то, что изначально писались от руки, а не набирались на клавиатуре. Вероятно, поэтому не было **смайлов**, **эмодзи** и др. НВКК, распространенных в современном интернет-, SMS- и т. д. общении, не было **«лайков»** (а также **«лайкания»**, **«лайк-культуры»**, **«лайкоцентризма»** и т. п.), хотя отклики на послания и ценились; особенно же высоко ценилось, когда отклики становились массовыми (не что иное, как предшественник современных лайк-рейтингов). Несмотря на письменный характер общения, не было ортологических фобий, ибо ошибки исправляла редакция КЧ. (Году в 1996-м я обменялся несколькими личными письмами с одним из авторов — завсегдаем КЧ, тексты которой были не только интересны, но и хорошо написаны, — и был поражен количеством ошибок!) Отсекался мат (= **модераторы**), но не было ничего напоминающего **бан**; вообще, кроме собственно текста, влияние человека на дальнейший ход общения, оформление объявления на странице и т. п. было минимально (впрочем, за дополнительную плату можно было выделить объявление: взять в рамку, напечатать более крупным шрифтом и т. д., как и объявления в других рубриках КЧ); немаловажно также то, что это, вообще-то, была бумажная газета, которую можно было перечитывать и (в отличие, например, от виртуальных сообщений на пейджер, СМС-сообщений) нельзя было «чистить», к ней в полной мере относилась пословица: *Что написано пером, то не вырубишь топором*, т. е. тексты нельзя было исправлять, можно было только написать новый текст вдогонку с опровержением или пояснением. Ряд удобств, присущих впоследствии Интернету и делающих его столь притягательным для коммуникантов, уже отчасти существовали в «Посланиях» (полиадресность и одновременно направленность общения; возможность получить нужную информацию и общаться, находясь у себя дома), хотя и в меньшей степени, что делало удобства иногда относительно: все-таки надо было вырезать купон, купить конверт, отнести и бросить в почтовый ящик... Такое важнейшее достижение Интернета, как скорость общения, как уже говорилось, отсутствовало в «Посланиях»: их оперативность (даже по меркам советских СМИ и их манеры работать с письмами читателей) была весьма низкой;

3) участники «Посланий» не имели не только технических возможностей Интернета, но и з н а н и й об Интернете и интернет-общении, а это, как видно из дня сегодняшнего, огромный пласт коммуникативной, языковой и метаязыковой информации, имеющийся у современного человека, включая целый ряд жанров речи и речевых компетенций;

фактически полноценный интернет-язык и его многочисленные (в т. ч. маргинальные и узкогрупповые, но далеко не только такие) варианты: многочисленные *аббревиатуры* и *интернет-мемы*, *падонковский язык*, *кащенизмы*, язык *имиджбордов* и т. д. и т. п. В результате сейчас, например, тексты, которыми обмениваются в Интернете, сразу идентифицируются по жанру (и распределяются по сайтам и рубрикам). Авторы текстов пишут их не только, так сказать, умело, но и стандартно; стандартна и интерпретация, как бывает всегда, когда уже сложились жанры;

4) конечно, «Послания» просуществовали недолго, а из-за относительно малого числа участников, низкой оперативности и т. д. собственно объем коммуникативного пространства невелик — слишком мало, чтобы сложилось что-то вроде системы РЖ, как это было в Интернете.

Тем не менее, было нечто, напоминающее именно речежанровое, структурное развитие, приводящее (хотя бы отчасти) к формированию стандартных структур: *анонимность* участников и появление *ников* (используем современный термин, а в 1990-е использовалось слово *псевдонимы*); *словотворчество* (напоминающее будущие *мемы*) (например, *комучтисты*); появление в общении новых (специальных групповых) *прецедентных текстов*; фактически организация *флешмобов* (например, призывы к *тусовкам* были частотны в «Посланиях», причем иногда подчеркивалось, что только благодаря КЧ есть возможность обзавестись таким количеством друзей-единомышленников); наконец, некоторые узнаваемые — нет, еще не полноценные жанры, а скорее *стили* (первоначально сугубо индивидуальные, авторские: «*в стиле Человека Дождя*» и подоб., впоследствии же — очень напоминавшие современные *блог-посты*), из которых, весьма вероятно, выросли бы жанры, но не успели. Было и самое настоящее жанровое разнообразие, хотя в большинстве это были не новые, специфические для «Посланий» жанры, а известные всем из «до-КЧ-эпохи»: помню, были *занятные истории из жизни*, *анекдоты*, *коротенькие эссе* и *притчи*, *сентенции* и *афоризмы*, *жалобы на жизнь* и *просьбы дать совет* — и *советы*, *выражения сочувствия* и *моральная поддержка*, были и, наоборот, *насмешки*; были *головоломки*, *тесты*, *гороскопы*... Участники хвалили друг друга и благодарили за комплименты. Обижали друг друга и сами обижались. Как уже говорилось, очень большую часть коммуникативного пространства «Посланий» составлял *флирт* — с призывами продолжить общение «в реале» или без.

Главное, (неискушенные, неопытные) участники «Посланий» успели почувствовать прелесть виртуального, т. е. лишенного непосредственного контакта, письменного общения — одновременно публичного / полиадресатного и неофициального (более того: свободного),

при этом анонимного — отсюда и активность участников, и их трудолюбие (иногда кажущееся сегодня необъяснимым), и эксперименты, на которые шли смело и охотно, и т. п.

Следует также отметить, что этот феномен можно и нужно рассматривать вместе с общими тенденциями позднесоветских и первых постсоветских СМИ, которые уже довольно хорошо изучены в медиалингвистике и где главной часто называют тенденцию к сниженности как противопоставление надоевшему официозу советских СМИ [Сиротина 2008; Коньков 2002]. В этом отношении «Послания» вставали в один ряд с неофициальной подачей информации в СМИ, где грубость, корявость ассоциировались с искренностью. Но даже на этом фоне «Послания» производили впечатление (в т. ч. на самих авторов) гораздо большей личностности и свободы.

Несколько слов о **политическом** и **рекламном** содержании «Посланий»: его не было вообще. Это может показаться странным.

Конечно, не только политические события, политические взгляды и политическое разделение людей были другими, но и политическое информационное поле. Опять-таки не было Интернета с его политическими сайтами и практически мгновенной информацией о событиях. Какая-то реакция на политические события была, были и кое-какие высказывания на темы, отдаленно напоминавшие политические (насколько помню, в большинстве западно-либерального толка), в массе же участники демонстрировали, кажется, аполитичность.

Не думаю, что дело в том, что была какая-то цензура (этого, впрочем, не знаю наверняка): просто, насколько могу судить, авторы считали, что место для обсуждения политики — в соответствующих СМИ, а в «Посланиях» надо писать о чем-то более личном и более важном — в общем, о душе человеческой!

Что касается рекламодателей, вероятно, путь «Посланий»: заполнить купон рекламным текстом, поместить его среди множества «Посланий», имеющих совершенно другое содержание, — казался слишком хлопотным, особенно учитывая то, что все остальные разделы КЧ, в общем, и представляли собой рекламу (прямую), а про эффективность скрытой рекламы еще никто не думал.

Все это, конечно, сильно отличает темы и саму манеру «Посланий» от сегодняшнего Интернета.

Возможно, дело в том, что сменилось поколение — а та молодежь еще не до такой степени была воспитана на американской культуре, с ее, с одной стороны, литературными, публицистическими и т. д. традициями, с другой — более общими коммуникативными приоритетами, такими как самоирония и боязнь быть серьезным? Впрочем, все это было уже тогда

и начинало быть в тренде: ники на английском (иногда даже целые фразы на английском), прецедентные тексты и ники из голливудских фильмов и сериалов (тот же *Человек Дождя*), а также элементы культуры престижного потребления и ее марки (машины, бытовая техника, одежда, продукты, алкоголь).

3. Рубрика «Послания»: лингвистические и прагмалингвистические характеристики

3.1. Участники: их обозначения (ники) и цели (текст 1990-х)

Участники «Посланий-2», особенно постоянные «мэтры» (*Человек Дождя*, *Виктория-Близнец*, *Регина*, *Чертополох*), должны быть в курсе обсуждаемых в газете «Кому что» тем, дискуссий, иметь опыт «виртуального» общения. Для них характерно хорошее знакомство с наиболее заметными авторами (в идеале — быть в курсе всех обсуждаемых тем), но знакомство не личное, а «виртуальное». Они пишут обзоры посланий многих авторов и диалогических линий. Вот характерные примеры таких посланий:

*Я люблю вас, родные посланники!
Все вы умные, сложные, разные
Как блистающие многогранники,
Как сокровища фонда алмазного.
Я беру изумруд прозрачный
Под названием «Дождик Сережка»,
И дышу на него и плачу...
Но не долго, а так, немножко.
Вот сияет янтарь на солнце —
Светлый камень, тепло дающий.
«Принц Амаль» тот янтарь зовется,
Он спасет девичьи души.
Нежно светится камень неба —
Бирюза голубая Фрезы,
Рядом с нею — кристалл Пепла
С ярко-черным крестом на срезе.
И рубин, королевский камень,
Его имя узнать хотите?!
Да, вы правы, «Рубин-Просветитель».
Здесь искрится авантюрином
Скорый на слово, дерзкий Йорик...
Сильмариилы, аквамарины...*

*Динга, Йовин, Регина, Горько...
Есть меж ними и темные камни:
Морион, он же «Черный всадник».
Словно холод, густевший веками,
Словно эхо чужих галактик.
Прошлой жизни немым осколком —
«Мрачный Зомби», кусок гранита...
Сколько ж вас, дорогие? Сколько?
Где же вы?! На каких орбитах?*
Обсидиан (она же Чертополох)
(«Кому что» от 10.11.94 г.).

Из рефлексии в поэтической форме, содержащейся в этом тексте, видно хорошее знание очень большого числа авторов «Посланий» (Би-рюза голубая (она же — Фрези Грант), Горько, Динга, Дождик Сережка (он же — Человек Дождя), Зомби, Йовин, Йорик, Пепел, Принц Амаль, Просветитель, Регина, Черный всадник), а также их индивидуального стиля и тематики (Принц Амаль — спасет девичьи души; Йорик — скорый на слово, дерзкий).

Всем, кто не «плачет» в «КЧ»! Вы пытаетесь обрести гармонию с окружающим миром. Готовы (готовы ли?) поделиться всем, что имеете! И убедились, что это никому не нужно. Но не отчаивайтесь! Продолжайте помогать другим, потому что силы у вас не убудут, и то, что вы отдаете, то останется вашим. Лишь то, что вы утаили, пропадет навсегда. **Просветителю!** Ты ищешь гармонию с внешними силами, управляющими этим миром. Ты уже подошел к познанию Истины. Лишь страх мешает тебе переступить порог Истины. Но ты прошел уже слишком много, не надо топтаться на месте, нужно проникнуть дальше, вглубь, дойти до самой сути вещей, а не ограничиваться их поверхностным осмотром. **Чужой!** Ты врешь! Ты парень свой!!! **Человек Дождя (будущий астролог...)** («Кому что», спецвыпуск № 5, март 1994).

Человек Дождя и его собеседники — комучтисты добиваются изощренности формы и даже разрабатывают свой собственный символический код:

Девушка Дождя (спецвыпуск № 2)! Хоть одна (!) овладела кодом «Дождя». Правильнее было бы... Амазонки напрасно сил не тратят... Ну а это... Много поездил и повидал! Красивее, чем графиню, как на Украине, не видал. Смелее амазонок, чем на севере, не повстречал (не скрою, распотрошили меня там...). Нежнее, чем в Беларуси маркизу, не нашел. А вот сентиментальных и «плачущих» я там не видал... Если в совер-

шенстве овладела кодом «Дождя», то это тебе по силам будет... Еще 2 будут. За правильный ответ на все три составлю для тебя гороскоп. Ну как, договорились? Девчата! Кто желает, подключайтесь. Условия те же. Ну, ребята тоже могут принять участие. Начальный ключ у вас в руках... **Человек Дождя (рожден 8 марта)**. («Кому что», спецвыпуск № 5, март 1994).

Код выполняет парольную функцию — трудно найти какую-либо внешнюю по отношению к самой речи цель изощренности ее формы, кроме стремления обозначить «своих».

Комментарий из 2018-го. Что подразумевалось под «кодом Дождя», я не понимал ни тогда, ни сейчас.

Человек Дождя был, выражаясь современным интернет-языком, самым настоящим *топовым блогером*. Его тексты ждали, комментировали, обсуждали, его мнение было авторитетным, его именем аргументировали свои позиции в спорах.

Можно только представить, чего ему это стоило — в т. ч. и в прямом смысле! Например, в единственную нашу с ним личную встречу — если не ошибаюсь, тоже году в 1996-м или немного позже — он спросил, нет ли у меня неиспользованных купонов КЧ.

Были самые настоящие *тролли* — без самого этого слова из сегодняшнего Интернета (и не только Интернета), но по сути ничем от них не отличающиеся: злобные провокаторы, разжигающие вражду, — ср. ник: *Злой, Жестокий, Наглый, Веселый циник, Плохая Девчонка, Шут Йорик, Киллер*.

3.2. Сюжетные / прагматические линии

«П о с л а н и я - 2» характеризуются гораздо большим интенциональным и тематическим разнообразием и с трудом поддаются систематизации.

Однозначно определить коммуникативную цель большинства «Посланий-2» очень сложно. Часто адресат обозначается непрямо:

Шурик, лови еще эссе — на тему любви. Марфа Власовна до безумия любила кошек — эти пушистые твари были предметом ее беспредельного обожания. Но по совместительству она все же содержала у себя дома понурого, вечно взлохмаченного мужа... Мораль: кошечки-то у Марфы Власовны были холены и постоянно сыты. И это о чем говорит, Шурик? О том, что любовь порой бывает просто безрассудной! **Благовест Мо-настырский**. («Кому что», спецвыпуск № 3, февраль 1994).

Благовест Монастырский, постоянный автор «Посланий», регулярно обращает свои высказывания (в принципе безадресные, представляющие собой именно «эссе», афоризмы или притчи) к «Шурику», ответных посланий от которого, насколько нам известно, никогда не появлялось. Автор, таким образом, лишь имитирует адресованность (например, при помощи метатекстового элемента *и это о чем говорит, Шурик?*).

Комментарий из 2018-го. Некоторые сюжетные и диалогические линии, дискуссии длились месяцами и даже годами.

Были и **ссоры**, довольно-таки агрессивные (хотя, повторяем, прямые оскорбления были запрещены).

Были любовные линии, иногда очень трогательные.

Еще одно смешное и трогательное воспоминание из 1990-х: я, тогда молодой преподаватель филфака, в один из дней обнаружил в аудитории написанное на парте продолжение любовной сюжетной линии, хорошо мне знакомой из КЧ: участник с ником *Larsen* в стихах признавался в любви участнице с ником *Puella Bona*! Т. е. выяснилось (впрочем, в этом я и не сомневался), что среди участников «Посланий» было немало студентов, в т. ч. наших.

3.2.1. Линия «Красивого блондина на иномарке» (текст написан в 1990-е гг.)

Рассмотрим одну сюжетную диалогическую линию внутри «Посланий-1» — «линию Красивого блондина на иномарке». Данную линию составляют, во-первых, послание самого *Красивого блондина на иномарке*, во-вторых, отклики от девушек, желающих познакомиться с ним, и, в-третьих, метапослания / рефлексия. Отметим, что откликов от девушек, желающих познакомиться с *Блондином*, было около ста, аллюзий к нему (метапосланий) — более тысячи.

Девушки! В свои 22 года я уже устал от одиночества, надоели постоянные вечеринки, «девушки легкого поведения». А так хочется познакомиться с верной, доброй и одинокой девушкой для серьезных отношений. Неужели такие перевелись? Красивый блондин на иномарке. («Кому что» от 5.05.94 г.).

Отклики от девушек. Их можно разделить на ряд групп:

1) послания, в которых содержатся прямые положительные оценки и согласие встретиться, а также — что не менее характерно — прямое сообщение о наличии у себя всех искомых качеств.

Красивому блондину на иномарке. Мне очень понравилось ваше послание. Хотя мне только 16 лет, я уже, как и вы, устала от одиночества. Я имею все качества, какими должна обладать порядочная девушка. Я уверена, что мы найдем с вами общий язык. Предлагаю встретиться. Место и время встречи за вами. С нетерпением жду вашего ответа.
Оленька. («Кому что» от 23.06.94 г.).

2) косвенная форма, очень близкая к некоторому жанровому стилю: «хорошие девушки есть». Данная форма часто сопровождается сообщением о наличии у себя искомых качеств и предложением встречи:

Красивый блондин на иномарке («КЧ» № 18)! Такие девушки не перевелись. И если ты действительно устал от лживой любви и хаоса жизни, то я — та девушка, которую ищешь. Если хочешь, давай встретимся. В свои 17 лет я не меньше устала от хамства и ограниченности ума большинства людей, интересы которых сводятся к узкому ряду вещей. Ты хочешь настоящей любви, значит, стремишься к совершенству. Значит, выше этого. **Дочь Неба (Наталия).** («Кому что» от 16.06.94 г.).

3) выражение сочувствия и понимания (всё остальное лишь подразумевается, от чего послание становится менее однозначным):

Красивому блондину на иномарке. Одиночество — это самое тяжелое время, когда ты молод и полон сил. Ужасно осознавать, что вокруг тебя нет никого, кому можно верить и доверять, да просто провести приятно время. Все это угнетает, надоедает, и жизнь кажется пустой. Но не надо падать духом. Ты еще молод. **Светлана.** («Кому что» от 23.06.94 г.).

4) критика без указания или намека на возможность встречи. Отметим единичность таких посланий:

Симпатичный блондин на иномарке! Пишешь, что тебе надоели вечеринки, девушки легкого поведения. Но сам рассчитываешь на что, если упомянул иномарку? Я думаю, это не самое главное. **Светлячок.** («Кому что» от 28.07.94 г.).

Красивый блондин на иномарке! Ты пишешь, что тебе надоело так жить. Но вы все, на иномарках, стремитесь так жить. И для вас существуют только девушки легкого поведения, под которых вы замазываете всех. **Иринка-картинка.** («Кому что» от 28.07.94 г.).

Истинные мотивы писавших, естественно, нам неизвестны, однако у обоих приведенных посланий есть общее качество — фамильярно-ласковая форма псевдонимов (*Светлячок* и *Иринка-картинка*), что позво-

ляет предположить в них, как и в предыдущих группах ответных текстов, флиртовую цель.

Думается, что ближе всего к жанровому канону группа (2) — об этом говорит «удельный вес» таких посланий, а также то, что в такой форме отвечали и другие девушки другим адресатам. Поэтому рассмотрим подробнее именно эту форму.

Стереотип интерпретации: формула «1) есть хорошие девушки (обязательно в «непрямой» форме 3-го лица мн. ч.) → 2) ты должен действовать» содержит смысл: 'я говорю о себе, таким хорошим человеком являюсь именно я, но при этом я не хвалю себя прямо'. Это классическая форма косвенного предложения — институционального речевого хода во флирте. В какой-то степени она «запрограммирована» формой стимула: риторический вопрос *Неужели такие перевелись?* является косвенным предложением и потому предполагает скорее умеренно косвенный, чем прямой ответ. Кроме того, ответный характер данного стереотипа определяется уже самой фатической сферой общения. Добавим, что данный риторический вопрос содержит неявно выраженную обобщенно-адресатную характеристику. Несоответствие этой характеристики и гармонической (флирт-унисон) фатической цели обуславливает не прямой характер обращенности.

Комментарий из 2018-го. До сих пор всё было = жанру объявлений о знакомстве; ниже — уже нет.

А л л ю з и и. Аллюзии к «линии Блондина» исключительно разнообразны. Многие послания содержат аллюзии в неявном виде; коммуникативная цель таких посланий может быть определена только приблизительно. Можно выделить такие разряды посланий-аллюзий, как, например, рефлексия, иронические аллюзии, «подражатели» и «подражатели от противного», однако данные группы очень условны.

П о д р а ж а т е л и.

*Казалось бы, все есть: квартира, машина, дача, девушки обращают внимание. Но нет той, которая оценила бы мою душу, а не туго набитый кошелек. Девушки! Есть ли среди вас та, красивая, добрая, бескорыстная? **Парень на «девятке», 27 лет. («Кому что» от 8.09.94 г.).***

*Надоела одинокая жизнь. Хочется найти нежную и любящую девушку, чтобы полюбить ее раз и навсегда, чтобы отправиться с ней в путешествие в любую точку мира. **Мальчик с голубыми глазами на «Volvo».** («Кому что» от 28.07.94 г.).*

Метапослания и рефлексия. Метапослания можно разделить на две группы: формально адресованные самому *Блондину* и адресованные откликнувшимся девушкам. По содержанию эти две группы мало отличаются друг от друга, имея одну и ту же реальную адресованность (девушкам), одну и ту же тональность (дисгармоническая, насмешливая) и тематическое содержание (жанровая рефлексия, упрек и насмешка).

Блондин на иномарке! Можно, я посмеюсь вместе с тобой (и, может быть, с твоей иномаркой) над 30 посланиями в «КЧ» № 25. Вначале было интересно, а затем скучно. Правда? Эх, девчонки, вот и все, что вам нужно, просто обидно за вас. Все тридцать стали торговаться, показывать свои достоинства. Но все это не то. Правда? Ведь есть послания более красивые, интересные, содержательные, чем просто «*блондин на иномарке*» <...> **Аня**, 22 г. 9 мес. (**«Кому что» от 28.07.94 г.**).

Милый «Красивый блондин на иномарке»! Я не читала твоего послания, зато с живейшим интересом прочла бурный поток ответов на него. Искренне умилилась. Это надо же, какая трогательная отзывчивость и участие к ближнему! Какой альтруизм, самоотверженность, возвышенность! Какое стремление протянуть руку помощи! У тебя богатый выбор. Тут и «верные и добрые девчонки», а вовсе не «эти разодетые и намалеванные куклы», <...> и «разочарованные в жизни» 16-летние искательницы «порядочных и верных парней», и 17-летние, «уставшие от хамства и ограниченности ума большинства людей, интересы которых сводятся к узкому ряду вещей», истинные Дети Скромности, утверждающие, что уж они-то знают, что такое настоящая любовь, совершенство, которые «выше этого» (милое, непосредственное Дитя Неба, Наталия, советую вам прочитать на 22 странице того же номера «КЧ», где опубликовано ваше послание, послание Карины, 22 г.), и т. д., и т. п. Букет, как видишь, бесподобен. Чистые порывы бескорыстных душ трогают до слез. Впрочем, как говорится — как аукнется, так и откликнется. Тебя, я думаю, поняли те и так. Ведь твоя рука, изливая на бумагу порывы истомленной, мятущейся от «лживой любви и хаоса жизни» души, не забыла начертать небрежное: «*красивый блондин на иномарке*». **Регина**. (**«Кому что» от 11.08.94 г.**).

Добавим, что упоминавшиеся выше *Мальчик с голубыми глазами на «Volvo»* и *Парень на «девятке»*, 27 лет тоже получили довольно много положительных откликов (хотя значительно меньше, чем *Блондин*). В целом же, поскольку появление их посланий совпало с разгаром дискуссии по поводу *Блондина*, оно было встречено смехом:

Внимание!!! Начинается великое сражение! Кто больше получит посланий: «Красивый блондин на иномарке» или «Мальчик с голубыми глазами

на “Volvo”»? Между прочим, последний может и победить. Ведь еще неизвестно, что за иномарка у блондина. А вдруг «Запорожец»? (**«Кому что» от 8.09.94 г.**).

Голубоглазому мальчику на «Вольвочке» («КЧ» № 30). Не успел отшуметь красивый блондин на иномарке, как появились вы: наверное, чувство юмора совсем покинуло вас и вы рассчитываете на что-то «серьезное». Отставить смех в зале! Мальчику захотелось большого чувства! <...> **Насмешница**. («Кому что» от 1.09.94 г.).

Метаобщение по поводу Блондина, перерастающее в долгие виртуальные дискуссии, относится уже к общению-2:

Регине, обобщившей послания «красивому блондину на иномарке». Молодец! Из вас выйдет великий критик (не хуже Добролюбова). <...> Давно этого ждал. **Ваш соратник по взглядам (Роман), 19 лет.** (**«Кому что» от 22.09.94 г.**);

Девчонки! Хотите, секрет открою? У блондина нет никакой машины, да и некрасивый он совсем. При встрече он говорит, что пошутил. Жаль, не вижу я ваши лица в этот миг. Просадочка вышла, зря старались! **Хаммерсита**. («Кому что» от 22.09.94 г.).

Ирония реализуется только в процессе своеобразного контакта с непосредственным адресатом-жертвой или формально дистанцированным третьим участником игры (*Чистые порывы бескорыстных душ трогают до слез*).

Еще два примера, которые трудно однозначно интерпретировать: неявная аллюзия, подражательство с целью попользоваться успехом Блондина, подражательство от противного или ирония (и тогда — «общение-2»)?

Девчонки! За неимением иномарки предлагаем инолодку. Предлагаем отдых на любом острове. **Два Робинзона за 19.** (**«Кому что» от 11.08.94 г.**).

Красивый блондин на «Запорожце», который устал от девушек легкого поведения и бесконечных глупых вечеринок, ищет верную любимую девушку. **Откликнитесь! Т. Н. Д.** («Кому что» от 28.07.94 г.).

Автор последнего послания точно воспроизвел весь алгоритм послания Блондина-1 (композиция, лексика, синтаксические клише), заменив лишь одну лексему, обозначающую, однако, самый главный смысловой элемент «беспроектного» послания — «иномарку» на «Запорожец».

Таким образом, «линия Красивого блондина на иномарке» сыграла значительную роль в формировании соответствующего жанрового канона. Новые «Послания-1», преследующие сходную цель, уже не могут не учитывать опыт *Красивого блондина на иномарке*. Хотя основная часть метапосланий имела отрицательный характер (от иронии и упреков до почти откровенной брани), роль в становлении стандарта всё это сыграло не отрицательную, а положительную. Жанровая рефлексия подвергла обсуждению и критике (а тем самым, как ни парадоксально, — закреплению) жанровый стандарт, при этом очень показательно появление п р о г н о з о в (правый контекст фрейм-модели):

Девчонки, забудьте про «блондина на иномарке». Не удивлюсь, если скоро появится американский бизнесмен, уставший от одиночества и американских девушек. Имейте самолюбие! <...> Серо-синий. («Кому что» от 18.08.94 г.).

Стоит отметить и такую важную часть рефлексии, как ж а н р о в ы й п у р и з м:

Парни, а вам не надоело? Сначала «блондин на иномарке» (надо отдать ему должное, ведь этот прикол он придумал), потом пошли «мальчик с голубыми глазами на «Volvo»», «обожатель прекрасного пола», а теперь еще добавился «парень на «девятке», 27 лет». И всем нужны красивые, добрые, бескорыстные. Уже становится не смешно <...> Когда в следующий раз захотите поприкалываться — не пишите больше в «КЧ», не оскверняйте. Ангелок. («Кому что» от 3.11.94 г.).

В целом «линия Красивого блондина на иномарке» привела к созданию следующего стереотипа: «приманки» в такой форме эффективны, но только для самых молодых, наивных и в то же время расчетливых девушек. Вступать в такого рода отношения стыдно. Однако самым важным выводом для исследователя должен быть назван все-таки другой: жанр вторичного опосредованного флирта объективно с у щ е с т в у е т и осознается как такой массовым читателем.

4. Вместо послесловия...

Приведем кусок нашего текста из 1990-х гг., представляющий собой попытку выделить какие-то (прежде всего лингвистические) тенденции в развитии «Посланий» и поразмышлять о судьбе (в т. ч. будущей) «Посланий» в целом. Думается, что некоторые наши размышления представляют интерес и для сегодняшнего жанроведа. В целом же эти мысли

ожидаемо кажутся мне сейчас во многом очень наивными (несомненно, покажутся такими и читателю), но насколько в этом был виновен я, живущий в то время и ничего не знающий о будущих событиях, процессах и тенденциях, а насколько нет, — судить уже не мне:

В развитии общения через «Послания» можно выделить несколько основных тенденций.

Вначале (1992–1993 гг.) преобладали «Послания-1», при этом большинство из их напоминало объявления в рубрике «Знакомства». Малый удельный вес «Посланий-2» делал рубрику «Послания» довольно однообразной, хотя, впрочем, отсутствие вполне сложившихся жанровых стереотипов обуславливало разнообразие.

С годами (1994–1999) повышается виртуальность «Посланий», что проявляется в следующих показателях: 1) тематические единства, развитие одной диалогической линии, нередко продолжающееся несколько месяцев и даже лет; 2) выделение узкого круга «мэтров Посланий»; 3) изощренность формы текстов «Посланий» и разработка своего собственного символического кода (сюда относятся окказионализмы, имена собственные, аббревиатуры типа Ч. Д., некоторые «авторские» формы обращения, приветствия, композиции «Посланий», а также отсылки и намеки на сказанное ранее).

Выскажем несколько соображений о механизмах трансформаций, приводящих к закреплению в речи тех или иных стандартов. Это чрезвычайно сложный вопрос, для более или менее подробного рассмотрения которого необходимо соотнести эволюцию «Посланий» с эволюцией других форм и типов речи, а это один из наименее доступных для исследователя источников.

В целом «естественный отбор» в «Посланиях», ведущий к стандартизации, проявляется в преобладании формальных характеристик, присущих текстам, авторы которых снискали наибольшее число откликов в желаемой тональности. Этот стандарт «оттачивается» тематической и жанровой рефлексией, содержащейся в многочисленных «метапосланиях».

Так, в качестве обращения во «флиртовых» «Посланиях-1» наиболее вероятны *пацаны / девчонки*, в качестве мотива обращения — *устал от одиночества, хочется душевного тепла и понимания*, в качестве характеристики и самохарактеристики адресата более вероятны *простой, просто, обыкновенный*, а в качестве требования к предполагаемому партнеру — *порядочный и надежный*. Менее вероятны такие характеристики и самохарактеристики, как *Чмо* или *Сонный*. Сложился также более или менее стандартный набор «намекающей» лексики: *одиноким, веселым,*

ласковый, надеющийся, скучающий, голубоглазый и т. п. Интересно, что если номинация *одинокий* более или менее однозначно прочитывается в контексте объявления как выражение желания избавиться от одиночества, то синонимы *невезучий / несчастливый* и *неудачник / несчастный* имеют разные коннотации: если первый синоним (*невезучий / несчастливый*) имеет примерно то же значение, что *одинокий*, то второе обозначение (*неудачник / несчастный*) является скорее «неподходящим» для «Посланий».

Новые техногенные сферы опосредованного общения, естественно, являются новыми для всего человечества. Везде они порождают новые жанры, в своем большинстве еще совершенно неизученные. Однако только в России этот процесс имеет поистине лавинообразный характер, начавшись практически «с нуля». Совершенно уникальным образом в России развивается свободное общение людей посредством газетных объявлений. Традиции, на которые данное развитие могло бы опираться, в России отсутствуют. Все это делает особенно интересным наблюдение за первичными и вторичными сферами общения в современной России. Тем самым исследователь имеет уникальную возможность наблюдения за формированием целого ряда новых речевых жанров.

И последний комментарий из 2018-го. Как представляется, лучшего пожелания, чем «наблюдение за первичными и вторичными речежанровыми сферами общения в современной России», мы не могли бы придумать ни тогда, ни сейчас!

Если же говорить об эволюции в более узком, «отдельно-человеческом» смысле (т. е. не с точки зрения «филогенеза», а «онтогенеза»), результаты мы имеем прямо противоположные. 20–25 лет — не такой уж большой срок по меркам человеческой жизни. Надеюсь, сегодня участники «Посланий» 1990-х годов в большинстве своем живы и здравствуют. Что могу с уверенностью утверждать — в те годы «Послания» составляли немаленькую и важную часть их жизни, была высока эмоциональная вовлеченность, в результате все это трудно было бы полностью забыть, даже «став совсем взрослым» (конечно, имею в виду не «линию Красивого блондина на иномарке» и подоб., а «роскошь общения», воспетого поэтами наподобие Обсидиан/Чертополох). Совершенно логично было бы им (или хотя бы некоторым из них), используя все огромные, по сравнению с КЧ 1990-х гг., возможности Интернета, списаться друг с другом, создать *фэндом* и общаться на старые или же новые темы.

Но н и ч е г о п о д о б н о г о на просторах Сети я не нашел. Поисковики (Гугл, Яндекс) не выдали ни одного результата ни на запрос: «*рубрика*

“Послания” газеты “Кому что”, г. Саратов», ни на слово «комучисты», ни на конкретные ники, такие как «Человек Дождя», «Puella Vona» и т. д.

И это наводит на размышления... в частности, о судьбе, какая ждет самые жаркие нынешние интернет-дискуссии и самых популярных топ-блогеров лет через 20–25 (или раньше).

Литература

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 5 т. М.: Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
- Горошко Е. И., Полякова Т. Л. К построению типологии жанров социальных медий // Жанры речи. 2015. № 2. С. 119–127.
- Дементьев В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. 248 с.
- Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
- Земская Е. А. (ред.). Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
- Коньков В. И. СМИ как речевая система // Мир русского слова. 2002. № 5. С. 75–81.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1994. 247 с.
- Крысин Л. П. (ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков. М.: Языки славянских культур, 2008. 712 с.
- Сиротинина О. Б. Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 5–13.
- Щурина Ю. В. Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // Коммуникация. Мышление. Личность: Матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов: ИЦ Наука, 2012. С. 464–474.

References

- Bakhtin M. M. [Problem of speech genres. From archive records to the work “The problem of speech genres”. Text issue]. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii* [Collection of materials]: In 5 vol. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury Publ., 1996. T. 5. *Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Collection of papers from the 1940s to the early 1960s]. Pp. 159–206. (In Russ.)

- Dementyev V.V. [Theory of speech genres and relevant processes of modern speech]. *Voprosy yazykoznaviya*, 2015, no. 6, pp. 78–107. (In Russ.)
- Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry* [Indirect communication and its genres]. Saratov, Sarat. St. Univ. Publ., 2000. 248 p.
- Goroshko E. I., Polyakova T. L. [On the construction of genres typology in the social media]. *Zhanry rechi*, 2015, no. 2, pp. 119–127. (In Russ.)
- Kon'kov V. I. [Media as a speech system]. *Mir russkogo slova*, 2002, no. 5, pp. 75–81. (In Russ.)
- Kostomarov V. G. *Yazykovoi vkus epokhi. Iz nablyudenii nad rechevoi praktikoi mass-media* [Language taste of the epoch. Mass media speech experience]. Moscow, Pedagogika-press Publ., 1994. 247 p.
- Krysin L. P. (red.). *Sovremenniy russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* [Modern Russian: Active processes at the end of the 20th – beginning of the 21st century]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. 712 p.
- Shchurina Yu. V. [Secondary comic speech genres of Internet communication] // *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost': Mater. mezhdunar. nauch. konferentsii, posvyashchennoi pamyati professorov I. N. Gorelova i K. F. Sedova* [Communication. Thinking. Personality: Proceedings of International scientific conference dedicated to the memory of professors I. N. Gorelov and K. F. Sedov]. Saratov, Nauka Publ., 2012, pp. 464–474. (In Russ.)
- Sirotnina O. B. [Positive and negative consequences of Russian language "freedom" for 20 years]. *Problemy rechevoi kommunikatsii* [Speech communication issues]. Saratov, Sarat. St. Univ. Publ., 2008, vyp. 8, pp. 5–13. (In Russ.)
- Zemskaya E. A. (red.). *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of XX century (1985–1995)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 480 p.

Многозначность в задачах по русскому языку

Борис Леонидович Иомдин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва), iomdin@ruslang.ru

DOI: 10.31857/S013161170004469-4

аннотация: В статье собраны тестовые задачи лингвистического конкурса для школьников «Русский медвежонок», посвященные многозначности на всех уровнях языка: полисемия, разные виды лексической омонимии (полные и частичные омонимы, омографы, омофоны, омоформы), синтаксическая неоднозначность и др. В некоторых задачах неоднозначность прямо названа в условии, но в большинстве случаев ее надо открыть самостоятельно. Преимущество таких задач в эффекте неожиданности, поскольку умение увидеть в тексте неожиданную интерпретацию — весьма полезный навык. Многие задачи основаны на материале художественных произведений и часто содержат языковую игру, ведь неоднозначность — один из главных источников комического эффекта. Многозначность составляет и одну из наиболее существенных проблем для компьютерной лингвистики, и в статье это демонстрируется на примерах неверной работы систем машинного перевода. Статья состоит из трех разделов, в которых дано по двенадцать задач — для младших, средних и старших школьников. После каждой задачи приводится ее ответ, подробное решение и иногда сообщается дополнительная лингвистическая информация, которую можно использовать на уроках, на факультативных занятиях, на лингвистических кружках.

ключевые слова: лингвистические задачи, неоднозначность, многозначность, полисемия, омонимия, омофоны, омографы, омоформы

для цитирования: Иомдин Б. Л. Многозначность в задачах по русскому языку // Русская речь. 2019. № 2. С. 94–111. DOI: 10.31857/S013161170004469-4.

БЛАГОДАРНОСТИ: Автор благодарен всем участникам методической комиссии конкурса «Русский медвежонок», принимавшим участие в обсуждении окончательных версий задач и решений.

Learning Russian

Ambiguity in Linguistic Problems Based on Russian

Boris L. Iomdin, Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences),
National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow), iomdin@ruslang.ru

ABSTRACT: The article contains 36 linguistic problems, represented as multiple-choice questions, that were used at the *Russkij Medvezhonok* linguistic competition for school students. The problems deal with ambiguity at all levels of the language: polysemy, various types of lexical homonymy (full and partial homonyms, homographs, homophones), syntactic ambiguity, etc. In some of the problems, ambiguity is explicitly named, but in most cases it must be discovered by the solvers. It is the surprise factor that makes such problems useful, since the ability to find an unexpected interpretation of a text is a very useful skill. Many problems are based on quotations from prose and poetry and often contain wordplay of various kinds, ambiguity being one of the main sources of humour. Polysemy constitutes one of the greatest challenges for natural language processing, too, and this is demonstrated in the article by several examples of machine translation system failure. The article has three sections with problems for elementary, secondary and high school students. Each problem is supplied with the answer, its detailed explanation, and sometimes additional linguistically relevant information that can be used in lessons, elective courses, or linguistic skill workshops.

KEYWORDS: linguistic problems, ambiguity, polysemy, homonymy, homophones, homographs, homoforms

FOR CITATION: Iomdin B. L. Ambiguity in linguistic problems based on Russian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 94–111. DOI: 10.31857/S013161170004469-4.

ACKNOWLEDGEMENTS: The author is grateful to all members of the methodological committee of the Russkij Medvezhonok linguistic competition, who contributed to the discussion of the final versions of the problems and solutions.

Вот уже почти двадцать лет каждый год миллионы школьников в России и в других странах участвуют в конкурсе-игре «Русский медвежонок. Языкознание для всех», который придумали и организуют математик И. С. Рубанов и лингвист Е. В. Муравенко. Задачи имеют тестовый формат: дается пять вариантов ответа, из которых надо выбрать один правильный. Но основная идея конкурса — не проверить уровень подготовки школьников по русскому языку, а показать им, насколько интересен и разнообразен русский язык и язык вообще, демонстрируя в игровом формате разнообразные языковые явления.

В этой статье собраны задачи «Русского медвежонка», посвященные многозначности на всех уровнях языка: полисемия, разные виды лексической омонимии (полные и частичные омонимы, омографы, омофоны, омоформы), синтаксическая неоднозначность... Многозначность очень развита в любом языке и составляет одну из наиболее существенных проблем для компьютерной лингвистики [Иомдин 2014]; в статье это демонстрируется примерами неверной работы систем машинного перевода, которые пока плохо справляются со сложными случаями многозначности. В некоторых задачах неоднозначность прямо названа в условии, но в большинстве случаев школьнику дается возможность открыть ее самостоятельно. Преимущество таких задач в эффекте неожиданности, а умение увидеть в тексте неожиданную интерпретацию, посмотреть на него новым взглядом — весьма полезный навык. Многие задачи основаны на материале художественных произведений и часто содержат языковую игру, ведь неоднозначность — один из главных источников комического эффекта [Санников 2002].

Статья состоит из трех разделов, в которых дано по двенадцать задач — для младших, средних и старших школьников. Это деление основано на анализе статистики решений школьников, но оно тем не менее во многом условно, поскольку задачи мало привязаны к конкретным этапам школьной программы по русскому языку, а способности к нестандартному анализу языкового материала очень индивидуальны. После каждой задачи приводится ее решение и иногда сообщается дополнительная ин-

формация, которую можно использовать на уроках, на факультативных занятиях, на лингвистических кружках.

Все задачи составлены автором настоящей статьи (задачи № 3, 8, 11, 35 — в соавторстве с Ю. В. Халеевой). Все задачи прошедших конкурсов «Русский медвежонок» можно найти на официальном сайте: rm.kirov.ru.

1. Задачи для младших школьников

1. Когда ребятам что-то очень нравится, они говорят...

(А) *Имя!* (Б) *Отчество!* (В) *Фамилия!* (Г) *Школа!* (Д) *Класс!*

Решение. Когда ребятам что-то очень нравится, они часто говорят «Классно!» или «Класс!». **Ответ:** (Д).

♦ Задача может оказаться не самой простой благодаря так называемому эффекту прайминга, то есть влиянию контекста на актуализацию в сознании того или иного значения: в ряду слов *имя, отчество, фамилия, школа* активизируется совсем не то значение слова *класс*, которое имеется в виду в условии; на этом эффекте построены и многие другие задачи, в том числе приведённые ниже. Слово *класс* в значении высокой оценки возникло как сокращение словосочетаний *первый класс, высокий класс, высший класс* и употребляется уже по крайней мере сто лет, ср. примеры из литературы первой половины XX века: *Матрос Тимошкин, держа в зубах кинжал, а в руках по букету сирени, выбивал на столе чечётку. Со всех сторон его ругали и подбадривали: — Ножку, ножку дай! — Класс!..* (А. Весёлый); *После этого кот раскланялся, шаркнув правой задней лапой, и вызвал неимоверный аплодисмент. — Класс, класс! — восхищённо кричали за кулисами* (М. Булгаков).

2. Переходя через улицу, городские жители часто видят...

(А) пчелу; (Б) осу; (В) тигра; (Г) зебру; (Д) лося.

Решение. Тигры, лоси и зебры редко гуляют по городским улицам. Пчёлы и осы встречаются, но, разумеется, совсем не обязательно именно на переходе. Дело не в этих животных и насекомых, а в словах. Какое слово связано с переходом через улицу? Конечно, *зебра*. Так называют пешеходный переход, обозначенный на дороге чередованием белых и тёмных полосок — потому что он напоминает полосатую лошадь. **Ответ:** (В).

♦ Полосатую дорожную разметку пешеходных переходов впервые ввели в Великобритании в 1938 году, название *zebra* для неё, по-видимому, предложил премьер-министр Джеймс Каллагэн, а в начале 1960-х годов «зебры» появились и в СССР, где их тоже стали так называть.

3. Закончите стихотворение Ренаты Мухи:

*Дождик тянется за Тучкой,
Шепчет Тучке на ходу:
«Мама, скучно,
мама, скучно!
Мама!
Можно я ... ?»*

(А) уйду; (Б) приду; (В) пойду; (Г) сойду; (Д) зайду.

Решение. Вначале подходящими кажутся несколько ответов: *уйду, пойду, сойду*. Но только один из них годится для дождика. Ведь когда он начинается, мы говорим: «Дождь пошёл». Здесь, как почти во всех своих стихотворениях, Рената Муха использует игру слов. **Ответ:** (В).

4. *Навстречу ей выруливает мальчик на велосипеде, стоя на педалях:*
_____ ему _____. Что мы дважды пропустили в этой фразе из книги М. Кучерской?

(А) велик; (Б) весело; (В) пора; (Г) седло; (Д) трудно.

Решение. Задачу можно решить, если догадаться, что пропущено не одно и то же слово, а разные слова, которые совпадают по написанию: *вѣлик ему велѣик* (или *велѣик ему вѣлик*), то есть ‘велосипед для него слишком большой’. Слова, которые пишутся одинаково, а читаются по-разному, называются омографами. **Ответ:** (А).

5. Андрей разбил аквариум. Вова разбил витрину. Петя разбил палатку. Миша разбил машину. Кто из них не испортил вещь?

(А) Андрей; (Б) Вова; (В) Петя; (Г) Миша; (Д) все четверо испортили.

Решение. Глагол *разбить* имеет разные значения. *Разбить аквариум и витрину* значит ‘расколоть их на части или по крайней мере повредить стекло’. *Разбить машину* — ‘повредить её’. А *разбить палатку* — ‘поставить палатку’. **Ответ:** (В).

♦ Среди множества переносных значений глагола *разбить* в какой-то момент возникло значение ‘разделить, разметить участок земли’ (*разбить местность, разбить план*), затем — значение ‘устроить на размеченном участке клумбу, сад, парк и т. п.’, а затем этот глагол стал употребляться по отношению к строительству и разных других сооружений: *разбить лагерь, табор, шатер, палатку*. Читаем у Пушкина: *Цыганы те, свои шатры / Разбив близ наших у горы, / Две ночи вместе ночевали*.

6. Какой пример, скорее всего, попал в подборку случайно?
(А) *Верно ли, что двенадцать голов лучше, чем одна?* (из учебника по психологии);
(Б) *12 лучших голов года* (название газетной статьи);
(В) *Двенадцать медвежьих голов* (название сборника поэзии А. Пассара);
(Г) *У нас решительные люди, / Горячих дюжина голов* (А. С. Грибоедов);
(Д) *И из его двенадцати голов / Всегда шесть спали, шесть не спали* (В. А. Жуковский).

Решение. В примерах (А), (В), (Г) и (Д) речь идёт о головах, а в примере (Б) — о голах. **Ответ:** (Б).

♦ Слово *голова* — исконно русское, а слово *гол* заимствовано из английского *goal*. Их совпадение в форме родительного падежа множественного числа совершенно случайно. Совпадающие формы разных слов называют омоформами.

7. В каком примере слово *гусеница* означает не то, что в других?
(А) *С дерева падали ягоды и гусеницы* (Б. Пастернак);
(Б) *Углубившись в ближайший лес, разведчики заметили свежие следы гусениц* (Э. Казакевич);
(В) *Вот и решила она однажды напустить на его сад жуков и гусениц* (В. Лунин);
(Г) *Меня с детства больше интересовали лягушки, червяки, гусеницы, я часами изучала жизнь муравейника* (Е. Маркова);
(Д) *Он притаскивает в класс разных гусениц, а потом ещё и спрашивает у людей: «Ну, разве это не прелесть?..»* (А. Драбкина).

Решение. Слово *гусеница* имеет два значения: ‘личинка бабочки, похожая на червя, обычно покрытая щетинками’ и ‘замкнутая цепь, которая надевается на колеса для улучшения проходимости’. Это существительное одушевлённое только в первом значении, поэтому в примерах (В) и (Д) его нельзя интерпретировать иначе. В остальных примерах определить, одушевлённое ли существительное, нельзя, но по контексту ясно, что и в (А) (в одном ряду с ягодами), и в (Г) (в одном ряду с лягушками и червяками) речь тоже идёт о насекомых, а не о частях машин. Остаётся пример (Б). В самом деле, свежие следы гусениц-насекомых трудно заметить и во всяком случае отличить от других следов, а вот следы гусениц, надетых на колёса тяжёлых машин, видны хорошо: понятно, что разведчики по этим следам обнаружили присутствие в лесу танков. **Ответ:** (Б).

♦ Производство гусеничных тракторов в начале XX века наладила американская компания Caterpillar. Хотя в России «особого устройства вагон с бесконечными рельсами для перевозки грузов по шоссейным и про-

сёлочным дорогам» был изобретён раньше, устоявшееся название этого механизма, по-видимому, восходит именно к названию американской компании, которое и переводится как «Гусеница». Интересно, что английское слово *caterpillar* восходит к латинскому *catta pilosa* ‘волосатая кошка’, русское же слово восходит, скорее всего, не к слову *гусь*, а к слову *ус*.

8. Какое словосочетание может иметь противоположные значения?

(А) ужасно обиженный; (Б) ужасно расстроенный; (В) ужасно обрадованный; (Г) ужасно аккуратный; (Д) ужасно воспитанный.

Решение. Слово *ужасно* имеет два значения: прямое ‘очень плохо’ и переносное ‘очень’. В первых четырёх примерах представлено второе, переносное значение (очень обиженный, очень расстроенный, очень обрадованный, очень аккуратный), а в последнем примере, кроме того, возможно и первое, прямое. Вот и получается, что *ужасно воспитанный* — либо ‘очень воспитанный’, либо, наоборот, ‘очень плохо воспитанный, очень невоспитанный’. Например: *Снежинка. Вы, как видно, очень воспитанный? Незнайка. О да, я ужасно невоспитанный* (Н. Носов); *Наверняка она думает, что он ужасно воспитанный неблагодарный грубиян* (Г. Токпанова). **Ответ:** (Д).

◆ Значение высокой степени у слова *ужасно* появилось давно. Вот пример, описывающий детство героини в конце XIX века: — *Что такое «очень»? Это глупое взрослое слово! — продолжает Валентина. — Порядочный ребёнок должен говорить не «очень», а «ужасно». Ужасно люблю, ужасно ненавижу — вот как должен говорить уважаемый мной ребенок!* (А. Бруштейн).

9. Что относится к технике, а не к посуде?

(А) серебряная вилка; (Б) столовый прибор; (В) десертная розетка; (Г) спутниковая тарелка; (Д) хрустальный стакан.

Решение. Все данные в задаче существительные многозначны, но в приведённых словосочетаниях их значение можно определить. *Приборы* могут быть техническими (например, *электрические приборы*), но *столовые приборы* — это часть посуды (вилки, ножи, ложки и т. п.). *Вилкой* может называться часть электроприбора (та, которую втыкают в розетку), но *серебряная вилка* — это один из столовых приборов. *Розетка* — тоже не только техническое понятие (устройство для присоединения электроприборов к сети), но и название предмета посуды в виде маленького блюдца или мисочки (*десертная розетка, розетка для варенья*). *Стаканами* называются детали некоторых механизмов (например, *стакан ковш*), но *хрустальный стакан* — предмет посуды (предназначенный для питья). Слово *тарелка* чаще всего тоже употребляется как название предмета посуды, но в словосочетании *спутниковая тарелка* оно называет плоскую антенну для приема сигнала (например, телевизионного) со спутника. **Ответ:** (Г).

10. Что не обязательно красного цвета?

(А) красная ручка; (Б) красный помидор; (В) красная рубашка; (Г) красная кровь; (Д) красные чернила.

Решение. Красный помидор, красная рубашка, красная кровь и красные чернила сами имеют красный цвет. А вот красной ручкой обычно называют ручку, которая пишет красными чернилами (или красной пастой, гелем и т. п.), при этом сама она может быть и другого цвета (например, чёрной или белой). **Ответ:** (А).

11. По какому запросу в интернете можно найти аппарат для приготовления пирожков?

(А) *Дашины пирожки*; (Б) *Сашины пирожки*; (В) *Машины пирожки*; (Г) *Мишины пирожки*; (Д) *Яшины пирожки*.

Решение. Слово *Машины* можно прочесть как форму прилагательного *Машин*, а можно — как форму существительного *машина* (например, если оно стоит в начале предложения). Поисковые системы в интернете понимают не только предложения на естественном языке, но и просто наборы ключевых слов, поэтому по запросу *Машины пирожки* действительно находится аппарат, или машина, для приготовления пирожков. **Ответ:** (В).

12. Какое из сочетаний слов (А)–(Г) имеет смысл?

(А) *приплыло ходила*; (Б) *приползло бегала*; (В) *пришло ползала*; (Г) *прибежало плавала*; (Д) все сочетания слов (А)–(Г) бессмысленны.

Решение. В этой задаче тоже работает эффект прайминга. Если прочитать все сочетания как состоящие из двух глаголов, то смысла в них немного. Но если увидеть в *ползала* существительное, то получается вполне осмысленная фраза, означающая ‘пришла половина зала’ (например, если фильм был не очень интересный). **Ответ:** (В).

2. Задачи для средних школьников

13. Какое из этих словосочетаний на многие языки мира может переводиться не двумя словами, а одним?

(А) *большие ноги*; (Б) *большие руки*; (В) *большие пальцы*; (Г) *большие глаза*; (Д) *большие уши*.

Решение. В словосочетании *большие пальцы*, в отличие от остальных, речь может идти не о размере. *Большой палец* — так называется первый палец руки или ноги, противопоставленный четырём остальным. Во многих языках он имеет однословное название: по-французски *pouce*, по-английски *thumb*, по-немецки *Daumen*, по-нидерландски *duim* (от этого последнего слова происходят русские слова *дюйм* и *Дюймовочка*). Более того, и по-древнерусски он назывался одним словом *палец*, а остальные пальцы назывались *персты*.
Ответ: (В).

14. Какое слово может быть не только существительным?
(А) *квас*; (Б) *сок*; (В) *чай*; (Г) *суп*; (Д) *щи*.

Решение. Чтобы решить эту задачу, нужно вспомнить о просторечной частице *чай*, родственной глаголу *чаять* и имеющей значения ‘вероятно’, ‘наверное’, ‘всё-таки’, ‘ведь’ и т. п. Ср. шуточные строчки Леонида Филатова:

*Съешь осиновой коры –
И взбодрись до поры:
Чай, не химия какая,
Чай, природные дары!*

Ответ: (В).

15. Вот фрагмент из сказки Самуила Маршака «Кошкин дом» с одним пропуском:

*Свинья:
В пошло раньше стариков
Пятачком не лезьте.
Тут десяток пяточков,
Сколько это вместе?
Поросята:
Ай-люли,
Ай-люли,
Тут _____ вместе!*

Что мы пропустили?

(А) *пятёрка*; (Б) *полушка*; (В) *полтинник*; (Г) *целковый*; (Д) *свинарник*.

Решение. Самуил Маршак использует игру слов: слово *пятачок* может означать и монетку в пять копеек (или рубли), и рыло свиньи (круглое, как монета). Поскольку свинья спрашивает «Сколько?..», очевидно, что речь идёт о сумме. Десять пяточков — это пятьдесят копеек (или рублей), или *полтинник*. Это слово образовано от корня *пол-*, т. е. ‘половина’. Полтинники есть

и сейчас. Слово *полушка*, которое сейчас не употребляется, тоже образовано от корня *пол-*, но означает 'самая мелкая монета, четверть копейки'. Слово *целковый*, также устаревшее, означало 'один рубль'. **Ответ:** (В).

16. В какой этих из фраз слова *на дне* означают не то, что в четырёх остальных?

- (А) *На дне стакана осталось несколько капель сока.*
- (Б) *Драгоценности нашлись на дне сундука.*
- (В) *На дне тарелки нарисованы персонажи мультфильма.*
- (Г) *Рыбы лениво лежали на дне аквариума.*
- (Д) *Срок годности указан на дне упаковки.*

Решение. В четырёх первых фразах имеется в виду дно как внутренняя поверхность: сок, драгоценности, рисунки и рыбы находились внутри стакана, сундука, тарелки и аквариума соответственно. А вот срок годности обозначают не на внутренней поверхности упаковки (это было бы бессмысленно), а на внешней. **Ответ:** (Д).

17. В сказке А. С. Пушкина о царе Салтане есть такие строки:

*В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами...*

Слово *четами* означает «парами». А что здесь означает слово *жар*?

- (А) *горячий воздух;* (Б) *высокая температура;* (В) *раскалённые угли;*
- (Г) *румянец;* (Д) *пыл, страсть.*

Решение. И слово *жар*, и слово *гореть* имеют по несколько значений. Надо определить, какое сочетание значений имеет смысл в данном контексте. Горячий воздух и высокая температура не могут гореть. Румянец может гореть на щеках, но странно сравнивать с ним витязей, одетых в чешую (то есть в металлические защитные панцири). Тем более странно сравнивать богатырей с пылающей страстью. В значении 'раскалённые угли' слово *жар* сейчас почти не используется, но можно вспомнить поговорку *чужими руками жар загребать* или существительное *жаровня* 'сосуд для горящих углей'. Сравнение сверкающей металлической чешуи с раскалёнными углями вполне естественно, особенно если помнить, что дядька Черномор, сопровождающий витязей, «блистает сединой», а ближе к концу сказки говорится: «*И останутся на бреге / Тридцать три богатыря, / В чешуе златой горя*». **Ответ:** (В).

18. Какой из этих шуточных «лозунгов» устроен не так, как другие?

- (А) *Норы зверью!* (Б) *Болота комарью!* (В) *Гнёзда совью!* (Г) *Сыр воронью!*
- (Д) *Дорогу дурачью!*

Решение. Четыре из этих «лозунгов» устроены одинаково: существительное в винительном падеже, означающее ‘желаемый объект’, и собирательное существительное в дательном падеже, означающее того, кому этот объект призывают дать (*зверьё, комарьё, вороньё и дурачье*). Пятый же устроен не так: слова *совьё* в русском языке не существует, зато существует глагол *свить*, который в форме первого лица единственного числа (*совью*) лишь внешне напоминает собирательные существительные. Таким образом, пятый лозунг — это не требование обеспечить совам гнёзда, а обещание гнёзда свить. **Ответ:** (В).

19. Какое предложение можно понять двумя способами?

- (А) *В детстве я часто летал во сне; мама говорила — это я расту.*
- (Б) *Во сне он иногда бродил по комнатам.*
- (В) *Младенцы проводят во сне почти весь день.*
- (Г) *Во сне она была принцессой.*
- (Д) *Засыпая, он всё вертелся, а во сне уже ни разу не пошевелился.*

Решение. *Делать что-то во сне* может значить либо ‘делать что-то в реальности, при этом находясь в состоянии сна’, либо ‘спать и делать что-то внутри своего сновидения, на самом деле этого не делая’. Для примеров (В) и (Д) естественно только первое понимание (младенцы действительно проводят во сне почти весь день; он действительно не шевелился). Для примеров (А) и (Г) естественно только второе понимание (мне снилось, что я летаю; ей снилось, что она была принцессой). А вот пример (Б) можно понять двояко: он спал и одновременно бродил по комнатам (такое поведение иногда называют лунатизмом или сомнамбулизмом) или ему снилось, что он бродит по комнатам. **Ответ:** (Б).

20. В каком предложении прилагательное *убедительный* употреблено не совсем в том значении, что в остальных:

- (А) *Школьник привёл убедительный пример.*
- (Б) *Версия следователя достаточно убедительна.*
- (В) *Убедительная просьба в верхней одежде не входить.*
- (Г) *Последний довод оказался самым убедительным.*
- (Д) *Ну как, моя речь была убедительна?*

Решение. В четырёх предложениях прилагательное *убедительный* значит ‘такой, который убеждает, доказательный’. В словосочетании же *убедительная просьба* оно чаще всего означает ‘настоятельный, настойчивый’: высказывая убедительную просьбу, я ещё никого не убедил, а лишь очень хочу убедить. **Ответ:** (В).

21. Какое слово можно понять и как прилагательное, и как глагол?

(А) *славную*; (Б) *милую*; (В) *дельную*; (Г) *жалую*; (Д) *радую*.

Решение. *Славную* — форма прилагательного *славный* (*встретить славную девушку*). *Дельную* — форма прилагательного *дельный* (*высказать дельную мысль*). *Жалую* — форма глагола *жаловать* (*жалую тебе шубу*). *Радую* — форма глагола *радовать* (*радую своих родителей*). И только *милую* может быть и формой прилагательного (*за милую душу*), и формой двух глаголов, различающихся ударением (*ми́лую тебя, так и быть* или *целую, ми́лую свою невесту*). **Ответ:** (Б).

♦ Интересно, что в пару к знаменитой фразе *Казнить нельзя помиловать*, где жизнь зависит от постановки запятой, Л. Н. Иорданская приводит фразу *Казню и милую*, которая при прочтении последнего слова как прилагательного приобретает ещё более страшный смысл, чем если понимать его как глагол.

22. В каком предложении слово *человек* значит не то, что в остальных?

(А) *У калитки стоял какой-то человек в шляпе.*

(Б) *Человек остановился и посмотрел на меня.*

(В) *Мне показалось — человек сейчас заплачет.*

(Г) *В её квартире жил ещё один человек.*

(Д) *Человек ещё в древности научился сверлить камни.*

Решение. В предложениях (А)–(Г) слово *человек* называет одного человека, а в предложении (Д) — человечество в целом (поэтому только в нём слово *человек* можно заменить словом *люди* без изменения смысла). **Ответ:** (Д).

23. Вот фраза из сочинения, посвящённого истории костюма:

Крестьяне носили просторные куртки с большим запахом. А что это означает?

(А) куртки у крестьян сильно пахли;

(Б) у этих курток были большие воротники;

(В) у этих курток были длинные полы;

(Г) одна пола курток сильно заходила за другую;

(Д) эти куртки были сильно велики крестьянам.

Решение. Редкое слово *запах* (обратите внимание на ударение!) означает 'заход одной полы одежды за другую'. Ср. более частые слова *запахнуть* (халат, пальто и т. п.), *запахнуться*. **Ответ:** (Г).

♦ Автоматический переводчик Google Translate эту фразу переводит неправильно, потому что видит в ней более частотное слово: *Peasants*

wore spacious jackets with great smell. Такие примеры помогают увидеть, что даже очень продвинутые системы автоматической обработки текста пока понимают предложения на естественном языке хуже человека.

24. Какое из этих существительных не может быть одушевлённым?

(А) *тип*; (Б) *лицо*; (В) *субъект*; (Г) *фрукт*; (Д) все существительные (А)–(Г) могут быть одушевлёнными.

Решение. В прямых значениях все эти существительные, естественно, неодушевлённые: *определил тип растения, вымыли лица с мылом, подчеркнул субъект предложения, сорвала фрукт с дерева*. Но каждое из них можно употребить в переносном значении ‘человек’, и тогда это одушевлённые существительные: *увидел во дворе странного типа, изобразил в романе исторических лиц, задержали подозрительных субъектов, знаю я этого фрукта*. **Ответ:** (Д).

3. Задачи для старших школьников

25. «Ему ли тебе завидовать?» — сказал Петя Васе, показывая на Колю. Кто кому не должен завидовать, по мнению Пети?

(А) Петя Васе; (Б) Вася Коле; (В) Коля Васе; (Г) возможны варианты (Б) и (В); (Д) возможны варианты (А), (Б) и (В).

Решение. Слово *ему* может называть и того, **кто** завидует, и того, **кому** завидуют. То же относится и к слову *тебе*. Таким образом, у этой фразы два понимания: «Должен ли он, Коля, завидовать тебе, Васе?» и «Должен ли ты, Вася, завидовать ему, Коле?» В обоих случаях вопрос риторический: Петя считает, что завидовать не надо. **Ответ:** (Г).

26. Какие два слова могут представлять собой антонимы?

(А) *разбивать* — *забивать*; (Б) *развивать* — *завивать*;
(В) *разогревать* — *согревать*; (Г) *рассекать* — *засекать*;
(Д) *разнимать* — *снимать*.

Решение. Антонимами могут быть слова *развивать* и *завивать*, если речь, например, идёт о причёске: тогда *завивать* — это делать волосы витыми, кудрявыми, а *развивать* — вновь делать завитые волосы прямыми. **Ответ:** (Б).

♦ Многозначность слова *развивать* шутя использовал, например, режиссёр Сергей Герасимов. Артистка Людмила Гурченко вспоминает: «Он не читал нравоучений, просто в его словах, интонации появлялась обая-

тельная едкая ирония: “Одна завивает голову, ей бы, к слову сказать, не завивать голову, а развивать”...»

27. Какое из этих предложений, встретившихся в прессе, устроено не так, как остальные?

- (А) *Вечер украсит выступление специальных гостей.*
- (Б) *Досуг гостей украсит авторский вечер поэта и учёного Александра Городницкого.*
- (В) *Профиль королевы Британии украсит логотип Google.*
- (Г) *Кабинет директора фирмы украсит герб с символикой компании.*
- (Д) *1 января ночное небо украсит новогодний фейерверк.*

Решение. Все предложения содержат глагол *украсит*. В четырёх предложениях подлежащее стоит после этого глагола. Это легко проверить, заменив *украсит* на *будет украшен*: *Вечер будет украшен выступлением...*; *Досуг гостей будет украшен авторским вечером...*; *Кабинет директора фирмы будет украшен гербом...*; *Ночное небо будет украшено фейерверком*. И лишь в пятом подлежащее, наоборот, стоит перед глаголом: в самом деле, предложение *Профиль королевы Британии будет украшен логотипом Google* описывало бы абсурдную ситуацию (а предложение *Логотип Google будет украшен профилем королевы Британии* — наоборот, реальную ситуацию, произошедшую в день визита королевы в офис компании). Итак, это предложение отличается от других порядком слов. **Ответ:** (В).

28. Сын-студент пишет отцу домой: *Деньги _____ — _____ деньги.* Какое слово мы дважды пропустили в анекдоте?
(А) *пошли*; (Б) *прошли*; (В) *вышли*; (Г) *нашли*; (Д) *ушли*.

Решение. В анекдоте обыгрывается омонимия формы *вышли*. На месте первого пропуска стоит глагол *выйти* в форме мн. ч. прош. вр. (*Деньги вышли*, т. е. ‘закончились’), а на месте второго пропуска — глагол *выслать* в повелительном наклонении (*вышли деньги*, т. е. ‘отправь по почте’). **Ответ:** (В).

29. В каком из примеров слово *дико* употреблено не в том значении, что в остальных?

- (А) *Дико хочется кого-нибудь удивить. Хоть чем-нибудь* (И. Ефимов).
- (Б) *Мимоза стыдливая дико произрастает в тропиках обоих полушарий* (Биологический словарь).
- (В) *Поймав её взгляд, он дико перепугался* (В. Аксёнов).

(Г) Толик вдруг почувствовал, как страшно, как дико устал он от всей этой истории (А. Лиханов).

(Д) Нам было дико интересно вместе («Пятое измерение»).

Решение. В примерах (А), (В), (Г) и (Д) слово *дико* означает ‘очень сильно’ (значение высокой степени часто выражается в разговорной речи подобными наречиями: *ужасно воспитан* (как в задаче № 8), *страшно хочется*, *жутко устал* и др.), а в примере (Б) — совсем другое: ‘естественно, без вмешательства человека’ (ср. *дикая природа*). **Ответ:** (Б).

30. Подбирая по заданию учителя примеры из Пушкина, один пример школьник, скорее всего, понял неправильно. Какой?

(А) Давно, усталый раб, замыслил я побег.

(Б) Он был, о море, твой певец.

(В) Оплачьте, милые, мой жребий в тишине.

(Г) А вы, мужайтесь и внемлите, восстаньте, падшие рабы.

(Д) Я вас, хамы!.. Дай ружьё.

Решение. Школьник по заданию учителя подбирал примеры с обращениями. Однако в примере (А) словосочетание *усталый раб*, выделенное запятыми, — не обращение, а обособленное определение, относится оно не к читателю, а к автору, от лица которого ведётся повествование. **Ответ:** (А).

31. У какого из этих глаголов нельзя однозначно определить вид?

(А) *являться*; (Б) *находиться*; (В) *существовать*; (Г) *пребывать*; (Д) *фигурировать*.

Решение. Глаголы *являться*, *существовать*, *пребывать* и *фигурировать* — несовершенного вида, отвечают на вопрос «что делать?». Глагол *находиться* в значении ‘быть, располагаться’ также отвечает на вопрос «что делать?». Однако существует и омонимичный ему гораздо более редкий глагол *находиться* ‘слишком много ходить и устать’: *Находилась я сегодня, больше никуда не пойду*. Этот глагол отвечает на вопрос «что сделать?» и относится, следовательно, к совершенному виду. **Ответ:** (Б).

♦ Автоматический переводчик и эту фразу переводит неправильно, потому что видит в ней более частотный глагол: I **was** today, nowhere else I go.

32. В каком из примеров подчёркнутое слово называет женщину по иному принципу, чем в остальных?

(А) *Вообще-то я не верю в этих молодых следовательнониц, двадцатипятилетних прокурорш и оперативниц* (Ю. Домбровский).

(Б) *Профессорша* пекла на дорогу Дмитрию коржики, профессор в кабинете готовился к лекции (В. Вересаев).

(В) — *Может, помочь принести?* — предложил Элек. — *Не моя смена, — отозвалась почтальонша.* — Корреспонденцию доставляют утром (Е. Велтистов).

(Г) *Докторша* улыбнулась так, как будто она не уколы делала, а раздавала конфеты (Ф. Искандер).

(Д) Сидел вполоборота к столу пожилой *библиотекарши* Надежды Никифоровны, пока та где-то за шкафами искала ему книги (Е. Водолазкин).

Решение. Прокуроршу, почтальоншу, докторшу и библиотекаршу в данных примерах можно назвать и прокурором, почтальоном, доктором, библиотекарем: это женщины, обладающие соответствующей профессией. А вот профессорша здесь, как видно по контексту, — не женщина-профессор, а жена профессора. Когда-то все такие слова с суффиксом *-ш-* имели именно это значение: *генеральша* — жена генерала, *докторша* — жена доктора, *прокурорша* — жена прокурора. Но с увеличением доли женщин в большинстве профессий у таких слов в разговорной речи появилось новое значение. **Ответ:** (Б).

33. Озвучивая фильм, актёры читали вслух предложения:

— *Давай поешь бульончику, и все пройдет.*

— *Когда поешь, становится немного теплей.*

— *Поешь, полежишь и немного отойдешь.*

— *Приедешь, поешь и еще позанимаешься.*

— *Ветер, у костра не посидишь, не поешь.*

Какое предложение можно прочесть вслух двумя способами так, что от этого будет меняться смысл?

(А) первое; (Б) второе; (В) третье; (Г) четвертое; (Д) пятое.

Решение. В заданиях для школьников обычно последовательно ставят букву *ё* (что видно и в условии этой задачи, где написано «актёры»), однако в текстах, не рассчитанных на детей или иностранцев, это чаще всего не делается, потому что по правилам буква *ё* факультативна. Поэтому запись *поешь* может относиться и к глаголу *поест* (и тогда читаться через «е»), и к глаголу *петь* (и тогда читаться через «ё»). Но эти оба понимания возможны лишь во втором предложении — в остальных случаях предложения получают либо бессмысленными, либо грамматически неправильными. **Ответ:** (Б).

34. В каком примере *а то* нельзя заменить на *ведь*?

(А) *Дмитрий Владимирович, вы ему подскажите, а то он не знает ещё!* (В. Шукшин)

(Б) *Паи, Мишку там успокой. А то он не знает ничего* (Д. Сабитова).

(В) *Вы ей объясните, а то она не знает* (Ю. Олеша).

(Г) *Ты хоть мне правду скажи, а то я не знаю, что ему отвечать* (Э. Володарский).

(Д) — *Как ты очутился в деревне Красное? — А то ты не знаешь* (В. Войнович).

Решение. В первых четырёх примерах *а то* имеет причинное значение и поэтому может быть заменено на *ведь*. В пятом примере *а то* употреблено иронически и означает ‘можно подумать, что’: говорящий хочет сказать, что задавший вопрос на самом деле сам знает на него ответ. Поэтому здесь заменить *а то* на *ведь* нельзя: у слова *ведь* такого иронического значения нет.

Ответ: (Д).

35. В каком примере слово *проглядывать* нельзя заменить на *просматривать*?

(А) *Книги читают лишь старые дурни, число их день ото дня сокращается, люди проглядывают газеты и смотрят в стекло беспощадного ящика* (Л. Зорин).

(Б) *Сначала — контрактники Внутренних войск МВД лениво проглядывали документы и тут же теряли к ним всякий интерес* («Новая газета»).

(В) *Иногда в стихах проглядывает и автор, с которым нам предстоит так обстоятельно познакомиться в рассказах Довлатова* (А. Генис).

(Г) *На столе его лежал ворох всяких бумаг, которые я иногда бегло проглядывала, если его не было в кабинете* (К. Сурикова).

(Д) *Когда получаю новый номер, проглядываю все статьи, обязательно прочитываю всё, что связано с политикой, экономическими проблемами* («Дело»).

Решение. В примерах (А), (Б), (Г) и (Д) слово *проглядывать* имеет одно значение: ‘читать не подряд, выбирая самое важное или интересное’, в этом значении оно синонимично слову *просматривать*. В примере (В) слово *проглядывать* употреблено в другом значении: ‘быть заметным, проступать сквозь что-либо’, в этом значении оно синонимично слову *просматриваться*, но не *просматривать*. **Ответ:** (В).

36. В каком предложении можно однозначно определить вид глагола?

(А) *Многие из них крестились лишь в старости.*

(Б) *Их дети крестились в православную веру.*

(В) *Переселенцы женились и крестились.*

(Г) *Прохожие быстро и молча крестились.*

(Д) *Некоторые половецкие князья крестились.*

Решение. Слово *креститься* имеет два значения: ‘подвергаться обряду крещения, становиться крещёным’ и ‘делать особый жест, изображающий крест’. Интересно, что при этом в первом значении глагол *креститься* двувидовой — может относиться и к несовершенному, и к совершенному виду, а во втором значении он относится только к несовершенному виду. Соответственно, неоднозначно определяется вид в тех предложениях, где глагол употреблён в первом значении: это предложения (А), (Б), (В) и (Д). Это легко увидеть, заменяя *крестились* на *проходили обряд крещения* и *прошли обряд крещения*: обе замены возможны во всех четырёх примерах. А в примере (Г) глагол употреблён во втором значении (прохожие явно не могли бы быстро и молча пройти обряд крещения — это достаточно длительная процедура, которая не совершается на ходу). Таким образом, здесь вид определяется однозначно — несовершенный (в совершенном виде требовалось бы сказать *перекрестились*). **Ответ:** (Г).

♦ Фразу *Прохожие быстро и молча крестились* Google Translate тоже понимает не так, как мы: *Passersby quickly and silently baptized*.

Литература

- Иомдин Б. Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 87–103.
- Русский медвежонок — 2000–2018. Задачи, решения, информация, статистика. Сост.: Муравенко Е. В., Рубанов И. С., Богдалов И. Ф. Киров, 2000–2018 (ежегодное издание).
- Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры, 2002. 552 с.

References

- Iomdin B. L. [Polysemantic words in context and out of context]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2014. No. 4. Pp. 87–103. (In Russ.)
- Russkii medvezhonok — 2000–2018. Zadachi, resheniya, informatsiya, statistika*. Sost.: Muravenko E. V., Rubanov I. S., Bogdalov I. F. [Russian Bear — 2000–2018. Tasks, solutions, information, statistics], Kirov, 2000–2018 (annual edition).
- Sannikov V. Z. *Russkii yazyk v zerkale yazykovoi igry* [Russian language reflected in word play]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2002. 552 p.

Книжные новинки

К выходу книги А. М. Пешковского «Лингвистика. Поэтика. Стилистика»

Наталья Владимировна Халикова, Московский государственный областной университет
(Россия, Мытищи), vlstd24@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170004470-6

АННОТАЦИЯ: Обзор посвящен сборнику избранных трудов А. М. Пешковского, созданных в период с 1914 по 1933 гг. Издание подготовлено в рамках нового направления в истории языкознания — лингвистической персонологии. Отмечается герменевтический подход А. М. Пешковского к грамматике как искусству понимания и толкования текстов, а также обозначаются актуальные теоретические положения и приемы, позволившие ученому избавить практическую грамматику от статуса «служанки орфографии»: соотношение литературно-языкового идеала с конкретными фактами естественной речи, строгая систематичность, историзм, внимание к звучащей стороне языковой единицы. Грамматическое сознание Пешковский предлагал формировать на последовательном различении форм и значений частей речи и членов предложения, противопоставляя их друг другу как «застывшие» и «пришедшие в движение» элементы единой языковой системы. Отмечено внимание Пешковского к выразительному чтению, необходимому для выработки сознательных представлений о речи, тексте, стилистической системе языка, и новаторство ученого в исследовании художественной прозы, в частности ритмико-интонационного членения фразы и явления общей образности. Ядром терминологической системы Пешковского являются «грамматика», «лексема», «предложение», «синтаксис», «слово отдельное» (фонетическое), «стилистическая грамматика», которые были разработаны им для лингвистиче-

ского тезауруса. Материалы тезауруса опубликованы во втором разделе книги.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. М. Пешковский, научное наследие, история филологии, стилистика

для цитирования: Халикова Н. В. К выходу книги А. М. Пешковского «Лингвистика. Поэтика. Стилистика» // Русская речь. 2019. № 2. С. 112–118. DOI: 10.31857/S013161170004470-6.

Book News

To the Issuance of the Book by A. M. Peshkovsky “Linguistics. Poetics. Stylistics”

Natal'ya V. Khalikova, Moscow Region State University (Russia, Mytishchi), vlstd24@gmail.com

ABSTRACT: This paper presents an overview of the selected works by A. M. Peshkovsky of the period from 1914 to 1933. The publication was prepared within a new area of the linguistics history — linguistic personology. The hermeneutic approach by A. M. Peshkovsky to grammar as an art of understanding and interpreting of texts, as well as contemporary theoretical principles and methods that allowed the researcher to rid practical grammar of the “servant of spelling” status: correlation of literary-linguistic ideal with concrete facts of natural speech, strict systematicity, historicism, attention to the sounding side of the language unit are pointed out.

A. M. Peshkovsky suggested to build grammatical consciousness on the basis of consecutive distinction of forms and meanings of sentence and speech parts, considered as opposed to each other as “frozen” and “set in motion” parts of a single language system. Attention of Peshkovsky to the expressive reading to have the idea of a speech, a text, a stylistic system of the language and the innovation of the researcher in the study of fiction, namely the rhythmic-intonation division of the phrase and the phenomena of general imagery are pointed out.

The core of the terminological system by Peshkovsky are the terms “grammar”, “lexeme”, “sentence”, “distinct word” (phonetic), “stylistic grammar”, that were created by him for linguistic thesaurus. The thesaurus materials are published in the second chapter of the book.

KEYWORDS: A. M. Peshkovsky, scientific heritage, history of Philology, stylistics
FOR CITATION: Khalikova N. V. To the Issuance of the Book by A. M. Peshkovsky “Linguistics. Poetics. Stylistics”. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 112–118. DOI: 10.31857/S013161170004470-6.

Чем, в самом деле, объясняется эта всеобщая боязнь грамматики?

А. М. Пешковский

Имя Александра Матвеевича Пешковского, с одной стороны, всегда было тем прекрасным знаменем науки, под которое с удовольствием становились исследователи, а с другой — практически неизвестно широкому кругу учителей, студентов, преподавателей, хотя его целостная система изучения живого слова в формах языка сыграла в первой половине XX в. ту же роль, что в свое время книга Ф. И. Буслаева «О преподавании отечественного языка». Текст знаменитой работы А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» зачастую лишь отправная точка для перекодировки терминов и позиций, и в наше время он весьма фрагментарно представлен в сознании большинства молодых филологов.

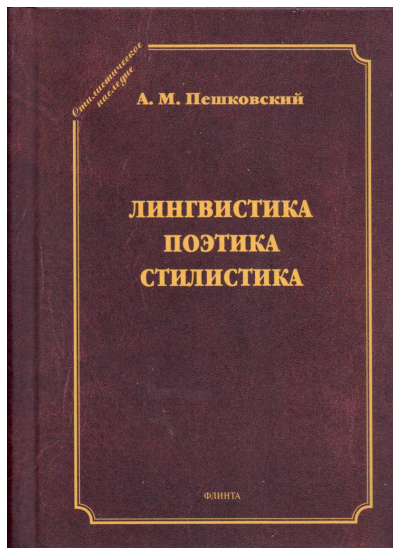
Изданный в 1959 г. сборник избранных трудов предваряется вступительной статьей, из которой следует, что А. М. Пешковский заботился прежде всего о школьном курсе грамматики, стремясь «сделать его вполне доступным для детей и не лишенным серьезного практического значения для развития навыков письма и устной речи» [Пешковский 1959: 17–18]. Сугубо педагогическая характеристика совершенно затеняет филологическую величину ученого, выдающейся личности в области «филологии духа», по меткому выражению О. В. Никитина [Никитин 2018: 79]. Труды по стилистике, методике, языку художественной литературы, которые естественным образом выстроены вокруг «Русского синтаксиса...», находятся в совершенном забвении. Идеи А. М. Пешковского для современного педагога и лингвиста актуальны сейчас потому, что в основе всех его взглядов лежит герменевтическое отношение к грамматике как способу понимания говорящим себя как языковой личности, затем речи народ-

ной и литературной и текста — художественного и нехудожественного. Отдельные единицы языка, их формы и категории выступают как средства познания, хранения и передачи представления о мире, т. е. всех форм коммуникации. Текст не пустой объект исследования, а наполнен отголосками событий и имен близких ученому поэтов В. Я. Брюсова, Ф. К. Сологуба, М. А. Волошина, предшественников-классиков. Трагическая история первой половины XX в., сложные отношения внутри научного сообщества в 1920–1930-е гг. и особый стиль, линия поведения А. М. Пешковского в этих условиях мало известны. Именно с этой убежденностью в духовной

значимости ученого для отечественного языкознания подготовлено для широкого круга читателей новое издание его работ¹ в серии «Стилистическое наследие».

Предваряющий текст вступительный материал делится на две части: небольшое предисловие «От составителя» [Пешковский 2018: 6–9] и объемный биографический очерк о жизни и деятельности ученого [Пешковский 2018: 11–101]. Основные причины появления новой публикации — малодоступность журналов и сборников 1910–1930-х гг. и неизвестные прежде архивные находки из эпистолярного наследия. Книга имеет трехчастную структуру: в первой представлены исследования вокруг научного концепта «грамматика»; во второй приведены словарные статьи по лингвистике из «Литературной энциклопедии» 1925 г., которые составили ядро терминологической системы; а в третьей собраны малоизвестные и не переиздававшиеся с середины 1920-х гг. работы по поэтике и стилистике.

Биографический очерк О. В. Никитина «Жизнь и труды Александра Матвеевича Пешковского в свете научной полемики его времени» основан на архивных документах и письмах к М. А. Волошину. Фактически это повесть о страстном, глубоко преданном науке человеке, его каждодневных мыслях, тревогах и радостях. Рассказ о личных событиях и «внутреннем

¹ Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика / под ред. О. В. Никитина. М.: Флинта, 2018. 712 с. ISBN 978-5-9765-2973-1.

человеке» становится основой истории о проявлении образа предмета науки, о формировании научной картины мира Пешковского, ключевым концептом которой становится *грамматика*. Читателю будет интересно узнать, что в филологию А. М. Пешковский пришел от изучения естественных наук и, совершая для себя окончательный выбор, интуитивно нашел точку опоры своей методики: «...Ни один зоолог не сделался таковым потому, что он интересовался той или иной проблемой; нет, он просто интересовался материалом и этим путем пришел к увлечению проблемами» (из письма М. А. Волошину). Сам язык, а не схоластические «проблемы» соответствовали духовным способностям молодого ученого. Образно представлено и само время начала XX в.: спокойные, хотя и полные бытовой неустроенности годы феодосийского детства, затем переломные, отнюдь не безоблачные времена студенчества, нравственный выбор во время университетских волнений, наполненная духовным поиском молодость и напряженное время первого советского строительства (когда Пешковский, при всей идеологической отстраненности от новой власти, плодотворно работал, служа своим, вневременным идеям). Выпукло очерчены годы гонений и беспощадной критики каждого нового труда. Удачно выбран своеобразный сюжет очерка-повести — диалог-переписка А. М. Пешковского со своим лучшим другом по феодосийской гимназии М. А. Волошиным. Научной ценностью этой части книги является подборка найденных в отделе рукописей ИРЛИ архивных документов, писем А. М. Пешковского, публикуемых в книге впервые. Читатель увидит в издании и иллюстрации — страницы с подлинным почерком ученого, обложки самых первых сборников 1910–1920-х гг., заявления, отрывки рукописей, портреты. Московская лингвистическая школа, к которой относил себя ученый, представлена здесь широко: обращают на себя внимание ссылки на работы Д. Н. Ушакова, Н. Н. Дурново, И. Г. Голанова, М. Н. Петерсона и других. Книга подлинного грамматиста, как никогда, актуальна сейчас, она освобождает студента и преподавателя, начинающего исследователя от «тяги к рецепту» и предупреждает желание преподавать по многочисленным методичкам, «не зная предмета и не думая о нем» [Пешковский 2018: 196].

В первую часть книги вошли 20 работ (или отрывков из них) из целостного учения по методике преподавания *научной* грамматики, призванного освободить «напуганного ученика» и его учителя от «лжеграмматических умствований». Назовем наиболее важные из отдельных глав и статей: «Противоречия между школьной и научной грамматикой»; «Объективная и нормативная точка зрения на язык»; «Глагольность как выразительное средство»; «Роль грамматики при обучении стилю»; «Интонация и грамматика»; «Вопросы изучения языка в семилетке» и др. В них видно глав-

ное качество исследователя А. М. Пешковского — умение упорядочить «ту хаотическую смесь, которая в школе называется грамматикой» [Пешковский 2018: 115]. Причиной чудовищного искажения целой науки в сознании школы он называет пережиток логического метода, ориентацию на некий выдуманный идеальный конструкт «всеобщей грамматики», в то время как все действительно характерное и своеобразное для данного языка объявлялось случайным, «добавочным уклонением». В стиле Пешковского много идей-образов: это было неизбежно в терминологическом вакууме, в котором ему приходилось приводить доказательства. Многие положения Пешковского о частях речи и членах предложения стали афоризмами: например, о том, что «части речи — это выкристаллизовавшиеся в определенные формы и системы форм» члены предложения, а те, в свою очередь, это «пришедшие в движение части речи» [Пешковский 2018: 122]. Напоминанием для современного преподавателя служит высказывание о том, что система пунктуации при разумном и искусственном ее формировании «была бы огромной культурной ценностью» каждой языковой личности [Пешковский 2018: 181]. Страницы его рассуждений насыщены незаметными для школьных схоластик, но живыми для языка фактами, не теряющими научной остроты и в наше время, например, об успешной «борьбе» категориальных значений наречий с краткими прилагательными среднего рода [Пешковский 2018: 125]; о фразеологической сути и лишенной естественного языкового отношения «трафаретной судьбе» вопросов типа *как вас зовут?* в определении значений членов предложения [Пешковский 2018: 190]. Он замечал отход от глагольности в сторону отглагольного существительного в публицистике и провозгласил лозунг: «Назад к глаголу!» [Пешковский 2018: 272].

В работах по стилистике «литературно-языковой идеал» Пешковского обозначается еще ярче. Без всякого сомнения, можно говорить о сформулированном в статье «Объективная и нормативная точка зрения на язык» законе, объясняющем формирование стилистической системы языка: «...Трудность языкового общения растет прямо пропорционально числу общающихся, и там, где одна из общающихся сторон является неопределенным множеством, эта трудность достигает максимума» [Пешковский 2018: 217]. Пешковский считал, что письменная речь — это второй язык, наслаивающийся на устный. Он, например, задавал вопрос о том, что делает речь и стиль человека подлинно литературным, будет ли ребенок, выросший в интеллигентной семье и владеющий нормами фонетики, лексики, грамматики, способный сделать доклад, написать сочинение и пр. — владеть *литературным* языком? И отвечал на этот вопрос отрицательно. Обиходная, абсолютно грамотная нормированная речь отличается от подлинно литературной осмысленным *богатством сло-*

варя и сложностью синтаксиса, «переводом подсознательных языковых представлений в сознательные» [Пешковский 2018: 440]. Стилистические эксперименты, статистический метод исследования стиля газет, русской прозы (в частности — И. С. Тургенева) обогатили нас ценными фактами и гипотезами об «общей образности», ритмико-интонационной ценности синтагмы, звуковой организации текста.

Сборник работ позволяет увидеть современным филологам личность Пешковского, бережного хранителя традиций отечественной науки и самого смелого, яркого новатора. Именно поэтому заключающее издание приложение — статья В. Г. Шершеневича «Ломать грамматику» с посвящением своему учителю А. М. Пешковскому (1920) — выглядит в книге самым естественным образом.

В заключение хочется сказать и об особом научном стиле ученого: после прочтения его работ невольно вспоминаются слова М. А. Волошина о научно-критическом творчестве: «Надо писать так, чтобы читатель, прочтя статью, вполне искренно стал считать ее мысли своими собственными» (письмо А. М. Пешковскому от 2 (15) марта 1904 г.). Эта книга заставляет полюбить не только опередивший свое время и уверенно шагнувший в стилистику и поэтику ХХI в. «литературно-языковой идеал» А. М. Пешковского, но и духовную ценность филологии.

Литература

- Никитин О. В. «Филология духа». Федор Иванович Буслаев как языковая личность (К 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2018. № 5. С. 79–85.
- Пешковский А. М. Избранные труды / подгот. к печ., вступ. ст. и коммент. И. А. Василенко и И. Р. Палей. М.: Учпедгиз, 1959. 252 с.
- Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика / сост., науч. ред., подгот. текста, вступ. ст. и прим. О. В. Никитина. М.: Флинта, 2018. 712 с.

References

- Nikitin O. V. ["Philology of spirit". Fedor Ivanovich Buslaev as linguistic persona (for 200th anniversary of the birth)]. *Russkii yazyk v shkole*. 2018, no. 5, pp. 79–85. (In Russ.)
- Peshkovskii A. M. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Eds. I. A. Vasilenko, I. R. Palei. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1959. 252 p.
- Peshkovskii A. M. *Lingvistika. Poetika. Stilistika* [Linguistics. Poetics. Stylistics]. Ed. O. V. Nikitin. Moscow: Flinta, 2018. 712 p.

Из истории отечественного языкознания: жизнь и труды С. К. Боянуса

Наталия Дмитриевна Светозарова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия), ndsvetozar@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170004471-7

АННОТАЦИЯ: Жизнь Семена Карловича Боянуса (1871–1952) была настолько разнообразной и плодотворной, что можно подумать, будто за этим именем скрываются несколько человек. Он окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, а вслед за тем драматические курсы, был актером и режиссером, автором работ по истории средневекового театра, работал в Институте истории искусств, учился фонетике у Л. В. Щербы, вместе с ним основал Фонетический институт и Фонетическую школу. В 1920-х гг. он изучал фонетику в Лондоне у Д. Джоунза и Л. Армстронг. Преподавал ряд предметов германского цикла в Ленинградском университете и издал в 1926 г. первый учебник английской фонетики для русских. В 1928–1930 гг. вместе с В. К. Мюллером создал знаменитые англо-русский и русско-английский словари. В 1934 г. Боянус эмигрировал в Англию, где издал учебник русской фонетики для английских учащихся, обобщивший достижения русской и британской фонетической науки. Боянус первым предложил описание русской интонации, основанное на ограниченном наборе абстрактных интонационных моделей, важнейшим элементом которого было количество и характер фразовых ударений. Используя разработанную для английского языка интонационную разметку, Боянус транскрибировал, опираясь на собственное произношение, не только фразы, но и целые тексты разных стилей. В конце жизни Боянус создал собственную Школу русского языка, которая имела в Англии большую известность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Семен Карлович Боянус, фонетический метод, фонетика английского языка, русская фонетика, фразовая интонация
для цитирования: Светозарова Н. Д. Из истории отечественного языкознания: жизнь и труды С. К. Боянуса // Русская речь. 2019. № 2. С. 119–128. DOI: 10.31857/S013161170004471-7.

Science and Persons

On the History of Russian Linguistics: The Life and the Work of Simon Boyanus

Natalia D. Svetozarova, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), ndsvetozar@gmail.com

ABSTRACT: The life of Simon Boyanus (1871–1952) was so different and fruitful that one could be confused about the number of authors hidden under his name. He has graduated from the St. Petersburg University (the Department of History and Philology), finished Drama Course, was an actor and a director, wrote articles on the history of medieval theater, worked at the History of Arts Institute. He was a student of phonetics at L. V. Shcherba's course, and founded Institute of Phonetics and the Phonetic School with him. In 1920s he studied phonetics in London with D. Jones and L. E. Armstrong. He was a Germanic cycle courses lecturer at Leningrad State University and published his first textbook of English phonetics for Russian speakers in 1926. In 1928–1930 he was a co-author of the famous English-Russian and Russian-English dictionaries with V. K. Mueller. In 1934 Boyanus emigrated to the UK where he published a textbook of Russian phonetics for British students, bringing together the achievements of Russian and British phonetic science. Boyanus was the first to suggest a description of Russian intonation in terms of a limited set of abstract intonation models with the nature and number of phrasal stresses as a key feature. Using the intonational markup, prepared for English, and his pronunciation, Boyanus has transcribed not only phrases, but stylistically diverse texts. At the end of the life Boyanus established his own School of Russian Language, acknowledged throughout the UK.

KEYWORDS: Simon Boyanus, phonetic method, English phonetics, Russian phonetics, sentence intonation

FOR CITATION: Svetozarova N. D. On the History of Russian Linguistics: The Life and the Work of Simon Boyanus. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 2. Pp. 119–128. DOI: 10.31857/S013161170004471-7.

Есть в нашей истории ученые, чей вклад в те или иные области науки недооценен или даже вовсе забыт. Это грустно и несправедливо. И это надо исправлять. Особенно грустно, когда забытым или запретным имя исследователя оказывается на родине. В фонетике таким «забытым героем» стал Семен Карлович Боянус, человек редкого таланта и удивительной судьбы¹.

Семен Карлович Боянус родился в 1871 г. в Москве, в семье известного врача-гомеопата Карла Карловича Боянуса, автора работ по истории гомеопатии в России. Начальное образование он получил в Москве, но позднее переехал в Петербург и в 1898 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Еще в студенческие годы он увлекся театром и по окончании университета поступил на Государственные курсы драматического искусства, которыми руководил известный актер В. Н. Давыдов. В 1910-е гг. Боянус работал в Петербурге и в Москве, в том числе в Александринском и Малом театрах под псевдонимом Броневский, был актером, режиссером и преподавателем актерского мастерства. В 1920-х гг. появляются первые его публикации по истории западноевропейского средневекового театра, среди них получившая большую известность глава «Средневековый театр» в сборнике «Очерки по истории европейского театра. Античность, Средние века и Возрождение», вышедшем в издательстве Academia в 1923 г. В это время С. К. Боянус преподает в Российском институте истории искусств (РИИИ) на открытом там в 1920 г. отделении истории театра. В 1920 г. он был избран профессором, а в 1921 г. — действительным членом по кафедре истории средневекового театра. Здесь Боянус читал курс «Французские мистерии», вел просеминар «Английские мистерии», руководил группой по изучению сценической речи, а в 1927 г. был избран действительным членом Отдела истории словесных искусств РИИИ.

¹ Подробнее о жизни и творчестве С. К. Боянуса и судьбе его научного наследия см. в статье Н. Д. Светозаровой «Этот таинственный Боянус», вышедшей в 2018 г. в Петербурге, в сборнике Acta Linguistica Petropolitana [Светозарова 2018]. В ней впервые предпринята попытка составить полный список публикаций ученого.

Таким образом, в начале XX в. имя Боянуса (или Броневого-Боянуса) было связано преимущественно с режиссурой, историей и теорией театра. Но в это же время он активно занимался изучением германской филологии и получил большую известность как блестящий преподаватель английского языка. Английскому Боянус учился с самого детства у матери, переводчицы и неизменной помощницы в научных трудах своего мужа. Начиная с 1916 г. Семен Карлович преподает английский язык в различных педагогических учебных заведениях Петрограда. В 1918 г. он сдает магистерский экзамен по английской филологии на историко-филологическом факультете Петроградского университета и начинает преподавать в университете. Там он ведет занятия по фонетике английского языка и по другим предметам германского цикла. Боянус владел многими древними и современными языками. Отвечая на анкетный вопрос о знании иностранных языков, он скромно написал: *«Английский, французский, немецкий, готский, англо-саксонский, латинский, греческий и пр.»*.

Особое место в преподавании иностранного языка у Боянуса занимала фонетика, которой он уделял повышенное внимание еще в свой практической деятельности преподавателя драматических курсов. Об этом он нередко писал позднее, например, вспоминал, что, «преподавая художественную речь в Драматических Школах, должен был обращать особое внимание учащихся на концы их предложений, которые были мертвы, вялы и безжизненны».

Фонетике как науке Боянус учился у Льва Владимировича Щербы. Работая в университете на кафедре романо-германской филологии, он посещал занятия в Лаборатории экспериментальной фонетики, созданной Щербой. Там он осваивал новый «фонетический метод преподавания языков», который в тот период активно разрабатывал и внедрял в практику Щерба. В полной мере этот метод был воплощен в работе открытого в 1922 г. в Петрограде Фонетического института практического изучения языков, который стал, по существу, первым в стране институтом иностранных языков, выпускавшим высококвалифицированных специалистов. В его организации Боянус принимал настолько активное участие, что это уникальное учебное заведение нередко называли «институтом Боянуса». Будучи штатным преподавателем университета, Боянус был в 1922–1924 гг. также сотрудником Научно-исследовательского института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ), при котором в 1927 г. под руководством Щербы и Боянуса была открыта Фонетическая школа новых языков. Вскоре филиал Фонетической школы был образован в Москве, и Боянус регулярно ездил туда для проведения показательных занятий по фонетике, которые пользовались огромной популярностью. Об этом сохранились воспоминания в мемуарах: счита-

лось, что учащиеся, прошедшие школу Боянуса, будут всегда обеспечены хорошей работой.

В 1926 г. в Ленинграде вышел учебник Боянуса «Постановка английского произношения» с подзаголовком «Английская фонетика для русских» [Боянус 1926]². Это был первый учебник фонетики иностранного языка, написанный с учетом фонологических и методических идей Щербы и предназначенный для носителей определенного языка. Предисловие к учебнику можно считать примером изложения фонетического метода с опорой на родной язык учащихся, с идеей необходимости осознания произносительных привычек родного языка для сознательной выработки иных привычек в изучаемом языке. Так, Боянус пишет: «Приводимые мною ниже объяснения произношения звуков английского языка не всегда совпадают с объяснением английских и других фонетиков. Причины этому — иное фонетическое мирозерцание и иное восприятие. В основу своих описаний я брал осознанное русское произношение и в связи с русскими привычками указывал на привычки в английской речи» [Боянус 1926: 10].

Отличительной чертой этого практического пособия был список литературы, включавший теоретические труды Бодуэна де Куртенэ, Щербы, Богородицкого, Томсона и важнейшие исследования по общей и английской фонетике зарубежных авторов (Суита, Джоунза, Есперсена, Пасси, Пальмера), в том числе новейшие работы по английской интонации, вышедшие в свет буквально накануне появления учебника. Последнее объясняется особенностями биографии автора.

Несмотря на то что английский язык Семен Карлович прекрасно знал с детства и его работы по истории средневекового театра были также связаны преимущественно с английским языком, приступив в начале 1920-х гг. к преподаванию, Боянус предпринимал активные усилия для того, чтобы совершенствовать свои знания языка в Англии. С 1923 по 1928 гг. он несколько раз выезжал на стажировку в Лондонском университете у знаменитого фонетиста Даниэля Джоунза (1881–1967). Его практическими занятиями английской фонетикой руководила мисс Армстронг. Лилиас Эвелин Армстронг (1882–1937) была блестящим фонетистом, любимой ученицей Джоунза и его помощницей по отделению фонетики. К этому времени она была уже автором нескольких работ по фонетике английского и других языков, в том числе написанного совместно с Идой Уорд учебника «A handbook of English intonation» [Armstrong, Ward 1926]. В сентябре 1926 г. Лилиас Армстронг вышла замуж за своего русского ученика, который был старше ее на 11 лет.

² Второе издание книги вышло в свет в 1932 г.

После женитьбы Боянус был вынужден возвратиться в Ленинград и продолжить преподавание в университете. Он неоднократно запрашивал у советского правительства разрешение на выезд в Англию, которое ему удалось получить лишь в 1934 г. Период ожидания оказался чрезвычайно плодотворным в научном отношении. Помимо преподавания английской фонетики, Боянус обратился в это время к лексикографии и в фантастически короткий срок создал вместе с Владимиром Карловичем Мюллером (1880–1941), знаменитым лексикографом и шекспироведом, который также преподавал тогда в Ленинградском университете, принципиально новые, очень нужные и популярные словари. В 1928 г. в издательстве «Советская энциклопедия» вышел 40-тысячный англо-русский словарь и уже через два года — 50-тысячный русско-английский словарь. После отъезда Боянуса его имя исчезает с обложек многократно переиздававшихся словарей.

Получив официальное разрешение на выезд, Боянус поселяется в Лондоне, где получает должность лектора по русскому языку и фонетике в Школе славянских и восточно-европейских исследований при Лондонском университете. К сожалению, его брак был недолгим. Лилиас Армстронг скоропостижно скончалась в декабре 1937 г.

Начинается «русский» период жизни Боянуса. Если раньше, в обучении русских английской фонетике, он использовал свое владение русским языком как средство «осознания» общего «уклада» произносительных органов для постановки иного уклада в изучаемом языке, то теперь он использует свое блестящее знание английской фонетики для постановки звуков и интонации русского языка. Занимаясь обучением иностранцев фонетике русского языка, Боянус не ограничивается практикой преподавания и уже в 1935 г. издает собственный учебник русской фонетики «The Manual of Russian Pronunciation», адресованный носителям английского языка и воплотивший как основные принципы щербовского «фонетического метода», так и разработанные английскими фонетистами методы анализа звукового строя и практической транскрипции [Boyanus 1935].

Учебник состоит из десяти глав, содержащих описание речевого аппарата, знаков фонетической транскрипции, произношения русских гласных и согласных (особое внимание уделяется упражнениям на русские палатализованные согласные), специфики русского словесного ударения и ослабления заударных слогов, правила фразовой интонации. Глава IX «Правила чтения» [Boyanus 1935: 81–99] написана Борисом Александровичем Лариным, ленинградским коллегой и другом³ Боянуса (Reading

³ Дружба с Б. А. Лариным продолжалась и после отъезда Боянуса в Англию. В конце 1935 г. именно Боянус и Армстронг прислали Борису Александровичу полную фотографическую копию «Словаря Ричарда Джемса», необходимую для его публикации.

Rules by Prof. B. A. Larin of Leningrad). Завершается учебник подборкой текстов из русской классики, данных в орфографии и в транскрипции и снабженных полной послоговой интонационной разметкой [Boyanus 1935: 94–123]. Это отрывок из «Метели» А. С. Пушкина как образец нарративного стиля, отрывок из «Детства Никиты» А. Н. Толстого как пример описательного стиля и несколько сцен из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня» как пример стиля разговорного.

Особое место в этом пособии занимает описание русской фразовой интонации. Ему посвящена значительная часть книги (Types of Russian Intonation, [Boyanus 1935: 49–80]; Texts [Boyanus 1935: 94–124]), и оно представляет собой первое в истории русистики детальное изложение правил русской интонации, основанное на ограниченном наборе абстрактных интонационных типов (моделей). Используя интонационную разметку Л. Армстронг и И. Уорд, Боянус транскрибирует, опираясь на собственное произношение, не только фразы, но и целые тексты разных стилей.

Интерес к фонетике родного языка и — особенно — его интонации восходит у Боянуса к актерскому периоду его биографии. В предисловии к своему учебнику он пишет о том, что, будучи актером, режиссером и преподавателем, он удивлялся отсутствию какой-либо системы обучения актеров устной речи, в частности, отсутствию на сцене естественной живой интонации и неумению молодых актеров передать через интонацию смысл текста. Изучение английской интонации и системы, представленной в книге Армстронг — Уорд, дало ему, по его собственным словам, ключ к пониманию особенностей интонации родного языка.

Различительные возможности русской интонации Боянус описывает при помощи четырех основных мелодических моделей, каждая из которых используется с определенными коммуникативными типами предложений. В этом он следует традициям британской школы, однако соотношение моделей и типов предложений выявляет специфику русского языка. Так, нисходящая мелодика первого типа (Type I) характерна для утверждений, восклицаний, вопросов с вопросительным словом и команд; высокий тон (Type II) оформляет в разговорной речи общие вопросы и неконечные части предложений; низкий восходящий тон (Type III) используется для общих вопросов и других коммуникативных типов, содержащих разного рода импликации, например сомнение; восходяще-нисходящий ядерный тон (Type IV) наиболее типичен, по мнению Боянуса, для просьб. В соответствии с теорией британских фонетистов, Боянус начинает обучение русской интонации с однословных (ядерных) высказываний, а переходя к более сложным речевым единицам, обращает особое внимание на предударную и заударную части мелодического контура. Специфику русской интонации он видит не только в мелодике ударных слогов, восходящей

при нисходящем ядерном тоне и нисходящей — при восходящем, но и в мелодическом уровне безударных слогов. Особенно ценным является наблюдение над количеством словесных ударений в разных интонационных типах: свои второй и четвертый типы Боянус описывает как содержащие обычно всего лишь одно сильное ударение, независимо от количества слов, в отличие от первого и третьего типов, особенность которых состоит в ярком мелодическом оформлении каждого из знаменательных слов фразы⁴. Мысленное озвучивание отдельных фраз-примеров из учебника и связанных текстов — отрывков из классической русской прозы, данных в Приложении, убеждает в естественности выбранной автором интонации, представляющей собой образец интеллигентного, благородного, быть может, сейчас уже слегка старомодного русского произношения.

Боянус несомненно осознавал новизну и значение предложенного им описания русской фразовой интонации. Наверное, поэтому именно с основными положениями интонационного раздела своего учебника он выступил на состоявшемся в 1935 г. в Лондоне Втором конгрессе фонетических наук [Boyanus 1936]. Оттиск своего доклада «The main types of Russian intonation» он послал своему учителю, Льву Владимировичу Щербе, отметив в дарственной надписи, что «типы проверены экспериментально»⁵. В предисловии к книге Боянус также подчеркивает экспериментальную основу описания русской интонации и благодарит другого ленинградского коллегу, Льва Рафаиловича Зиндера, за выполнение киномографических записей образцов русской вопросительной интонации (к сожалению, не представленных в книге).

О популярности учебника Боянуса в Англии говорит факт его переиздания в 1944 и 1946 гг.

В 1942 г. С. К. Боянус выходит на пенсию и открывает (в возрасте 71 года) Школу русского языка Боянуса, которая получила в Англии большую известность. В это время он создает несколько пособий по разговорному русскому языку, в том числе опубликованных или переизданных посмертно. В 1943 г. выходит его книга «Conversational Narratives Illustrating Spoken Russian», переизданная в 1946–1947 гг. [Boyanus 1943]. Уже после смерти, в 1955 г., в Лондоне выходит в свет еще одна книга по русской фонетике «Russian pronunciation: the Russian system of speech habits in sounds, stress, rhythm, and intonation together with a Russian phonetic reader; in two volumes» [Boyanus 1955], переизданная в 1967 г. в Америке.

⁴ В исследованиях автора данной статьи эти контуры были охарактеризованы как, соответственно, децентрированные и (сильно) центрированные, см. [Светозарова 1982: 148–152].

⁵ Оттиск и подаренная автором Щербе книга «A Manual of Russian Pronunciation» [Boyanus 1935] хранятся на кафедре фонетики Санкт-Петербургского университета.

Особый интерес представляет практический курс русского разговорного языка, написанный в соавторстве с Н. Б. Джопсоном: «Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary» [Boyanus, Jopson 1939]), снабженный записями на граммофонных пластинках (The course is illustrated by 35 texts recorded by S. C. Boyanus on 12 double sided gramophone records published by “His master’s voice” gramophone company).

Параллельно с работой в собственной школе Семен Карлович Боянус преподавал в Оксфорде, где и умер от сердечного приступа 19 июля 1952 г., во время лекции.

За рубежом книги и статьи Боянуса по фонетике русского языка пользовались известностью и упоминались как авторитетные источники наряду с работами Р. И. Аванесова. Можно обнаружить ссылки и на его интонационную теорию, например, в работах Виктора Яссема и Милана Ромпортла. На родине же эта теория осталась почти неизвестной, за исключением, пожалуй, давней книги автора этой статьи [Светозарова 1982: 85; 89–90]. Между тем современные интонационные теории⁶, признающие большую роль в интонации фразового ударения, подтверждают прозорливость талантливого русского ученого и педагога, который на чужбине, сквозь призму английской интонации, доносил до своих учеников важнейшие ритмико-мелодические особенности интонации родной речи. Кроме того, детальные описания этого тонкого фонетиста имеют историческую ценность. Они зафиксировали (в транскрипции и на пластинках) русское произношение конца XIX — начала XX вв., каким оно сохранилось в речи образованных носителей языка.

Литература

- Боянус С. К. Постановка английского произношения. Английская фонетика для русских. Вып. 1–2. Л.: Современник, 1926.
- Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 175 с.
- Светозарова Н. Д. Этот таинственный Боянус // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований, т. XIV, ч. 1. СПб., 2018. С. 464–486.
- Armstrong L. E., Ward I. C. A handbook of English intonation. Cambridge: Heffer, 1926. 124 p.
- Boyanus S. C. A Manual of Russian Pronunciation. London: Sidgwick and Jackson, 1935. 124 p. (2nd edition: London, 1944; 3rd edition: London, 1946).

⁶ Среди них хотелось бы особенно выделить противопоставление «нейтральной и не-нейтральной» интонации в работе [Yokoama 2001].

- Boyanus S. C. The main types of Russian intonation // Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences. London, 22–26 Juni 1935. Cambridge, 1936. P. 110–113.
- Boyanus S. C., Jopson N. B. Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary. London: Sidgwick and Jackson, 1939. 366 p. (2nd edition: London, 1944).
- Boyanus S. C. Conversational Narratives Illustrating Spoken Russian. Published by Boyanus School of Russian. London, 1943 (2nd edition 1946–1947).
- Boyanus S. C. Russian Pronunciation: the Russian system of speech habits in sounds, stress, rhythm, and intonation together with a Russian phonetic reader: In 2 vols. London: Humphries, 1955. XI, 322 p.
- Boyanus S. C. Russian pronunciation. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967.
- Yokoyama O. Neutral and non-neutral intonation in Russian: A reinterpretation of the IK system // Die Welt der Slaven. 2001. Bd. XLVI. No. 1. P. 1–24.

References

- Armstrong L. E., Ward I. C. A handbook of English intonation. Cambridge: Heffer, 1926. 124 p.
- Boyanus S. K. *Postanovka angliiskogo proiznosheniya. Angliiskaya fonetika dlya russkikh*. [Basics of English pronunciation. English phonetics for Russians]. Vol. 1–2. Leningrad: Sovremennik, 1926.
- Boyanus S. C. A Manual of Russian Pronunciation. London: Sidgwick and Jackson, 1935. 124 p. (2nd edition: London, 1944; 3rd edition: London, 1946).
- Boyanus S. C. The main types of Russian intonation. Proceedings of the Second International Congress of Phonetic Sciences. London, 22–26 Juni 1935. Cambridge, 1936. P. 110–113.
- Boyanus S. C., Jopson N. B. Spoken Russian: a practical course: written and spoken colloquial Russian with pronunciation, intonation, grammar, English translation and vocabulary. London: Sidgwick and Jackson, 1939. 366 p. (2nd edition: London, 1944).
- Boyanus S. C. Conversational Narratives Illustrating Spoken Russian. Published by Boyanus School of Russian. London, 1943 (2nd edition 1946–1947).
- Boyanus S. C. Russian Pronunciation: the Russian system of speech habits in sounds, stress, rhythm, and intonation together with a Russian phonetic reader: In 2 vols. London: Humphries, 1955. XI, 322 p.
- Boyanus S. C. Russian pronunciation. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967.
- Svetozarova N. D. *Intonacionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation system of Russian]. Leningrad, Izd. Leningradskogo universiteta, 1982. 175 p.
- Svetozarova N. D. [This mysterious Boyanus]. Acta linguistica petropolitana. Vol. XIV, part. 1, Saint Petersburg, 2018. P. 464–486. (In Russ.)
- Yokoyama O. Neutral and non-neutral intonation in Russian: A reinterpretation of the IK system. Die Welt der Slaven. 2001. Bd. XLVI. No. 1. P. 1–24.